

КУЛЬТУРА И ПРИРОДА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Сборник научных трудов

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Культура и природа политической власти: теория и практика

Сборник научных трудов

*Под общей редакцией доктора политических наук,
доцента А. А. Керимова*

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2022

УДК 008:321.01(063)

ББК 71я43+66.02я43

К90

Рецензенты:

С. И. Глушкова — д-р полит наук, доц., завкаф. прав человека Гуманитарного университета (Екатеринбург, Россия);

А. И. Матвеева — д-р филос наук, доц., проф. каф. креативного управления и гуманитарных наук Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

Редакционная коллегия:

А. Д. Гурарий — канд. социол. наук, директор департамента социологии и политологии УГИ УрФУ, доц. каф. приклад. социологии УГИ УрФУ, доц. каф. социал. работы УГИ УрФУ (отв. за изд.);

А. А. Керимов — д-р полит. наук, доц., проф. каф. полит. наук УГИ УрФУ (отв. за изд.);

А. Ю. Кузнецов — канд. филос. наук, доц., доц. каф. полит. наук УГИ УрФУ;

С. В. Куньшиков — канд. полит. наук, доц. каф. полит. наук УГИ УрФУ;

И. Е. Левченко — канд. филос. наук, доц., доц. каф. полит. наук УГИ УрФУ;

А. В. Мозолин — ст. преп. каф. полит. наук УрФУ;

Р. С. Мухаметов — канд. полит. наук, доц., доц. каф. полит. наук УГИ УрФУ;

Н. И. Сивкова — канд. социол. наук, доц., доц. каф. полит. наук УГИ УрФУ

Иллюстрации на шмуцтитулах Е. Тоцкой. На обложке использовано изображение с сайта <https://clck.ru/yHs89>.

Культура и природа политической власти: теория и практика : сб. науч. тр. / К90 под общ. ред. д-ра полит. наук, доц. А. А. Керимова ; М-во науки и высшего образования РФ, Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. — 268 с.

ISBN 978-5-7996-3527-5

Сборник научных трудов подготовлен по итогам I Всероссийской научно-практической конференции «Культура и природа политической власти: теория и практика» (15 апреля 2022 г., Екатеринбург). В представленных работах проблемы культуры и природы политической власти рассмотрены с различных позиций. Раскрыта проблематика смыслового многообразия понятия «культура политической власти». Исследованы основы культуры и природы политической власти. Особое внимание уделено проблемам политической власти в различных аспектах и способам их решения.

УДК 008:321.01(063)

ББК 71я43+66.02я43

Ответственность за содержание и оформление материалов несут авторы статей.

Мнение редколлегии и издательства может не совпадать с мнением авторов.

ISBN 978-5-7996-3527-5

© Авторы статей, текст, 2022

© Оформление. Уральский

федеральный университет, 2022

Содержание

От редакционной коллегии	7
<i>А. А. Керимов</i>	
Что мы знаем о культуре и природе политической власти?	8
 Часть 1. Феномен политической власти в общественно-политическом дискурсе.....	11
<i>П. С. Алещенко</i>	
«Мягкая сила» в диалоге культур и цивилизаций	12
<i>Ф. Алфедейлат</i>	
К вопросу участия различных субъектов в урегулировании палестино-израильского конфликта.....	16
<i>З. Альаруси</i>	
Трудности формирования единого Йеменского государства	21
<i>Е. И. Гончарова</i>	
Образ России в российском политическом медиадискурсе.....	26
<i>Н. С. Лиханов</i>	
Общественно-политический дискурс по вопросу политики левого европейского движения: к вопросу о перспективах радикализации левоевропейской политики	31
<i>А. Л. Меркулов</i>	
Внешняя политика Германии при Ангеле Меркель в отношении России	36
<i>Я. А. Мишенков</i>	
Причины и последствия кризиса института монархии в общественно-политическом дискурсе Великобритании.....	50

Я. В. Пирогова

Внешнеполитическая коммуникация в общественно-политическом дискурсе современных государств (на примере российско-американских отношений) 60

О. Ф. Русакова, А. М. Жакьянова

Эволюция концепта «мягкой силы» в творчестве Джозефа Ная: анализ основных этапов 65

Часть 2. Культура в системе отношений: гражданин, общество, власть 74

Р. Л. В. Безуглый

Партия власти и парламентская оппозиция на местных и региональных выборах в России: перераспределение политических ресурсов в условиях социально-политических вызовов 2018–2021 гг. 75

Т. Е. Бейдина, А. В. Новикова

Региональный уровень политической власти в Забайкалье: факторы развития 83

Г. Д. Дубровский

«Конвой свободы» как символический конец западного либерализма (на примере Канады) 88

Н. В. Зими́на

Роль политических партий в формировании политической культуры России 94

Н. Д. Лошин

Система социального рейтинга КНР в культурном аспекте отношений государства и общества 99

Е. О. Сони́на

Влияние изменений в природе власти на механизмы участия населения в процессах принятия политических решений 104

И. Э. Щербаков

Партия «Новые люди» как пятая политическая сила во внутренней политике России 110

Часть 3. Культура политической власти в информационном обществе 116

А. Э. Долгополов

Трансформация выборов как путь к информатизации 117

А. А. Керимов

Дистанционное электронное голосование как форма
электорального волеизъявления: к постановке проблемы.....122

А. А. Конькова, Е. Е. Степанидина

Политический образ России в зарубежных СМИ
в условиях информационной войны127

А. И. Осипов, П. С. Девятова

Имидж кандидатов в депутаты Государственной думы в 2021 г.
в интернет-пространстве134

А. М. Телепов, Н. В. Мальков

Информационно-психологические операции Вооруженных
сил РФ: особенности становления и тенденции развития.....139

**Часть 4. Трансформация политической культуры
в современном российском обществе.....145**

Н. Э. Гайдаенко

Трансформация судебной власти России
в современных условиях146

А. Д. Колмаков

Особенности трансформации политической культуры России
вследствие смены поколений152

И. Е. Левченко

Властное регулирование советской системы
высшего образования.....159

Р. О. Семенов

Тенденции и особенности трансформации политической
культуры, а также пути ее развития в современном
российском обществе.....168

Ю. В. Харланова

Аполитичность как явление современной общественной
жизни175

Т. В. Черкашина

Особенности развития культуры гражданственности
в России.....180

Д. Ю. Чиркин, Е. В. Иванов

Потребность в вере и прямой связи с главой государства
как особенности политической культуры России187

Часть 5. Проблемы повышения качества и уровня культуры политической власти	194
<i>Т. В. Вербицкая</i>	
Особенности политической культуры дипломатов в XIX в. (по материалам переписки Демидовых с влиятельными государственными деятелями)	195
<i>Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, А. С. Огнев, Р. В. Парма, М. А. Давыдова, В. А. Лукушин</i>	
Природа протестных настроений в современном российском обществе и пути их конструктивного преодоления (на примере пандемии COVID-19).....	200
<i>Е. Е. Крепышева</i>	
Политическая культура в Европе в период COVID-19.....	208
<i>А. С. Мартиросян</i>	
Влияние конституционной модернизации на политическую культуру современного российского общества	214
<i>Э. А. Новосёлов</i>	
«Культура отмены» как инструмент политического давления.....	220
<i>В. В. Шинкарев</i>	
Коммуникативный подход партии «Подемос» как рычаг изменения культуры политической власти Испании.....	227
<i>П. Д. Ямина</i>	
Социально-экономические факторы как детерминанты электорального выбора	233
Часть 6. Политические акторы и горожане в тревожном обществе: формы и возможности солидарности.....	239
<i>А. В. Мубаракшина</i>	
Сущность феномена солидарности и его роль в отношениях власти и общества в современной России	240
<i>Н. И. Сивкова, А. Н. Новгородцева</i>	
Рост тревожности в период пандемии и пути ее преодоления.....	248
<i>Е. В. Симонова, А. В. Трошкова</i>	
Воспитательная работа в школе как фактор укрепления общественной солидарности	255
Memoria.....	263
<i>К. А. Поташев</i>	
Памяти Михаила Горбачёва (1931–2022).....	264

**От редакционной
коллегии**

Редакционная статья

УДК 321

Что мы знаем о культуре и природе политической власти?

Александр Алиевич Керимов

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

a.a.kerimov@urfu.ru

Editorial Article

What Do We Know About the Culture and Nature of Political Power?

Aleksandr A. Kerimov

Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

a.a.kerimov@urfu.ru

Проблема политической власти всегда находилась в центре внимания. Она и сегодня вызывает все более возрастающий интерес у исследователей различной профессиональной ориентации: политологов, философов, социологов, историков, правоведов, психологов и др.

В России повышенное внимание к этой проблеме обусловлено состоянием отношений между обществом и властью не только в условиях современного переходного и кризисного периода, но и их неупорядоченностью на протяжении всей ее истории.

Сложные взаимоотношения между обществом и властью в России на протяжении веков порождали череду бунтов, восстаний, крестьянских войн и даже революций. После каждого смутного периода народ заново отстраивал страну, выбирал себе власть. Народ России, испытывая трепет и страх перед властью, относился к ней с должным уважением, хотя воспринимал ее природу иррационально. Будучи далеким от плодов философской мысли Запада или мира воображения и созерцательности Востока, он — российский народ — придавал власти характер сакральности, определив ее как нечто данное богом.

Власть одновременно и привлекала, и отталкивала людей. Эсхатологическое сознание русского человека не допускало даже возможности осмысления природы политической власти, но, доведенный до отчаяния, он не прощал ей обид и лишений. Тем не менее для него нравственным ориентиром служило послушание властям.

Развитие человека и прогресс науки по сей день не сняли всех вопросов о природе политической власти. Она существует так же, как и пять тысяч лет назад. Меняются формы правления, характер режимов, появляются различные силы, агрегирующие и артикулирующие интересы групп, классов, отдельных личностей, но суть власти остается неизменной — она по-прежнему продолжает править, подчиняя себе общество. В чем же ее сила? Можно ли обойтись без нее? Все мыслители по-разному отвечали на эти волнующие каждого вопросы. Но тема не исчерпана, вряд ли наступит время, когда человек сможет сказать, что он наконец-то до конца разгадал природу власти.

Понять природу власти и ее культуру пытаемся и мы. С этой целью на базе кафедры политических наук департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УГИ УрФУ) проведена конференция «Культура и природа политической власти: теория и практика». Мероприятие было направлено на обмен научными взглядами, идеями и мнениями; стимулирование научно-исследовательской деятельности в области анализа истории, теории и практики культуры и природы политической власти; обмен идеями, полученными результатами исследований, выводами и предложениями между представителями различных научных направлений; обсуждение актуальных проблем и перспектив развития культуры власти.

География участников конференции — от Санкт-Петербурга до Читы, от Сургута до Алматы — показала, что наш призыв не остал-

ся неслышанным. Весьма отраднo, что идея проведения такой научной дискуссии нашла отклик не только среди ученых, но и среди молодых исследователей и студентов.

Любому мероприятию предшествует непростая организационная работа по его подготовке, которая обычно остается за кулисами. Этот самоотверженный труд, без которого не состоялась бы конференция, отнял немало времени у коллег по кафедре политических наук УГИ УрФУ. Выражаю огромную благодарность А. С. Гагарину, А. В. Гайсиной, А. Д. Гурарий, Ю. А. Ермакову, А. Ю. Кузнецову, С. В. Куньшикову, Е. Г. Лебедкиной, И. Е. Левченко, А. А. Мозолину, Р. С. Мухаметову, О. Ф. Русаковой, Н. И. Сивковой, а также лаборантам кафедры Л. А. Архиповой и А. А. Дюпиной за оказанную помощь в организации и проведении I Всероссийской научно-практической конференции «Культура и природа политической власти: теория и практика».

Часть 1. Феномен политической власти в общественно- политическом дискурсе

Научная статья

УДК 327.08

«Мягкая сила» в диалоге культур и цивилизаций

Павел Сергеевич Алещенко

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

paveltass@mail.ru

Аннотация. В настоящее время многие страны в своей внешней политике стараются отходить от использования силовых методов при решении межгосударственных вопросов и выстраивании диалога. Как показала практика, применение лишь военной силы для реализации успешной внешней политики оказалось недостаточно эффективным, поэтому некоторые государства начали обращаться к стратегии «мягкой силы» при формировании своего внешнеполитического курса.

Ключевые слова: мягкая сила, внешняя политика, культура, цивилизация, диалог

Original article

Soft Power in the Dialogue of Cultures and Civilizations

Pavel S. Aleshchenko

Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

paveltass@mail.ru

Abstract. At present, many countries in their foreign policy are trying to move away from the use of forceful methods in solving interstate issues and building a dialogue. As

practice has shown, the use of only military force for the implementation of a successful foreign policy was not effective enough, so many countries began to turn to the strategy of soft power when shaping their foreign policy.

Keywords: soft power, foreign policy, culture, civilization, dialogue

Фактор «мягкой силы» выступает одним из ключевых аспектов гуманитарного сотрудничества и усиления влияния страны на международной арене. Значение «мягкой силы» становится настолько определяющим, что непосредственно влияет на обеспечение национальной безопасности [1, с. 12]. Создание собственной идентичности и ее продвижение в мире, формирование положительного имиджа государства как уникального и привлекательного, узнаваемого бренда, конкурентоспособного и эффективного, выступают одними из приоритетов государства в условиях глобализации и эпохи информационного общества [2].

Хотя «мягкая сила» как концепция сформировалась в рамках западной теории международных отношений, она получила развитие и в российской политической науке как стратегия сохранения и продвижения культуры страны. Так, С. Кара-Мурза, раскрывая особенности современного этапа развития, указывает на разрушение культуры, размывание культурной идентичности народов [3, с. 112]. В свою очередь, А. Ю. Голобородько рассматривает культурное измерение государственной политики как важный элемент в структуре формирования авторитета страны, непосредственно влияющий на ее безопасность и развитие [1, с. 12]. По мнению С. Кара-Мурзы, культуру можно представить как некую систему, матрицу, которая оказывает огромное влияние на функционирование других сфер общественной жизни. Ее содержание определено «сильными мира сего» уже с самого начала, и эта тактика реализуется через средства массовой информации [3, с. 112].

Среди проблем культуры России, С. Кара-Мурза выделяет постепенное разрушение русского языка, что, по его мнению, является угрозой безопасности России и будущего страны в целом. Исходя из того, что язык является важнейшим фактором развития культуры страны, следует отметить, что его «размывание» представляет собой проблему государственного значения. Изменения в языке вызваны неграмотностью людей, падением уровня образования, но в еще большей степени всеобъемлющим разрушением культуры. Например, свидетельством

этому выступает замена в языке слов зарубежными аналогами (заимствованная лексика).

Термин «диалог культур» зачастую отождествляется с диалогом цивилизаций. Однако следует отметить, что такое отождествление представляется ошибочным, даже несмотря на то, что они часто используются как синонимы. С. Хантингтон рассматривает цивилизацию как культурную общность высшего порядка, обязательно указывающую на целостность и идентичность, принадлежащих к одной и той же культуре (цивилизации) людей [4, с. 173]. Он выделяет ряд ключевых критериев для определения цивилизации, среди которых язык выступает одним из фундаментальных. Можно отметить, что сохранение и продвижение своего языка рассматривается как неотъемлемая часть «мягкой силы», такая же, как историческое и культурное наследие, современное состояние культуры, религиозная общность, сильные традиции, самоидентификация людей в вопросе цивилизации или культуры, подытоживает исследователь [5, с. 38].

На современном этапе развития представления о целях культурного или цивилизационного диалога, уникальности каждой цивилизации, отказе от подражания или универсализма выступают важным фактором, позволяющим судить о наличии или отсутствии агрессии при проведении политики «мягкой силы». Диалог подразумевает уважение различий и сохранение автономии. Связь между поколениями, историческая память народа содержат огромные возможности для межкультурного диалога.

К числу ключевых инструментов политики «мягкой силы» в диалоге культур и цивилизаций можно отнести культуру и язык. Язык является носителем «национальной культурной матрицы» [6, с. 268]. Необходимо отметить, что в современном мире по-прежнему сохраняется высокий интерес к литературе, искусству, музыке России, что дает основания полагать о наличии у этого ресурса огромного потенциала для реализации стратегии расширения влияния России через использование механизмов «мягкой силы». Русский язык выступает ключевым инструментом формирования и развития зарубежных русскоязычных диаспор, в первую очередь через русскоязычный сегмент интернета и русскоязычные социальные сети.

Таким образом, культурное взаимодействие позволяет расширить представление о себе и мире, лучше понимать друг друга и развивать сотрудничество, уважая особенности другой культуры или цивилиза-

ции. И мы согласны с мнением, что культурные рамки диалога на современном этапе всесторонне влияют на человека, его образ жизни, его мировоззрение, а культура наряду с образованием выступает средством развития сотрудничества в противовес конфронтации, повышения доверия и снятия напряженности [7, с. 64].

Список источников

1. Голобородько А. Ю. Культурная безопасность: содержание, ресурсы, инструментарий обеспечения // Сравнительная политика. 2015. № 6. С. 10–19.
2. Василенко И. А. Имиджевая стратегия современной России // Перспективы. URL: <https://clck.ru/revYo> (дата обращения: 17.03.2022).
3. Кара-Мурза С. Г. Кризисное обществоведение : курс лекций. М. : Научный эксперт, 2012. Ч. 2. 384 с.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка. М. : АСТ, 2006. 571 с.
5. Тойнби А. Дж., Хантингтон С. Как гибнут цивилизации / пер. с англ. Е. Д. Жаркова [и др.]. М. : Родина, 2018. 302 с.
6. Горлова И. И., Бычкова О. И. Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 268–272. URL: <https://clck.ru/gew4c> (дата обращения: 17.03.2022).
7. Бабаджанова М. М., Юсупова М. Межкультурный диалог как фактор развития культуры в период глобализации // Современные проблемы науки, технологий, инновационной деятельности : сб. науч. тр. по материалам Международ. науч.-практ. конф. : в 4-х ч. / под общ. ред. Е. П. Ткачевой. Белгород : Агентство перспектив. науч. исслед., 2017. Ч. 3. С. 60–65.

Научная статья

УДК 327.8

К вопросу участия различных субъектов в урегулировании палестино-израильского конфликта

Ферас Алфедейлат

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

alfedeilat.firas@yahoo.com

Аннотация. Несмотря на отсутствие существенного прорыва в урегулировании палестино-израильского конфликта за последнее десятилетие, Россия и США по-прежнему остаются главными силами, способными оказать влияние на конфликтующие стороны. Как представляется, необходимо в полной мере воспользоваться всеми возможностями, которыми располагают не только Россия и США, но и остальные участники процесса решения палестино-израильской проблемы, включая внутрипалестинских политических субъектов.

Ключевые слова: Палестина, Израиль, палестино-израильский конфликт, мирное урегулирование, субъекты переговорного процесса

Original article

To the Question of the Participation of Different Subjects in the Settlement of the Palestinian-Israeli Conflict

Feras Alfedeilat

Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

alfedeilat.firas@yahoo.com

Abstract. Despite the absence of a significant breakthrough in the settlement of the Palestinian-Israeli conflict over the past decade, Russia and the United States still remain the main forces capable of influencing the conflicting parties. It seems that it is necessary to take full advantage of all the opportunities available not only to Russia and the United States, but also to other participants in the process of resolving the Palestinian-Israeli problem, including internal Palestinian political actors.

Keywords: Palestine, Israel, Palestinian-Israeli conflict, peace settlement, subjects of the negotiation process

Палестино-израильский конфликт является составной частью более серьезного арабо-израильского противостояния и продолжается по сей день. В процесс урегулирования этого столкновения вовлечены различные силы, и, «несмотря на некоторую согласованность в ряде вопросов, все участники играют разную роль в процессе мирного урегулирования данного конфликта» [1, с. 281].

Поддержка частью палестинского населения движения ХАМАС (дословно переводится как «Исламское движение сопротивления» — *прим. ред.*) ставит вопрос о включении этой организации в процесс мирного урегулирования. «ХАМАС завоевал популярность среди палестинцев своей бескомпромиссной позицией в отношении коррумпированных чиновников и коллаборационистов из партии ФАТХ (дословно переводится как “Движение за национально освобождение Палестины” — *прим. ред.*). Большую часть своего бюджета “хамасовцы” тратят на социальные нужды» [2, с. 96]. Исторические факты изменения в позиции ХАМАС позволяют сделать вывод о том, что именно включение движения в переговорный процесс и снятие ярлыка террористической организации приведет к отказу ХАМАС от боевой тактики борьбы.

С 2017 г. отмечается тенденция к поиску компромиссов между ХАМАС и Организацией освобождения Палестины (ООП) в силу того, что Махмуд Аббас не получил адекватного диалога с Вашингтоном и его мнение осталось проигнорированным. Имидж политической силы ООП в глазах палестинцев сильно пошатнулся, несостоятельность позиции М. Аббаса в диалоге с США привела в 2017 г. к новой интифаде (движение, направленное на отделение Палестинской автономии от Израиля, — *прим. ред.*), усилению боевой борьбы со стороны ХАМАС после фактически одностороннего решения вопроса о статусе Иерусалима (факт переноса посольства США в Иерусалим в 2017 г.). Сближение позиций между ООП и ХАМАС служит доказательством

наметившейся тенденции к сплочению внутренней палестинской политической элиты в целях защиты интересов палестинского народа на фоне заявлений 45-го президента США Дональда Трампа. Посредничество США стало наглядным примером продвижения их геополитических интересов в регионе, а не стремления к мирному урегулированию конфликта.

Для решения проблемы нужны новые подходы и понимание неизбежности установления мира в этом регионе. Так, мы считаем, что должен быть возобновлен процесс мирного урегулирования конфликта, который положит начало региональному сотрудничеству в областях послевоенного восстановления Ирака и решении проблемы ядерного нераспространения, включая иранскую военную ядерную программу. Разрешение конфликта на территории так называемого Западного берега реки Иордан может оказать содействие снятию напряжения в межгосударственных отношениях, минимизации межарабских противоречий, что в конечном итоге может гарантировать безопасность существования Государства Израиль.

На современном этапе только Россия может стать наиболее эффективным посредником в мирном урегулировании, поскольку в ее позиции отражено стремление максимально учесть интересы палестинского народа. Уход США из региона невозможен объективно, однако необходимо устранить их монополию на посредничество на этой территории, для того чтобы стороны могли продолжить переговорный процесс. Исключение посреднической миссии США в регионе возможно в пределах возникшего охлаждения отношений между Россией и Западом. Именно Россия, чья позиция не формируется под влиянием США и является независимой, может стать эффективным посредником в переговорном процессе, поскольку имеет устойчивые связи и каналы влияния как в Израиле, так и в Палестине.

Руководство ООП также понимает такую возможность, что подтверждается трехсторонней встречей лидеров России, Ирана и Палестины. Жесткая позиция в отношении политики США со стороны России в сирийском противостоянии усилила кредит доверия со стороны арабских государств относительно гарантий безопасности, которые может дать палестинцам Россия, в противовес позиции США, которые гарантируют безопасность Израиля.

Привлечение к мирным переговорам исламских организаций также необходимо, поскольку Организация Объединенных Наций (ООН)

фактически не имеет никакого влияния на реально происходящие в мире процессы и угрозы международной безопасности. Более того, исламский мир вынужден создавать альтернативные ООН структуры именно для исламских стран, поскольку их голос в Организации Объединенных Наций давно и систематически игнорируется. Право вето, которым обладают США в Совете безопасности ООН, а также сама структура организации созданы таким образом, что ни одна исламская страна не может отстоять свои интересы, а Палестина так и не представлена в ООН по причине отсутствия полноценного статуса государственности и суверенитета.

В заключение отметим, что конфликт между Палестиной и Израилем имеет несколько плоскостей: конфессиональную, территориальную, цивилизационную и институциональную, каждая из которых активизирована благодаря вмешательству именно западных стран в урегулирование конфликта. Стороны противостояния не равномерны и не равноценны по статусу и роли: Израиль — признанное и суверенное, полноправное государство, чье существование в центре арабского мира гарантировано сильнейшей военной державой; Палестина же является ограниченной автономией и не имеет территориальной целостности из-за проблем с анклавом в секторе Газа.

Западное сообщество во главе с США идет на встречу только требованиям Израиля, который настаивает на идее создания на палестинских землях такого государства, у которого не будет суверенных прав. В итоге складывается ситуация, когда монополия Запада на мирное посредничество исключает или ставит на второй план возможности влияния на процесс мирных переговоров арабских стран, вносит раскол в политическую элиту Палестины, усиливая косвенным образом реакции населения на неэффективную политику в форме поддержки радикальных течений и тактик, объявляет палестинское национально-освободительное движение ХАМАС террористической организацией, признает единственным представителем народа Палестины ООП и т. д.

При таком посредничестве наступление прочного мира не представляется возможным. Все западные механизмы урегулирования, в т. ч. институциональные, неприменимы к специфике региона, а ведущая роль Вашингтона только сильнее заводит ситуацию в тупик. Единственной реальной перспективой для урегулирования отношений между палестинцами и израильянами являются отсутствие посредничества и провокационной роли США на этой территории, мирный

переговорный процесс с учетом интересов всех политических сил Палестины, расширенный формат участия для арабских стран в процессе мирного урегулирования, если гарантом безопасности сторон является Россия. К сожалению, приходится констатировать, что «ни Израиль, ни Палестина, ни США, ни международное сообщество каждый по своим причинам пока не смогли обеспечить действительное продвижение переговорного прогресса и сделать хотя бы один существенный шаг в направлении урегулирования конфликта» [3, с. 457].

Как показала практика действий России в Сирии, решительные шаги в восстановлении мира на Ближнем Востоке вполне по силам действующему руководству РФ, более того, имидж России как антагониста политики США в регионе может принести только пользу в мобилизации арабских стран для гарантий безопасности сторон.

Необходимо также привлечь в качестве гарантов региональной безопасности собственно исламские организации, которые вполне способны влиять на позицию арабских стран в процессе мирного урегулирования. Таким образом, следует использовать во благо именно конфессиональный фактор в качестве мобилизации мирных инициатив, которые Израиль без вмешательства США уже не сможет игнорировать.

Список источников

1. Григорян Д. К., Кондратенко Е. Н., Фарапонова Т. К. Роль мировых элит в урегулировании палестино-израильского конфликта: современный период // Власть. 2020. Т. 28, № 5. С. 281–287.
2. Керимов А. А., Рабайа Ф. М. А. Роль движения ХАМАС в создании палестинского государства: идеология и практика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 95–101.
3. Корнилов А. А., Лобанова Н. С., Жерновая О. Р. Обсуждение палестино-израильского конфликта в комитете Британского Парламента по иностранным делам (2014 год) // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 2. С. 437–462.

Научная статья

УДК 321.01

Трудности формирования единого Йеменского государства

Закария Альаруси

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

monssarzakaria@gmail.com

Аннотация. Зарождение единой государственности в Йеменской Республике протекало неравномерно и преимущественно в рамках примитивного племенного строя. Примечательно, что до 1962 г. на территории этого государства речи о демократии как таковой даже не было, т. к. имамат полностью отрицал возможность функционирования такой системы. Несмотря на эти противоречия, как считает ряд исследователей, Йемен принадлежит к числу тех политико-территориальных образований, которые не только гипотетически демонстрировали предрасположенность к федерализму в силу физико-географической, религиозно-культурной или социально-экономической неоднородности, но и время от времени практиковали некоторые элементы федерализма пусть даже стихийно и неявно.

Ключевые слова: Йемен, государство, квазифедеративный союз, коалиционное правительство

Original article

Difficulties in the Formation of a Single Yemen State

Zakariya Alarousi

Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

monssarzakaria@gmail.com

Abstract. The emergence of a unified state in the Republic of Yemen proceeded unevenly and mainly within the framework of a primitive tribal system. It is noteworthy that until 1962 there was no talk of democracy as such on the territory of this state, since the imamate completely denied the possibility of the functioning of this system. Despite these contradictions, according to a number of researchers, Yemen is one of those political and territorial entities that not only hypothetically demonstrated a predisposition to federalism due to physical-geographical, religious-cultural or socio-economic heterogeneity, but and from time to time they practiced some elements of federalism — even if spontaneously and implicitly.

Keywords: Yemen, state, quasi-federal union, coalition government

Сегодняшняя граница, разделяющая Северный и Южный Йемен, почти совпадает с линией размежевания между Сабейским и Химьяритским царствами, существовавшими на юге Аравийского полуострова в первые века нашей эры. Устойчивость этого дуализма неслучайна: он стал следствием выраженных географических и экологических особенностей двух составляющих Йемена [1, р. 2]. Дело в том, что плодородные и равнинные земли Юга обеспечивают существование значительно более плотного земледельческого населения (как правило, необходимого для поддержания стабильных государственных структур), представляя, таким образом, заметно более благоприятные условия для стабильной и сравнительно крепкой политически централизованной государственной организации, чем те, что наблюдаются на Севере. Не располагая экономическими предпосылками, позволяющими генерировать сколько-нибудь целостный эксплуататорский класс, северные территории Йемена породили «политическую систему, комбинирующую средней силы государственные структуры в центре с предельно развитыми племенными структурами на периферии» [2, с. 56]. Сказанное позволяет понять, почему именно равнинные земли вокруг Саны некогда стали и поныне остаются базой центральной власти на йеменском Севере. В целом же две части Йемена с древности были самостоятельными государственными единицами с различной социально-экономической и политической историей, не позволявшей им тем не менее навсегда расстаться друг с другом и, в конечном счете, завершившейся их объединением, на разных этапах бытования которого квазифедералистские характеристики проявлялись довольно ярко.

Образование единого Йеменского государства происходило на волне подъема арабского национализма, который охватил к тому моменту

преимущественно весь Ближний Восток. Две части страны, некогда существовавшие порознь, устремились в направлении взаимной политической интеграции. Значительным препятствием этому выступали вопросы разделения ресурсов и ключевых акторов принятия политических решений. Обе стороны опасались стать объектом «недружественного поглощения». Народная демократическая республика Йемен (южная часть) значительно уступала в численном соотношении граждан страны относительно северян (5 к 1), поэтому до последнего оттягивала процесс объединения. Только когда южане были уже лишены поддержки Советского Союза и экономически истощены, они пошли на этот эксперимент. Как они полагали, в той тяжелой социально-экономической обстановке только федералистский проект мог оставить им часть властных прерогатив в южной части страны.

Возможно, если бы нефть в южном Йемене открыли несколько ранее, а не в середине 1980-х гг., то они смогли бы продолжить свое существование в автономном режиме, не прибегая к столь радикальной мере — утрате суверенитета своей страны.

Фактически план унификации, выношенный сторонами к 1990 г., представлял собой квазифедералистский контракт о разделе власти, опирающийся на хрестоматийный принцип «сочетания самоуправления и разделенного правления». В апреле 1990 г. два правительства согласовали этапы объединения, а месяц спустя было обнародовано совместное решение о создании Йеменской Республики. Поскольку инициаторы проекта опасались вооруженного восстания его противников, а таковых было немало, особенно на южных территориях, унификацию провели молниеносно, без какого бы то ни было переходного периода. Новорожденное государство должно было контролироваться двумя партиями: северным Всеобщим народным конгрессом Йемена (ВНК) и южной Йеменской социалистической партией (ЙСП). Предполагалось, что наличие двух равноправных центров силы будет уравновешивать систему, превращая ее в стабильно функционирующую демократию де-факто федеративного типа. Это, однако, обуславливало выживание обоих политических режимов, ни один из которых в процессе слияния не демонтировался, — а устойчивость такого сценария в конечном счете оказалась за пределами возможного. В итоге, хотя сами земли Йемена удалось объединить, две правящие партии глубоко не доверяли друг другу, сохраняя за собой две полноценно функционирующие администрации. И это была не единственная пробле-

ма новоявленного режима. Ранее уже упоминалась одна из главных особенностей Йеменского государства (как южной части, так и северной) — племенные патронажные системы, которые функционировали в клановом формате и задавали строгие рамки как принятия политико-управленческих решений, так и акторов для их реализации.

Началом перехода к демократическому режиму для граждан Йемена принято считать 1991 г. В этом году в результате всенародного референдума была принята конституция единого Йемена, которая считалась первым политическим достижением после объединения в 1990 г. Первые всеобщие выборы в 1993 г., проводимые в обеих частях уже единой страны, оказались прологом политической катастрофы и крушения квазифедеративного союза. Подкуп, угрозы и запугивание со стороны обоих ключевых акторов стали в ту кампанию универсальным средством наращивания электорального веса. Однако произошло и еще кое-что важное. По итогам голосования на политической арене молодой республики появилась новая влиятельная сила — партия «Йеменское объединение за реформы» («аль-Ислах»), которая объединяла местных «братьев-мусульман» и опиралась на поддержку влиятельного клана зейдитов аль-Ахмар, доминирующего в племенной конфедерации Хашид (к одному из ее второстепенных племен принадлежал и клан Салеха).

В этих выборах принимали участие все политические силы страны. Из 20 партий лишь восемь смогли получить место в Палате представителей: большинство мест получил Всеобщий народный конгресс Йемена — 123 места, затем партия «аль-Ислах» — 62 места, в то время как Йеменская социалистическая партия получила всего 56 мест [3, с. 37].

Несмотря на подавляющее преимущество политической партии ВНК, ей не удалось завоевать абсолютное большинство. Появилась необходимость формирования коалиционного правительства.

В 1994 г. эту потребность удалось реализовать — было создано коалиционное правительство, власть в котором разделяли два крупных политических актора, представляющих Север и Юг: ВНК и ЙСП.

Однако сформированная коалиция не смогла предотвратить новый политический кризис между Всеобщим народным конгрессом Йемена и Йеменской социалистической партией, приведший к гражданской войне в 1994 г., которая закончилась победой Али Абдаллы Салеха и уходом Али Салем аль-Бид и его сторонников с политической сцены, а также эмиграции из Йемена. В итоге коалиционное правитель-

ство продолжило свою деятельность только с участием партий «аль-Ислах» и ВНК и в Йемене начался новый этап на пути к демократии.

В 1996 г. принят новый закон о выборах, и уже в следующем году проведены парламентские выборы, которые утвердили ранее избранный курс Йеменского государства на многопартийность и ненасильственный транзит власти. В очередной раз победу одержал ВНК, сформировав большинство в парламенте. Однако Юг Йемена только под насильственным давлением признавал эти результаты. Истеблишмент этой части страны отчетливо осознавал, что итоги гражданской войны 1994 г. перераспределили нефтяную ренту в пользу Севера, отобрав в южных провинциях такие важнейшие источники ее добычи, как Хадрамаут и Шабва.

Список источников

1. Gochenour T. Towards a Sociology of the Islamisation of Yemen // Contemporary Yemen: Politics and Historical Background / Ed. by B. R. Pridham. New York : Routledge, 1984. P. 1–19.
2. Захаров А. А., Исаев Л. М. Федерализм и война: Йемен после «арабской весны» // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2020. № 5 (133). С. 55–86.
3. Радман М. Р. М. Особенности политической системы Йемена // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. № 4. С. 35–41.

Научная статья

УДК 659

Образ России в российском политическом медиадискурсе

Екатерина Ивановна Гончарова

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

plume800@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли стереотипов и предрассудков при создании образа России в отечественном политическом медиапространстве. Особое внимание уделяется основным способам формирования положительного образа России и русских в контексте политического медиадискурса.

Ключевые слова: образ России, стереотип, предрассудок, политический дискурс, медиадискурс

Original article

The Image of Russia in Russian Political Media Discourse

Ekaterina I. Goncharova

The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

plume800@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the role of stereotypes and prejudices in creating the image of the country in the domestic political media space. The article focuses on the main ways of forming a positive image of Russia and Russians in the context of political media discourse.

Keywords: image of Russia, stereotype, prejudice, political discourse, media discourse

Общепризнанно, что медиапространство создает образ страны не только за пределами страны, но и в ней самой. Проблема формирования положительного образа государства в сознании его граждан и иностранцев является сегодня одной из наиболее актуальных в социально-гуманитарном познании.

Образ страны составляет не только информация о ее культурном наследии и положении на международной арене. Важную роль в формировании образа государства играет система массовой коммуникации: СМИ, реклама, связи с общественностью, индустрия культуры и искусства и др. В этом случае необходимо упомянуть такие термины, как медиадискурс и медиатекст.

По мнению Т. Г. Добросклонской, медиадискурсом является «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [1, с. 21]. Как правило, единицей медиадискурса является медиатекст, в котором учитываются экстралингвистические факторы, такие как цели автора, культурологические особенности и др. Таким образом, целью автора является создание определенной политической картины мира, формирование коллективного сознания. Средства массовой информации становятся своеобразным ресурсом формирования образа страны.

В СМИ часто используют стереотипы и предрассудки в качестве инструмента для создания образа страны. Стереотипы являются продуктом метода обработки и передачи информации и знаний между людьми. Исследователи отмечают, что в основе сформировавшихся стереотипов почти всегда есть относительная истина, которая далее превращается в клише. Ученые считают, что человеческий мозг работает таким образом, чтобы упрощать информацию, поэтому наделение человека определенными чертами по внешним признакам — всего лишь побочная реакция работы мозга [2, с. 131]. Психология трактует предрассудки как «психологическую установку предвзятого и враждебного отношения к чему-либо без достаточных для такого отношения оснований или причин» [2, с. 140]. Как правило, появление предрассудков связано с недостаточной информацией о культуре народа. Во времена глобализации и медиатизации образ страны становится все более важным явлением в межкультурной коммуникации.

В сознании человека образы стран формируются на основе происходящих событий в их внешней и внутренней политике, а также их мотивов и возможностей. Кроме того, воспринимаемое качество отношений

между государствами часто является неотъемлемой частью образа, например в концепциях образов «страна-враг» или «страна-союзник». Такой статус также складывается веками и мгновенным изменениям не подвержен. Центральными элементами образа государства являются его сильные и слабые стороны — другими словами, то, с чем ассоциируется страна.

Как уже упоминалось, медиатекст является эффективным средством формирования положительного образа страны в сознании соотечественников и иностранных граждан, изучающих язык конкретного государства. В арсенале медиадискурса есть определенные механизмы формирования положительного образа страны.

Во-первых, эффективность создания положительного образа страны достигается за счет выбора лексики с положительной коннотацией. В статье «Путин заявил о способности русских людей обостренно чувствовать чужую боль» издание «Известия» пишет [3]:

По словам президента, в российском национальном характере есть такая черта, как *«принимать близко к сердцу»* (здесь и далее курсив наш — Е.Г.). Он отметил, что русские люди обостренно чувствуют чужую боль и несправедливость, а также способны *искренне радоваться* успехам других и *идти на помощь*.

Такие лексические единицы, как «принимать близко к сердцу», «искренне радоваться», «идти на помощь», применительно к описанию национального русского характера создают доверительную атмосферу и находят отклик в сердцах читателей.

Во-вторых, в медиатекстах часто упоминаются ссылки на выступления известных политических деятелей в целях придания наибольшей достоверности. Так, в статье «Лавров назвал воровством заморозку активов ЦБ России на Западе», опубликованной 23 марта 2022 г. тем же изданием, представлен следующий фрагмент [4]:

В ходе выступления министр также указал, что Россия «окрепнет», в том числе с помощью Евразийского экономического сообщества, Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС и других механизмов.

Министр иностранных дел России Сергей Лавров пользуется авторитетом среди населения страны, использование его цитаты заставляет читателей поверить в экономические возможности страны.

В-третьих, повтор определенных лексических единиц притягивает внимание читателей на значимые фрагменты. Интернет-издание «Газета.Ру» 21 марта 2022 г. опубликовало статью «Песков: на концерте-митинге была продемонстрирована поддержка Путина», в которой цитируются слова пресс-секретаря Президента России о концерте в Лужниках по случаю Дня воссоединения Крыма и Севастополя. Дмитрий Песков не раз повторяет лексическую единицу «поддержка», чтобы убедить читателей, что народ поддерживает политику Владимира Путина [5]:

Что касается этого мероприятия, то это более чем красноречивая демонстрация *поддержки*, которой пользуется президент, *поддержки* тех решений, которые принимались и народом Крыма, когда они возвращались в Россию, и руководством страны, когда Крым был принят в состав России. Это *поддержка*. И это выражение *поддержки* максимально возможное.

Использование личных и притяжательных местоимений первого лица множественного числа подталкивает читателя к мысли о том, что население и представители политической элиты работают вместе на благо государства. В статье «Рябков: Запад не поставит Россию на колени», опубликованной «Российской газетой» на сайте издания 22 марта 2022 г., приведена цитата заместителя министра иностранных дел России Сергея Рябкова [6]:

Плачевным образом закончатся иллюзии коллективного Запада о том, что Россию теперь можно поставить на колени. Этого не будет <...> Мы адаптировались к санкциям, мы адаптируемся и теперь. Здесь нет оснований для тревоги. Мы собрали волю, ресурсы в кулак, мы действуем на опережение. А там, где мы увидели из ряда вон выходящие решения со стороны коллективного Запада, о которых раньше вроде как не было речи, мы просто удостоверились в наших худших представлениях о том, что себе могут позволить эти люди <...> Возврата к прошлому в отношениях с ними быть просто не может.

Итак, в современном информационном обществе роль средств массовой информации невозможно недооценивать. Они информируют общество о событиях, при этом формируя общественные сознание и мнение, создавая популярные стереотипы, «рисую» образ страны

на международной политической арене. Так, газеты и журналы создают изображение государства, базируясь на событиях, происходящих в нем и за его пределами, а также на истории и культуре страны. Проблема создания положительного образа государства в последние годы активно обсуждается как научным сообществом, так и политической элитой.

Список источников

1. Добросклонская Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2006. № 2. С. 20–33. URL: <https://clck.ru/sH2Nm> (дата обращения: 26.03.2022).
2. Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие. М. : КНОРУС, 2014. 254 с.
3. Путин заявил о способности русских людей обостренно чувствовать чужую боль // Известия. 2022. 25 марта. URL: <https://clck.ru/sH2gz> (дата обращения 26.03.2022).
4. Лавров назвал воровством заморозку активов ЦБ России на Западе // Известия. 2022. 23 марта. URL: <https://clck.ru/sH2kV> (дата обращения 26.03.2022).
5. Дмитрова Д. Песков: на концерте-митинге была продемонстрирована поддержка Путина // Газета.Ru. 2022. 21 марта. URL: <https://goo.su/94FhLy> (дата обращения 26.03.2022)
6. Когалов Ю. Рябков: Запад не поставит Россию на колени // Российская газета. 2022. 22 марта. URL: <https://clck.ru/eEb2J> (дата обращения 26.03.2022).

Научная статья

УДК 323.2

Общественно-политический дискурс по вопросу политики левого европейского движения: к вопросу о перспективах радикализации левоевропейской политики

Никита Сергеевич Лиханов

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

ginc.novosibirsk@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме общественно-политического дискурса европейских левых партий. Рассматривается природа политических партий, характер и направление вектора европейского развития.

Ключевые слова: левый, партия, левая повестка, дискурс, правый

Original article

Social and Political Discourse on the Policy of the Left European Movement: To the Question of the Prospects of Radicalization of the Left European Politics

Nikita S. Likhanov

Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

ginc.novosibirsk@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of socio-political discourse of European left parties. The nature of political parties, the nature and direction of the vector of European development are considered.

Keywords: leftist, party, leftist agenda, discourse, rightist

Последствия мирового кризиса 2008 г., уменьшение количества рабочих мест, миграционный кризис и кризис европейской идентичности (европейских ценностей) — все эти факторы способствуют формированию запроса на поиск новых политических ориентиров для дальнейшего развития. Произошел рост правых европейских партий, которые предлагают простые, понятные, эмоционально окрашенные и чаще всего популистские решения проблем: снижение налогов, антимиграционную политику, возврат рабочих мест и т. д. [1, с. 119].

На этом фоне внутри левого европейского политического движения начался дискурс о необходимости политической радикализации: национализации крупных предприятий, необходимости введения прогрессивной налоговой ставки и расширения системы государственной помощи [2, с. 89].

Цели левых европейских партий и любой другой политической силы одинаковы — приход к власти и реализация в жизнь своих идей. Левые движения имеют две большие группы электората [3, с. 66].

Первая группа — низший и средний класс. Основной политической запрос у таких избирателей — решение проблемы социальной несправедливости, которая вызвана деятельностью капиталистов и крупных корпораций [1, с. 112]. Левые европейские политические движения обещают исправить эту несправедливость через национализацию и прогрессивный налог. Эта идея очень простая, и ее очень легко понять, в отличие от сложных экономических или социальных теорий, которые используют центристские европейские партии [4, с. 195].

Вторая группа — мигранты. Эта группа довольно многочисленна, более того, она будет постоянно расти [1, с. 46]. Мигранты обеспокоены подъемом правых европейских партий, поскольку они ощущают давление на представителей своей этнической группы от последствий антимиграционной политики. Значительная часть мигрантов будет голосовать на выборах именно за левые партии, т. к. эта группа мотивирована не допустить прихода правых европейских сил к власти, противовесом которой являются европейские партии именно левого толка.

Одновременно с этим внутри левых европейских партий ведется дискурс о необходимости изменения политической повестки для отделения себя от центристов. Левые европейские партии хотят показать себя самостоятельной силой [1, с. 264]. Европа отходит от умеренно левых идей, поскольку они плохо работают в столкновении с радикальными правыми идеями [4, с. 15].

Противники радикализации левых европейских партий предлагают альтернативные аргументы. Так, левоцентристы говорят о рисках потери финансирования, т. к. сегодня значительная часть капиталистов финансирует левые европейские партии (из-за левых взглядов или из чувства социальной ответственности). Если левые европейские движения будут предлагать национализацию крупных корпораций, их мотивация финансировать избирательную кампанию уменьшится, т. к. никто не хочет платить за будущую потерю своего бизнеса. Без капиталистического финансирования провести масштабную избирательную кампанию будет довольно затруднительно [1, с. 119]. Более того, корпорации, испугавшиеся возможной потери бизнеса в случае прихода к власти левых, в целях обеспечения безопасности своих капиталов могут оказывать финансовую поддержку любой другой силе, что не ставит национализацию как главную идею своей повестки (центристов, правых, радикально правых и т. д.). Из этого следует, что левые европейские партии могут лишиться собственного финансирования и одновременно увеличить таковое своих оппонентов, повышая их узнаваемость и популярность.

В западном обществе, в т. ч. европейском, у предпринимательства и свободной торговли есть определенный сакральный статус. Огромное количество людей верят, что у каждого должно быть право добиться успеха с помощью открытия бизнеса или инновационной идеи. Когда левые европейские партии выступают против (а радикальная левая повестка будет воспринята именно так) [4, с. 76], они, по сути, объявляют войну этим людям, покушаясь на их мечту. Это мобилизует людей прийти и выразить протест путем голосования за любую партию, кроме левой [2, с. 93].

Еще один аргумент противников радикализации левых сил в Европе — непринятие социалистической повестки. В сознании европейцев социализм связан с ужасами коммунистических режимов, которые в европейском политическом дискурсе давно приравнены к нацистским [4, с. 76]. Левым европейским политическим движениям будет сложнее достигать компромиссов в парламенте.

В европейских странах редко встречаются доминирующие партии, обладающие необходимым парламентским большинством. И тем более это маловероятно в отношении левых европейских партий по всем перечисленным выше причинам. В парламенте необходимо будет вступать в коалиции, вести переговоры и т. д. Радикальная левая повестка непривлекательна для заключения коалиций и любого возможного партнерства между партиями. Во-первых, из-за того, что она исключает компромиссную позицию по многим вопросам. Во-вторых, она создает у левых европейских партий имидж радикалов, отрицающих базовые ценности общества. Левым европейским партиям будет крайне сложно добиться реализации своих идей. [2, с. 94].

Последний аргумент противников радикализации европейских левых партий — невозможность использования дискурса ненависти. Весомая часть европейского общества считает, что в обществе уже есть партии, работающие в дискурсе ненависти, — радикальные правые. Если в этом дискурсе работает еще одна значимая политическая сила, то он постепенно легитимизируется: становится допустимым ненавидеть друг друга, общество в этих условиях атомизируется и очень четко маркирует «своих» и «чужих» [5, с. 168]. В такой атмосфере люди с большей вероятностью столкнутся с неприязнью и дискриминацией по признаку социальной группы. Это недопустимо с точки зрения европейского менталитета. Дискурс ненависти усиливает радикально правых, т. е. принципиальных противников левых идей. Этот фактор увеличивает шансы на победу правых на выборах, что также является большой опасностью для левых европейских партий.

Итак, европейская политика нестабильна в условиях многочисленных кризисов. Сегодня речь идет о незавершенности радикализации политической повестки в Европе (как на теоретико-концептуальном, так и на уровне утверждения особой наднациональной структуры). Европейские левые партии сегодня представляют собой устоявшуюся силу на политической арене, способную сочетать коммунистические, социалистические и прогрессивные ценности.

Список источников

1. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. М. : АСТ, 2003. 444, [4] с.

2. Erez M. Interpersonal communication systems in organizations, and their relationships to cultural values, productivity and innovation: The case of Japanese corporations // *Applied Psychology: An International Review*. 1992. No. 41. P. 43–64.
3. Casanova J. Religion, European secular identities, and European integration // *Religion in an Expanding Europe* / Ed. by T. A Byrnes and P. J. Katzenstein. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. P. 65–92.
4. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1996. 229 p.
5. Узнародов И. М. Проблема иммигрантов в странах Запада на современном этапе // *Terra Economicus*. 2014. Т. 12, вып. 1. С. 115–122.

Научная статья

УДК 32.327

Внешняя политика Германии при Ангеле Меркель в отношении России

Андрей Леонидович Меркулов

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

a.merkulov.spb@gmail.com

Аннотация. Отношения Германии с Россией имеют фундаментальное значение для европейской безопасности. Некоторые склонны судить о надежности Германии как партнера Соединенных Штатов — и ее так называемого Вестбиндунга (*нем.* Westbindung) в целом — по ее отношениям с Россией, другие сосредотачиваются на лидерстве Германии в европейской внешней политике, третьи рассматривают российско-германские отношения как общий барометр конфликтов и сотрудничества в Европе. Как Германия выбирает подход к России и как она, в частности, справляется с кризисом на Украине, вопросы, которые лежат в основе нескольких возможных видений будущего европейского порядка.

Ключевые слова: республика, внешняя политика, экономика, приоритеты, политика мира

Original article

Foreign Policy of Germany Under Angela Merkel Towards Russia

Andrej L. Merkulov

North-West Institute of Management of the Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia

a.merkulov.spb@gmail.com

Abstract. Germany's relations with Russia are of fundamental importance for European security. Some tend to judge Germany's credibility as a partner of the United States — and its so-called *Westbindung* in general — by its relationship with Russia, others focus on Germany's leadership in European foreign policy, still others view Russian-German relations as a common barometer of conflicts and cooperation in Europe. How Germany chooses to approach Russia, and how it handles the crisis in Ukraine in particular, are questions that underlie several possible visions of the future European order.

Keywords: republic, foreign policy, economy, priorities, peace policy

«Восточная политика» (*нем.* Ostpolitik), или «новая восточная политика» (*нем.* Neue Ostpolitik), — это термин, который был придуман для описания подхода Западной Германии к сотрудничеству с Советским Союзом и другими странами Варшавского договора, инициированного канцлером Вилли Брандтом в 1969 г. Как сформулировал политический секретарь Брандта Эгон Бар, ключевой идеей «новой восточной политики» было достижение позитивных «изменений путем сближения» (*нем.* Wandel durch Annäherung). В контексте холодной войны основным примером Ostpolitik была готовность Западной Германии взаимодействовать с Советским Союзом через энергетическое сотрудничество, включая поставки газа, но также трубопровод и ядерные проекты [1, р. 165–85].

Однако в то же время Западная Германия участвовала в режиме западных санкций, касающихся передачи технологий Советскому Союзу и его союзникам, и приняла размещение американских ядерных ракет на своей территории в качестве ответа сопоставимым советским ядерным вооружениям. Совместный подход, понимаемый как продолжение Ostpolitik, оставался в основе политики Германии в отношении России в конце холодной войны, при объединении Германии и распаде Советского Союза. После Брандта и Гельмут Шмидт, и Гельмут Коль, и Герхард Шрёдер сформировали отношения сотрудничества с Советским Союзом и его правопреемницей — Российской Федерацией, — в частности поддерживали хорошие личные отношения с российскими лидерами. Соответственно, Германия была признана стратегическим партнером России или даже защитником России в Европе [2].

В Ostpolitik объясняется, что политика Германии в отношении России с 1991 г., после воссоединения Западной и Восточной Германии, отражает переосмысление политики «перемен через восстановление

отношений», что, как считается, сделало возможным объединение, вместе с благодарностью за принятие объединения Германии.

Немецкая элита всегда считала, что мира и стабильности в Европе можно достичь только в случае партнерства с Россией, а не противоборства. Это восприятие связано с миром немецкой политической элиты после Второй мировой войны и виной Германии перед Россией из-за нацистских преступлений в то время. Кроме того, Россия стала важным рынком для немецкого экспорта: Германия является третьим по величине торговым партнером России после Китая и Нидерландов; российские компании в основном являются немецкими поставщиками первичной энергии [3, р. 3].

Ключевые принципы Ostpolitik, казалось, остались неизменными, когда Ангела Меркель из Христианско-демократического союза Германии (ХДС) (*нем.* Christlich Demokratische Union Deutschlands, CDU) стала федеральным канцлером в 2005 г. Германия оставалась ключевым партнером России в Европе, и «партнерство по модернизации», призванное активизировать сотрудничество в различных областях, было сформировано, когда Дмитрий Медведев стал Президентом России. Российско-германское партнерство, хотя и не было чрезвычайно успешным в политическом плане, казалось таким же стабильным, как и всегда.

В то время как риторика Германии в отношении России стала несколько более осторожной при Меркель, стабильные и конструктивные отношения с Россией остаются очень важными для Германии. Национальные интересы и повторяющиеся темы интересов немецкого бизнеса, растущая энергетическая зависимость Германии от России и более широкие проблемы общеевропейского политического порядка являются приоритетами, определяющими преемственность во внешней политике Германии [4, р. 199].

Однако в течение 2012 г. ситуация начала меняться, и эта более негативная тенденция вскоре проявилась во время украинского кризиса в 2014 г. С того времени и по сей день (2022 г.) отношения между Германией и Россией не демонстрируют того же уровня взаимной признательности, что ранее.

Штефан Майстер утверждает, что основа «политики Германии в отношении России, в которой более двух десятилетий доминировали экономические интересы, теперь смещается в сторону политических интересов» [5].

Когда Меркель была избрана федеральным канцлером Германии в 2005 г., ожидалось, что германо-российские отношения станут менее тесными, чем они были ранее при Шрёдере и Путине. Первый не только продолжил традицию дружеских отношений *Ostpolitik*, он также искал совместные политические позиции с Кремлем по международным вопросам, как, например, во время войны в Ираке в 2003 г., и воздерживался от критики России за недостатки в верховенстве закона или нарушения прав человека. Он поддерживал тесные отношения с Путиным и проявлял большой личный интерес к России, часто проводив там отпуск и удочерив российскую девочку. Вдали от должности канцлера российская ориентация Шрёдера проявилась в его председательстве в совете директоров трубопроводной компании «Северный поток».

В отличие от Шрёдера Меркель была более склонна выражать озабоченность по поводу демократического развития России и ситуации с правами человека. По мнению Лилии Шевцовой, Меркель была «единственным политическим лидером, который откровенно разговаривал с Путиным о правах и свободах», но была «вынуждена политической необходимостью смягчить ее критику» [6, р. 218]. Действительно, она не хотела вводить санкции против России или ее руководства за нарушения прав человека или других общих норм.

Как и ее предшественник, Меркель сосредоточилась на развитии торгово-экономического сотрудничества. Германо-российская торговля продолжала расти, несмотря на финансовый кризис и другие проблемы в мировой экономике.

Меркель была благоразумна, когда дело касалось политики безопасности. Она, например, не поддержала идею членства Грузии и Украины в Организации Североатлантического договора (НАТО) (*англ.* North Atlantic Treaty Organization, NATO; *фр.* Organisation du traité de l'Atlantique nord, OTAN), которую продвигал Вашингтон во время 20-го саммита стран — членов НАТО (2—4 апреля 2008 г., Бухарест, Румыния). Германия, однако, призвала Россию принять конструктивный подход к решению проблем, связанных с замороженными конфликтами на постсоветском пространстве, и снижению напряженности в отношениях с Грузией. Меркель не возражала против строительства системы противоракетной обороны НАТО, но хотела, чтобы Соединенные Штаты Америки более полно взаимодействовали с Россией по этому вопросу.

Одна из причин, по которой политика Германии в отношении России не сильно изменилась, когда Меркель стала федеральным канцлером, заключалась в том, что министерство иностранных дел Федеративной Республики Германия (ФРГ) было занято социал-демократами. Министр иностранных дел ФРГ того времени Франк-Вальтер Штайнмайер был известен как доверенный человек Шрёдера и убежденный сторонник сотрудничества по линии Ostpolitik. Штайнмайер открыто раскритиковал Меркель за ее политику в отношении России, обвинив ее в том, что она слишком много играет на внутреннем мнении и пытается изолировать Россию.

Как отмечалось выше, партнерство Германии и России начало осложняться в 2012 г. Отношение Меркель к Москве уже ухудшилось, когда Путин объявил, что они с Медведевым собираются поменяться местами и он намерен вновь претендовать на пост Президента России. Меркель была разочарована уходом Медведева с руководящей должности. Один из первых признаков проблем в германо-российских отношениях появился в июне 2012 г., когда федеральный президент Германии Йоахим Гаук отменил встречу с Владимиром Путиным (уже ставшим Президентом РФ) и их совместное выступление на публичном открытии «Года Германии» в России.

Летом 2012 г. дело женской панк-группы Pussy Riot широко освещалось в немецких СМИ, например еженедельный журнал Der Spiegel опубликовал на обложке статью о преследованиях участников группы и даже утверждал, что Россия скатывается к диктатуре [7]. Когда Меркель встретилась с Путиным в ноябре 2012 г., она поставила под сомнение тюремные сроки, вынесенные участникам группы. Путин ответил гневно и сказал прессе: «Госпожа канцлер говорила о девушках, заключенных в тюрьму за их выступление в церкви. Знает ли она, что одна из них повесила чучело еврея и сказала, что Москва должна избавиться от таких людей? Ни мы, ни вы не можем поддерживать людей, которые занимают антисемитскую позицию» [8].

На самом деле выяснилось, что группа иронически использовала нацистские знаки в одном из предыдущих выступлений. Следовательно, утверждение Путина об антисемитизме со стороны Pussy Riot не успокоило Меркель — напротив, оно только помогло подтвердить ее негативное отношение к Путину.

Более критическое отношение правительства ФРГ к России нашло широкое отражение в немецкой политике и обществе. В ноябре

2012 г. бундестаг (*нем.* Deutsche Bundestag) принял резолюцию, которая была очень критична в отношении режима Путина: «Парламент с растущей обеспокоенностью отмечает, что после возвращения президента Владимира Путина к власти принимаются законодательные и судебные меры, которые в совокупности способствуют увеличению контроля над активными гражданами, криминализации критического взаимодействия и созданию курса на конфронтацию против критиков правительства» [9].

Министерство иностранных дел Германии сочло тон предложения слишком резким и смягчило его, чтобы быть более примирительным, подчеркнув важность России в глобальной обстановке и удалив замечания, связанные с гражданскими протестами в России, что снова создало новый поворот.

Несмотря на это смягчение, россияне были расстроены резолюцией бундестага. Они отказались разговаривать с Андреасом Шокенхоффом, членом парламента от ХДС и специальным посланником в России, который регулярно критиковал Россию. Министерство иностранных дел России обвинило его в «клеветнических обвинениях» и потребовало его отстранения.

Германо-российский саммит 2012 г., состоявшийся в рамках форума «Петербургский диалог», отразил эти растущие разногласия. Диалог между представителями гражданского общества двух стран должен был стать инструментом для создания и углубления взаимопонимания и доверия, однако в этом случае он способствовал конфронтации и недоверию. Представители Германии обвинили Россию в ограничениях свободы и нарушениях прав человека. Было поднято дело Pussy Riot.

В январе 2013 г. министр иностранных дел ФРГ Гидо Вестервелле предупредил Россию, что антигейское законодательство, которое готовила Государственная дума, окажет негативное влияние на германо-российские отношения [10]. В марте 2013 г. немецкие политики протестовали против рейдерских захватов российскими властями неправительственных организаций (НПО) в России, в т. ч. филиалов немецких НПО, таких как Фонд Конрада Аденауэра (*нем.* Konrad-Adenauer-Stiftung), в соответствии с новым законом об «иностранцах-агентах» (на самом деле речь идет о поправках в федеральный закон «О некоммерческих организациях» — *прим. ред.*).

Кризис на Украине создал самую жесткую конфронтацию в отношениях между Россией и Западом со времен холодной войны. Для

Германии кризис был тестовым примером того, в чем заключается ее лояльность. Является ли она частью Запада или у нее особые отношения с Россией? Готова ли она к жестким действиям, когда международные нормы нарушены?

Меркель резко негативно отреагировала на «российскую оккупацию и аннексию Крыма», а затем на якобы российское военное вмешательство на восточной Украине. Сразу после «оккупации Крыма» Меркель дала понять, что Россия нарушила международные законы и что никакое партнерство не может работать без основного набора общих ценностей. Меркель пыталась убедить Путина отменить референдум в Крыму; когда он не только состоялся, но и последовало присоединение полуострова, она выбрала целенаправленные санкции и выступила за их усиление, если Россия предпримет дальнейшие военные действия на Украине.

После того как военный конфликт на востоке Украины обострился, федеральный канцлер Германии потребовала прекратить огонь и призвала Путина использовать свою власть и влияние на сепаратистов (именно так характеризуют на Западе самопровозглашенные Луганскую и Донецкую Народные Республики (ЛНР и ДНР) — *прим. ред.*) на востоке страны. Она также проявила солидарность с новым украинским руководством, укрепляя связи Украины с Европейским союзом (ЕС), высказалась за новые решения в европейской энергетической политике, направленные на снижение зависимости от России. Однако она заявила, что основы *Ostpolitik* не изменились: в среднесрочной и долгосрочной перспективе, настаивала она, партнерство с Россией будет продолжено [11].

С самого начала украинского кризиса Меркель регулярно разговаривала по телефону с Путиным и руководила международными усилиями по урегулированию кризиса.

Внешняя политика Германии в отношении России во время украинского кризиса формировалась в результате взаимодействия внутренних и внешних факторов. Внешние факторы подтолкнули Берлин занять критическую позицию. НАТО и некоторые государства — члены ЕС, в частности Польша и страны Балтии, немедленно заняли жесткую позицию по отношению к российской политике. Первоначально Меркель и Штайнмайер стремились разрешить украинский кризис путем переговоров. Когда эта стратегия потерпела неудачу, немецкие лидеры возглавили усилия по введению санкций в отношении России.

Жесткие санкции против российских действий включали:

- экономические санкции, нацеленные на рынки, — ограничение определенных торговых расходов, «контракты, акции или схожие финансовые инструменты»;
- эмбарго на оборонно-промышленный комплекс (ОПК);
- запрет на использование некоторых товаров — эмбарго на использование товаров двойного назначения и технологий;
- санкции, касающиеся нефтяной промышленности;
- приостановку переговоров между Россией и ЕС по визовым вопросам;
- первый запрет на поездки, замораживание активов для российских граждан и многое другое [12].

У Меркель были замечания по поводу соглашения о прекращении огня, достигнутого в Минске в сентябре 2014 г. Она не ездила на Международный инвестиционный форум «Сочи-2014», но встречалась с Путиным в октябре в Милане (Италия) и в ноябре в Брисбене (Австралия). В обоих случаях тон встречи был окрашен дипломатическими инцидентами, явно свидетельствующими о сохраняющейся напряженности: в Милане Путин, заставил Меркель ждать его прибытия пять часов, в то время как в Брисбене он покинул встречу раньше, потому что чувствовал, что с ним обращаются как с членом второго «эшелона» «Большой двадцатки» (*англ.* Group of Twenty, G20). Эти встречи ясно показали, что лидеры Германии и России расходятся во мнениях по поводу причин и урегулирования конфликта на Украине; но они также указали, что Меркель готова к диалогу и что Путин по-прежнему рассматривает Меркель как его самого важного собеседника в Европе.

В 2014 г. Германия впервые продемонстрировала свою лидирующую позицию через ЕС в условиях международного кризиса. После присоединения Крыма к России правительство ФРГ в лице канцлера Ангелы Меркель и министра иностранных дел Франка-Вальтера Штайнмайера настаивало на том, что действия РФ в этой чрезмерно агрессивной «аннексии» полуострова нанесли ущерб тому, что было «мирным порядком» в течение последних 70 лет. Это происходит потому, что действия России, согласно позиции стран Запада, являются не просто политическим вмешательством в поддержку крымского сепаратистского референдума на Украине, но и военной агрессией. Это, безусловно, представляет угрозу для Германии.

Итак, ЕС был втянут в геополитическую конфронтацию с крупной региональной державой. Хотя, возможно, у Европейского союза нет четкой стратегии, он использовал свою экономическую мощь беспрецедентными способами и с серьезными стратегическими последствиями.

Германия защищала санкции против России, но также стремилась к посредничеству для поиска решений конфликтов. ФРГ под руководством Ангелы Меркель (а теперь и Олафа Шольца — *прим. ред.*) продолжает пытаться ужесточить антироссийские санкции, поскольку действия РФ считаются переходящими черту — Россия захватила Крым путем поддержки референдума об отделении от Украины. Кроме того, Россия также разместила вооруженные силы, военную технику в приграничных регионах России и Украины и, по мнению Германии, участвовала в войне на Донбассе, территории Украины.

Ангела Меркель не боится критиковать и предпринимать решительные действия против России, при этом Германия готова понести экономические последствия как следствие введения антироссийских санкций в отместку за нарушение международного права при аннексии Крыма. Однако неэффективность Минского договора — мирного договора, ратифицированного представителями Европейского союза, России и Украины, — является показателем неспособности Германии справиться с этим конфликтом.

Несмотря на то, что попытки наладить диалог о том, чего на самом деле хочет Россия, не достигли значительного прогресса, Меркель вложила много личного авторитета в достижение пересмотренного соглашения о прекращении огня между сторонами в феврале 2015 г. в Минске (Республика Беларусь). Меркель рассматривала переговоры как единственный способ решения конфликта на Украине.

Она подчеркнула влияние санкций, которые не будут отменены до тех пор, пока не будут выполнены Минские соглашения, но отвергла идею поставок летального оружия на Украину. В своем выступлении на ежегодной Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2015 г. Меркель резко раскритиковала Россию за нарушение международного права и нарушение ее обязательств; однако она также заявила, что кризис на Украине не может быть решен военными средствами. Вместо этого она подчеркнула, что для прекращения конфликта потребуются долгосрочная приверженность к мирным способам урегулирования конфликта и терпение.

Маркус Кербер, генеральный директор Федерации немецкой промышленности, объявил, что федерация полностью готова следовать линии правительства, хотя и «с тяжелым сердцем». Он утверждал, что нельзя мириться с грубыми нарушениями международного права и что мир и свобода стоят выше экономических интересов [13]. Треть немецких компаний, работающих в России, включая BASF и Opel, отказались от своих инвестиций в РФ из-за кризиса, экономического спада и воспринимаемой враждебности к иностранным инвесторам [14].

По мнению Штефана Майстера, «полная потеря Германией доверия к нынешнему российскому руководству, особенно ухудшение личных отношений между Меркель и Путиным», нанесла серьезный ущерб двусторонним отношениям между двумя государствами [15]. Такого рода объяснение предполагает, что немецкая политика в отношении России изменилась потому, что ее лидеры — Меркель и Штайнмайер — разочаровались и больше не верили, что установленный набор методов может иметь продолжение.

Развитие внутренней политики России и ее демократии, безусловно, пошло в направлении, противоположном надеждам и желаниям Германии. Здесь первым ключевым событием стало решение Путина снова баллотироваться на пост Президента России и его переизбрание. Второй решающий поворотный момент в германо-российских отношениях наступил, когда Меркель и Штайнмайер убедились в том, что Путин и Лавров солгали им напрямую: один раз — в феврале 2014 г., подтвердив, что сухопутные границы Украины будут соблюдаться; еще раз — когда Путин позже заверил Меркель, что регулярных российских солдат, действующих в Крыму, нет [16]. Политика Меркель была сформирована ее ощущением невозможности откровенного диалога с Путиным; действительно, по словам СМИ, она сказала, что Путин был оторван от реальности [17].

Таким образом, реакция Германии на присоединение Крыма была более решительной, чем ожидалось, не только потому, что Россия нарушила норму о территориальной целостности, имеющую основополагающее значение для европейского порядка безопасности, но также и потому, что Путин лично обманул Меркель, а Лавров — своего коллегу Штайнмайера. Эти разочарования усилились, когда Путин не взял на себя ответственность за прояснение вопросов, связанных с потерей малайзийского самолета (речь идет об авиакатастрофе 2014 г., в ходе которой над Донецкой областью Украины был сбит авиалай-

нер Boeing 777-200ER авиакомпании Malaysia Airlines, совершавший перелет из Амстердама в Куала-Лумпур, — *прим. ред.*).

Изменение внешней политики Германии в отношении России также заслуживает анализа в рамках теории изменений внешней политики Дэвида Уэлча [18]. Уэлч утверждает, что изменения во внешней политике реже происходят в бюрократических и демократических государствах, таких как Германия, что объяснило бы устойчивость традиции *Ostpolitik* независимо от изменений в правительственной коалиции. Уэлч также утверждает, что изменение внешней политики с большей вероятностью произойдет, когда существующая политика катастрофически или неоднократно проваливалась. В этом случае неспособность предотвратить эскалацию украинского кризиса можно интерпретировать как в основном неудачную.

Теоретические подходы, которые делают основной акцент на преемственности в немецкой внешней политике, могут очень хорошо объяснить, почему политика ФРГ в отношении России не изменилась полностью. Германия не отвергла образец для подражания гражданской власти, и это — наряду с системой убеждений канцлера Меркель — объясняет, почему немецкое правительство категорически исключило военные решения украинского кризиса и настаивало на переговорах. В то же время концепция роли Германии как близкого партнера России больше не была доминирующей; или скорее она сохранялась до такой степени, что ФРГ рассматривала свою роль в качестве собеседника, но не настолько сильно, чтобы помешать Германии выступать за санкции.

Более того, во время украинского кризиса Германия была готова взять на себя широко обсуждаемую роль активного игрока, проявив больше лидерства и ответственности во внешней политике и политике безопасности, чем раньше [19, p. 41].

Политика Германии в отношении России имела решающее значение во время украинского кризиса. ФРГ защищала антироссийские санкции, но также выступала посредником в попытках урегулирования конфликта. Некоторые исследователи и наблюдатели предположили, что Германия коренным образом изменила свою внешнюю политику в отношении России, отказавшись от старой политики сотрудничества, в то время как другие опасались, что немецкое правительство на самом деле склоняется в сторону России и ослабляет свои связи с Западом в период холодной войны.

В отличие от тех, кто ожидал, что внешняя политика Германии изменится очень мало или будет продиктована в первую очередь коммерческими интересами, очевидно, что старая практика *Ostpolitik* после холодной войны больше не применяется. Руководство ФРГ не стесняется резко критиковать Россию и готово понести экономические издержки, связанные с введением санкций в отношении РФ в отместку за нарушения международного права. Однако изменение политики Германии в отношении России не является тотальным — партнерство и сотрудничество по-прежнему рассматриваются как желательные и ключевые принципы взаимоотношений, к которым страны должны вернуться в долгосрочной перспективе.

Внешняя политика Германии изменилась в ответ на поведение России, поскольку старая политика не сработала, — потребовалось ее изменение, чтобы дать понять РФ, что она не может безнаказанно нарушать международное право. Этот взгляд на источники изменений может показаться тривиальным, но он согласуется с идеей о том, что изменение внешней политики требует какого-то явного разочарования более ранним подходом и часто не является результатом расчета того, как можно было бы улучшить существующую внешнюю политику, если бы она уже выполняла свою основную функцию.

Подход Германии собрал значительную степень признания среди государств — членов ЕС и их внешнеполитических элит. Будет ли эта политика успешной с точки зрения достижения удовлетворительного исхода украинского кризиса — это вопрос, на который можно будет ответить значительно позже.

Итак, нарушение Россией норм международного права при присоединении Крыма и военный конфликт на Донбассе изменили направление внешней политики Германии.

Список источников

1. Bösch F. Energy diplomacy: West Germany, the Soviet Union and the oil crises of the 1970s // *Historical Social Research*. 2014. Vol. 39, No. 4. P. 165–184.
2. Rahr A. Germany and Russia: a special relationship // *Washington Quarterly*. 2007. Vol. 30, No. 2. P. 137–145.
3. Meister S. Reframing Germany's Russia Policy — an Opportunity for The EU. London : European Council on Foreign Relations, 2014. 12 p. URL: <https://clck.ru/sHjNb> (date of access: 01.03.2022).

4. Timmins G. German-Russian Bilateral Relations and EU Policy on Russia: Between Normalisation and the “Multilateral Reflex” // *Journal of Contemporary European Studies*. 2011. Vol. 19, No. 2. P. 189–199.
5. Meister S. Politics trump economics // *IP Journal*. 2015. 5 Feb. URL: <https://clck.ru/sHjmX> (date of access: 01.03.2022).
6. Shevtsova L. *Lonely Power: Why Russia has Failed to Become the West and Why the West is Weary of Russia*. Washington : Carnegie Endowment for International Peace, 2010. 218 p.
7. “We’ll continue to fight, no matter what the verdict” / Interview conducted by Georg Diez // *Der Spiegel*. 2012. 14 August. URL: <https://clck.ru/sHiZo> (date of access: 01.03.2022).
8. Elder M. Vladimir Putin reacts angrily to Angela Merkel’s Pussy Riot comments // *Guardian*. 2012. 16 November. URL: <https://clck.ru/sHjUK> (date of access: 01.03.2022).
9. Resentment strains German-Russian relations // *Deutsche Welle*. 2012. 17 November. URL: <https://clck.ru/sHhqL> (datum der Behandlung: 01.03.2022).
10. Weiland S. German Foreign Minister Criticizes Russian Legislation // *Der Spiegel*. 2013. 29 Januars. URL: <https://clck.ru/sHjf9> (date of access: 01.03.2022).
11. Merkel will “enge Partnerschaft mit Russland” fortsetzen // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 2014. 15 Mai. URL: <https://clck.ru/sHhm4> (datum der Behandlung: 01.03.2022).
12. Raik K., Jokela Ju., Helwig N. EU Sanctions Against Russia // *The Finnish Institute of International Affairs Briefing*. 2014. Paper 162. 9 p. URL: <https://clck.ru/sHjbS> (date of access: 01.03.2022).
13. Industrie unterstützt mögliche Sanktionen gegen Russland // *Der Spiegel*. 2014. 14 Juni. URL: <https://clck.ru/sHjEQ> (datum der Behandlung: 01.03.2022).
14. Ewing J., Smale A. In Reversal, Germany Cools to Russian Investment // *New York Times*. 2014. 28 December. URL: <https://clck.ru/sHiha> (date of access: 01.03.2022).
15. Meister S. How Russia Lost Germany: And How it Can Win it Back // *Russia in Global Affairs*. 2015. 19 March. URL: <https://clck.ru/sHjiH> (date of access: 01.03.2022).
16. Rinke A. How Putin lost Berlin: Moscow’s annexation of Crimea has transformed Germany’s Russia policy // *IP Journal*. 2014. 29 September. URL: <https://clck.ru/sHiE6> (date of access: 03.03.2022).

17. Harding L. Ukraine crisis: Vladimir Putin has lost the plot, says German chancellor // Guardian. 2014. 3 March. URL: <https://clck.ru/sHhtM> (date of access: 01.03.2022).
18. Welch D. Painful choices: a theory of foreign policy change. Princeton : Princeton University Press, 2005. 288 p.
19. Forsberg T. From Ostpolitik to 'frostopolitik'? Merkel, Putin and German foreign policy towards Russia // International Affairs. 2016. Vol. 92, No. 1. P. 21–42. URL: <https://clck.ru/sHjqP> (date of access: 01.03.2022).

Научная статья

УДК 321.02

Причины и последствия кризиса института монархии в общественно- политическом дискурсе Великобритании

Ярослав Александрович Мишенков

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

jar98mish@mail.ru

Аннотация. Долгое время институт британской монархии успешно функционировал в политической системе Соединенного Королевства и не подвергался серьезной критике в обществе. Наличие особого управленческого аппарата, финансовая и международная деятельность членов королевской семьи позволили династии Виндзоров превратиться во всемирный бренд и прочную корпорацию. Однако в последнее время семью Елизаветы II сотрясают скандалы, порочащие образ благородных, лишенных притворства и лицемерия членов монархической династии, создаваемый долгое время PR-агентствами. На основе этого автором рассматриваются причины кризиса легитимности действующего института власти в Великобритании, которые заметно повлияют на реформирование конституционной монархии или смену формы правления на парламентскую республику, если преемники королевы Елизаветы II не смогут преодолеть кризис монархической власти.

Ключевые слова: институт монархии, Великобритания, кризис монархии, Елизавета II, Виндзоры, преемники

Original article

Causes and Consequences of the Crisis of the Monarchy Institute in the Socio- Political Discourse of the Great Britain

Yaroslav A. Mishenkov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

jar98mish@mail.ru

Abstract. For a long time, the institution of the British monarchy functioned successfully in the political system of the United Kingdom and was not subjected to serious criticism in society. The presence of a special administrative apparatus, the financial and international activities of the members of the royal family allowed the Windsor dynasty to turn into a global brand and a strong corporation. However, recently the royal line has been shaken by scandals that discredit the image of the noble, devoid of pretense and hypocrisy of members of the monarchical dynasty, created for a long time by PR agencies. Based on this, the author examines the causes of the crisis of the legitimacy of the institution of the monarchy in the UK, which will significantly affect the reform of the constitutional monarchy or the change in the form of government to a parliamentary republic if the successors of Queen Elizabeth II cannot overcome the crisis of monarchical power.

Keywords: institution of the monarchy, Great Britain, monarchy crisis, Elizabeth II, Windsors, successors

Прежде чем перейти к анализу кризиса института монархии в Великобритании, следует описать функции монарха в современной политической системе страны. Королева Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии Елизавета II является главой государства и одним из национальных символов государства. Непи-санная конституция Великобритании, состоящая из законов, преце-дентов и конституционных обычаев, определяет формирование пол-номочий государственных органов, в которых политическая власть осуществляется парламентом. Все парламентские акты принимаются от имени суверена и становятся законами только после королевского согласия. Кабинет министров во главе с премьер-министром (предсе-дателем кабинета — *прим. ред.*) проводит государственную политику, ответственен перед палатой общин, избираемой народом, и действу-ет от имени монарха, который как суверенное лицо не вмешивается во внутреннюю политику и не принадлежит ни к одной из партий. Су-верен может только пользоваться королевскими prerogatives (созыв, продление, роспуск парламента) по совету премьер-министра и дру-гих министров. Например, монарх назначает и отправляет в отставку кабинет министров только с согласия его председателя. В случае необ-

ходимости суверен ответственен за назначение нового премьер-министра и тех лиц, которые получают поддержку от главы партии большинства в палате общин. Таким образом, монарх исполняет политическую функцию известную как «царствует, но не правит».

«Конечно, в широком смысле подчиненными королевы можно назвать всех министров и чиновников, однако следует обратить внимание на более узкий круг управленцев — королевский секретариат. Это подразделение не только управляет королевскими владениями, но и делегирует своих сотрудников в правительственный аппарат. У каждого министра есть заместитель — государственный секретарь. Этот секретарь является беспартийным, на него не влияют смены министров, его даже нельзя уволить главе победившей партии по итогам выбора. Каждого секретаря назначает лично королева. При этом, например, новый министр иностранных дел не может ознакомиться с секретными документами своего предшественника — они передаются королеве. Таким образом, королеву можно представить как главу корпоративного аппарата, который тесно связан с государственным и держит руку на пульсе политической жизни страны» [1, с. 30].

Помимо политических полномочий монарх является главой вооруженных сил страны (британская армия, королевский флот, королевские военно-воздушные силы (ВВС)), что позволяет ему объявлять войну, заключать мир, направлять и командовать военными действиями. Также суверен считается источником справедливости и назначает судей по всем видам дел. Лично монарх не влияет на правосудие, но судебные функции и наказания совершаются от его имени. Кроме того, суверен может простить преступления против государства и Короны. При этом короля или королеву нельзя судить за уголовные преступления. Наконец, монарх — глава англиканской церкви, что дает ему право назначать епископов и архиепископов.

В соответствии с перечисленными полномочиями институт монархии прочно закреплен в государственной системе Великобритании и верховная власть не может существовать без него. На протяжении истории Соединенного Королевства монархия стала неотъемлемой частью государства и символом, без которого она не может существовать. История, церковь, политическая культура придали монархии живучесть и ассоциированные образы, связывающие ее с великой Британской империей. Все это придает символическое значение, звучащее в гимне страны «Боже, храни Королеву!» (*англ. God Save the Queen!*)

(если же монархом становится мужчина, гимн получает форму «Боже, храни Короля!» (*англ.* God Save the King!), а также заменяются личные местоимения — *прим. ред.*). Кроме этого, лицо монарха изображается на почтовых марках, монетах, банкнотах, которые выпускает Банк Англии. За жизнью королевской семьи по-прежнему следят миллионы людей по всему миру, а королевские резиденции и церемонии привлекают в Великобританию сотни тысяч туристов.

Актуальность института монархии для Соединенного Королевства базируется на культурной, исторической и экономической ценности для британского общества. Британскую монархию нельзя назвать архаичной, она отлично приспособилась к современным реалиям. Так, самым главным изменением, постигшим тысячелетний период монаршей власти, стала отмена традиционных принципов престолонаследия. Права на престол отныне (с 2013 г. — *прим. ред.*) имеют все ближайшие потомки королевы независимо от пола наследника. Помимо этого, отменены титул «королевское высочество» для младших наследников, поклоны и реверансы в адрес королевы, дано обещание прислушиваться к мнению народу [2, с. 22]. В итоге династия Виндзоров создала имидж «народной монархии», отличающейся тем, что королевская семья заботится о нуждах народа, например, участвует в финансировании благотворительных организаций, открывает университеты и пр. Над брендом королевской семьи работают крупнейшие английские PR-агентства, которые всеми силами стараются поддерживать общественное доверие к институту монархии, гарантировать его процветание и оберегать членов королевской семьи в случае возникновения скандалов.

Однако среди низших и средних слоев населения Великобритании часто распространены негативные мнения о монархической власти. Представителям этих классов не нравится, что королевская чета получает доходы от своего благосостояния (имущество, поместья) за счет налогоплательщиков, не платит налоги в казну, тратит много государственных расходов на виллы, заграничные поездки. По их мнению, монархия своим существованием отрицает демократию, не способна избавиться от аристократических излишеств, у нее отсутствует реальная власть, и, следовательно, она лишний и дорогостоящий политико-правовой институт. Подобные мнения стали очень популярными в британском обществе. Пока они малочисленны, но зато часто заявляют о себе и набирают все большую поддержку. В частности, ли-

дер антимонархической организации Republic Грэм Смит высказался о возможности проведения референдума для определения дальнейшей судьбы монархии, поскольку, по его словам, после смерти Елизаветы II для общества настанет переломный момент и появится возможность для смены формы правления [3]. Казалось, такую реакцию следовало объяснить простым привлечением внимания, но монархия с каждым годом теряет широкую поддержку граждан внутри политической системы.

«Результаты социологического опроса, опубликованные в газете Guardian, свидетельствуют, что британцы становятся равнодушными к монархии и популярность данного института власти падает. Согласно опросу, только 44 % считают, что Великобритании будет хуже без монархии. За последние десятилетия это самый низкий уровень популярности королевской семьи в Великобритании. Так, в начале 1990-х годов монархию поддерживали 70 % британцев. По итогам получается, что 26 % опрошенных не сомневаются, что монархия стране уже не нужна. Королеву Елизавету и ее семью поддерживает в основном старшее поколение, ведь современные британцы не помнят об Империи и Блице (бомбардировка городов Великобритании нацистской авиацией в годы Второй мировой войны — *прим. ред.*). 40 % опрошенных в возрасте от 18 до 24 лет высказались против монархии. Примерно треть из тех, кто выступает за сохранение монархии, считает, что новым королем должен стать принц Уильям, а не его отец принц Чарльз, который является официальным наследником британского престола. Очевидно, что никаких революционных переворотов не планируется и Королева Елизавета будет править до своей смерти. Однако неясно, что будет потом. Очень многие политические деятели через СМИ пропагандируют идею упразднения монархии и появления Британской республики без казни королей, гражданских войн и Оливера Кромвеля. Как результат, королевская семья уверенно теряет популярность и становится больше похожей на героев сериала, чем на символ страны» [4, с. 295]. В связи с этим необходимо назвать причины, по которым институт монархии теряет общественное доверие, создаваемое многими столетиями.

Во-первых, как было выявлено из опроса The Guardian, британцы не желают, чтобы Елизавета II передавала престол сыну Чарльзу. Елизавета — единственная из монарших особ Европы не желает из-за преклонного возраста передавать свои полномочия и остается са-

мым долгоправящим монархом не только Великобритании, но и всего мира. Ее упертость в нежелании отказаться от трона в пользу сына создает проблемы для Чарльза, который не пользуется популярностью в британском обществе.

Это хорошо отражается в англо-американском сериале «Корона» (*англ.* The Crown). Британцы винят Чарльза в трагической судьбе любимицы народа принцессы Дианы, прожившей несчастливую жизнь с принцем, а также подозревают его в причастности к гибели «королевы людских сердец». Если внимательно изучить дело смерти Дианы, то к официальной версии возникает множества вопросов, — из-за этого скептики обвиняют принца в подстроенной гибели, у которого были мотивы к ее убийству. К тому же сама принцесса Уэльская говорила в знаменитом интервью с Мартином Баширом в передаче «Панорама» на канале BBC One (1995 г.), что наследный принц хочет ее гибели.

Кроме этого, Чарльз оказался втянут в крупный международный скандал, в котором его благотворительный фонд обвиняют в превышении полномочий. Обвинения выстроены на том, что руководители фонда помогли получить орден Британской империи и предоставить в ближайшее время гражданство своему благотворителю, саудовскому миллиардеру. Сложность ситуации состоит в том, что Чарльз лично злоупотреблял своим неприкосновенным статусом как представитель монархической династии и дело перешло в расследование к Скотленд-Ярду (*англ.* Scotland Yard) (центральное управление лондонской полиции — *прим. ред.*). В случае возбуждения против Чарльза уголовного дела монархию будут долго преследовать последствия этого инцидента, в т. ч. медийного характера.

Если бы Чарльз стал королем сегодня, несмотря на пожилой возраст самого принца, его репутацию смогла бы поддерживать Елизавета II как королева-мать. Простые британцы и исследователи королевской династии склоняются к тому, чтобы королева передала трон не официальному наследнику (сыну Чарльзу), а внуку Уильяму, сохраняющему свою репутацию в глазах общественного мнения. В этом случае после смерти нынешнего монарха занятие престола Уильямом не спровоцирует закулисную борьбу за власть и станет огромной надеждой на будущее королевской семьи и института монархии. В реальности подобный сценарий маловероятен, и, скорее всего, монархической трон займет Чарльз после смерти Елизаветы II, что может привести к краху института монархии.

Во-вторых, членов королевской семьи упрекают в связях и симпатиях к нацистскому режиму в Германии в 30-е гг. XX в. В частности, под обвинения попадает король Эдуард VIII (пробыл королем менее 11 месяцев, отрекся от престола в декабре 1936 г. в пользу брата — Альберта, герцога Йоркского, ставшего королем Георгом VI, отца Елизаветы II; в марте 1937 г. получил титул герцога Виндзорского и пробыл единственным его носителем вплоть до смерти в 1972 г. — *прим. ред.*), являвшийся большим поклонником фюрера фашистской Германии Адольфа Гитлера.

Обвинения о связях с нацистским режимом озвучивались и в сторону Елизаветы II, которая вместе с дядей Эдуардом, принцем Уэльским (будущим королем Эдуардом VIII), матерью Елизаветой Боуз-Лайон, герцогиней Йоркской, и сестрой Маргарет, по опубликованному ролику на сайте таблоида The Sun, вскидывает руку вверх, что интерпретировали как нацистское приветствие [5]. Сюда же попадает покойный муж Елизаветы II герцог Эдинбургский Филипп — его сестры были женами немецких аристократов, некоторые из последних входили в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (*нем.* Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei, NSDAP; в российской традиции принята аббревиатура НСДАП — *прим. ред.*).

В-третьих, удар репутации королевской семьи нанесла и жена принца Гарри, герцога Сассекского, Меган Маркл, не соблюдавшая официальный протокол и нарушавшая традиции своим вызывающим видом во время их свадьбы в Виндзорском замке. Такое поведение американской актрисы не нравилось королеве и особенно жене принца Уильяма, герцога Кембриджского, Кейт Миддлтон, с которой герцогиня Сассекская разругалась. Ее конфликт с членами королевской семьи повлиял на решение принца Гарри отказаться от королевских обязанностей и жить отдельно от Виндзоров. Отдельным проявлением бунта герцога и герцогини Сассекских против королевской семьи стало их интервью американской телеведущей Опре Уинфри, в котором прозвучало обвинение семьи в расизме. «Меган сказала, что, по сведениям, переданным ей Гарри, кто-то из неназванных родственников королевы выражал опасения, что цвет кожи ее будущего ребенка не будет белым, и утверждал, что младенец не получит традиционный титул принца. Не устроило Меган и ограничение в публичности, которым традиционно должен следовать каждый член королевского дома. Эти обиды и ограничения привели пару к решению отказаться от ролей высоко-

поставленных членов королевской семьи. <...> В целом же “бегство” Гарри и Меган из королевского дома и последующее интервью, включающее такие обвинения, как расизм, и распространяемое средствами массовой информации по всему миру, наносило тяжелый удар по престижу семьи Елизаветы II и явилось новым этапом кризиса первой семьи нации. Ряд обозревателей расценили оба поступка как объявление войны самой монархии и главным лицам ее семейства» [6, с. 75].

В-четвертых, на ощутимый кризис королевской семьи оказал влияние скандал с любимым сыном Елизаветы — Эндрю. Принца Эндрю обвиняют в сексуальном насилии несовершеннолетних девушек. Он очень долгое время дружил со скандальным и влиятельным миллиардером Джеффри Эпштейном, которого в США обвинили в педофилии и организации проституции. Эпштейн предлагал своим клиентам оказания секс-услуг от несовершеннолетних девушек на своих островах на Багамах. В 2020 г. миллиардер по непонятным причинам покончил с собой, но скептики говорят, что его убили по заказу высокопоставленных политиков США, пользовавшихся услугами Эпштейна, среди которых называется бывший президент Штатов Билл Клинтон. Одним из клиентов Эпштейна являлся второй сын королевы — Эндрю. В интервью ВВС он отрицал все обвинения, но были видны его растерянность и путанность фактов, что подтвердило за собой эти обвинения. Да и фотографии ловили Эндрю и Эпштейна с девушками. Из-за скандала Эндрю был лишен всех своих почетных воинских званий (кроме военно-морских) и королевских патронажей. В скором времени принца должны вызвать в суд в США по делу одной из жертв насилия — Вирджинии Робертс. Это станет первым прецедентом в судебной практике, когда члена королевской семьи будут судить не на его родине.

В-пятых, скандальная репутация королевской семьи оказала влияние на кризис национальных интересов Великобритании в организации Содружества наций (*англ.* Commonwealth of Nations). В эту международную организацию входят бывшие колонии Британской империи во главе с королевой. В 16 из этих стран королева юридически сохраняет пост главы государства и назначает представителя в виде генерал-губернатора. Совсем недавно из административной власти монарха вышло государство Барбадос, сменившее форму правления, но сохранив членство в Содружестве. Одной из причин такого решения стала утечка документов из двух офшоров на Каймановых остро-

вах в 2017 г., в которых королевские владения в герцогстве Ланкастер используют офшорные фонды, чтобы уклониться от уплаты налогов [7]. Барбадос как офшорному государству не уделяли достаточного внимания и правительство решило отказаться от покровительства монаршей особы. Вероятно, выход такого маленького государства окажет воздействие на других членов Содружества отказаться от власти монарха, что подорвет геополитические позиции Великобритании в своих бывших колониях.

Таким образом, подобные скандалы, связанные с членами королевской семьи, заметно подорвали благоприятный имидж института монархии в британском обществе, переживающий кризис в непростое время. Благодаря долговременным PR-ходам и традициям династия Виндзоров еще не утратила свою актуальность и по-прежнему вызывает одобрение и уважение у британцев. Однако если эти скандалы будут продолжаться, то их трудно будет замять и в британском обществе будут расти антимонархические настроения, что отразится на смене формы правления.

Список источников

1. Быкадорова Ю. Ю. Феномен британской монархии в современном мире // Актуальные вопросы юриспруденции : сб. ст. III Международ. науч.-практ. конф. (Пенза, 5 нояб. 2020 г.). Пенза : Наука и Просвещение, 2020. С. 29–31.
2. Капитонова Н. К. Великобритания в конце XX — начале XXI века: от консерваторов к лейбористам: учебное пособие. М. : МГИМО-Ун-т, 2003. 130 с.
3. Миронова Е. Монархия как форма правления в Великобритании: история и перспективы развития // Вестник науки и образования. 2016. № 7 (19). С. 76–78.
4. Ангелова М. М. Монархия в современной Великобритании — за и против // Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. М. : 2005. С. 292–297.
5. Опубликовано видео с нацистским приветствием будущей королевы Елизаветы II // Дилетант. 2015. 18 июля. URL: <https://clck.ru/sJD3s> (дата обращения: 25.02.2022).

6. Остапенко Г. С. Интервью принца Гарри и М. Маркл от 7 марта 2021 г. как вызов главной семье нации // Актуальные проблемы изучения и преподавания всеобщей истории и международных : сб. ст. Международ. науч.-практ. конф. (Рязань, 12–13 мая 2021 г.). Рязань: Book Jet, 2021. С. 73–79.
7. Clancy L. The Corporate Power of the British Monarchy: Capital (ism), Wealth and Power in Contemporary Britain // The Sociological Review. 2021. Vol. 69, No. 2. URL: <https://clck.ru/sJDRc> (дата обращения: 28.02.2022).

Научная статья

УДК 327.8

Внешнеполитическая коммуникация в общественно-политическом дискурсе современных государств (на примере российско-американских отношений)

Яна Владимировна Пирогова

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

pirogova_ww@mail.ru

Аннотация. В работе проанализирован феномен внешнеполитической коммуникации в общественно-политическом дискурсе современных государств. Рассматриваются инструменты и методы ведения внешнеполитических коммуникаций на примере отношений России и США. Определена высокая оценка значимости и роли внешнеполитической коммуникации. Выявлены угрозы и вызовы при отсутствии нормальных внешнеполитических коммуникаций.

Ключевые слова: внешнеполитическая коммуникация, «мягкая сила», публичная дипломатия, Россия, США, российско-американские отношения

Original article

Foreign Policy Communication in the Social and Political Discourse of Modern States (On the Example of Russian-American Relations)

Yana V. Pirogova

Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

pirogova_ww@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the phenomenon of foreign policy communication in the socio-political discourse of modern states. The tools and methods of conducting foreign policy communications are considered on the example of relations between Russia and the United States. A high assessment of the significance and role of foreign policy communication is determined. Identified threats and challenges in the absence of normal foreign policy communications.

Keywords: foreign policy communication, soft power, public diplomacy, Russia, USA, Russian-American relations

Инструменты внешней политики, которые весь мир использовал ранее, уже устаревают. Сегодня привлекательность любого государства, умение отстаивать свои интересы с помощью «мягких» методов зачастую становятся более важным и первостепенным фактором, чем успех страны в военной сфере (военная мощь, владение ядерным оружием). Государства стремятся применять как можно больше новых и эффективных средств для достижения своих политических целей, закрепления своих позиций, имиджа на мировой арене и т. д. Однако такое возможно далеко не всегда.

Процесс формирования нового миропорядка, протекающий сегодня, сопровождается нарастанием угроз безопасности — как отдельных государств, так и всего мирового сообщества. Эти угрозы возрастают из-за продвижения тем или иным государством своих национальных интересов на мировой арене, а также создают реальную опасность для современной цивилизации. Помимо этого, распространение получили международная преступность, терроризм, оружие массового уничтожения и информационные войны. Решению всех этих проблем призвано способствовать развитие внешнеполитических коммуникаций [1, с. 8].

Неотъемлемой функцией государства является его внешнеполитическая деятельность. Она представляет собой организованную и обеспеченную деятельность страны по воздействию на объекты, которые выбраны в качестве ее внешнеполитических интересов [2, с. 46].

Сегодня в роли одного из важнейших ресурсов внешнеполитической деятельности государства выступает коммуникация, которая, безусловно, необходима для реализации его интересов. Более того, с помощью этого ресурса можно предотвратить возможные угрозы и вызовы, а также повлиять на ход развития всей системы международных отношений, что обуславливает высокую значимость дипломатии [3].

Отметим, что «жесткая сила» совсем недавно считалась ключевым инструментом внешней политики. Она представляет собой политику принуждения, зачастую основанную на угрозе применения военной силы против той или иной страны. Однако в современном мире уже считается неэффективным использовать устаревшие политические инструменты, включая ядерное оружие. Кроме того, применение «жесткой силы» влечет за собой негативные побочные эффекты.

В условиях глобализации внешнеполитическая коммуникация России и США перешла на иной уровень и имеет определяющее значение, поскольку произошло «усиление» межкультурного взаимодействия посредством такого феномена как «мягкая сила» (*англ.* soft power). Это понятие ввел в научный оборот американский политолог Джозеф Най, противопоставив его «жесткой силе». Он охарактеризовал этот феномен как способность получать желаемые результаты в отношениях с другими государствами за счет привлекательности собственной культуры, ценностей и внешней политики, а не принуждения или финансовых ресурсов [4, р. 28].

«Мягкая сила» по своей сути является внешнеполитическим ресурсом и особым инструментом скрытого управления международными процессами, а также отдельными государствами. Таким образом, внешнеполитическую коммуникацию можно назвать «мягкой политикой». Наше утверждение основывается на том, что стратегия по достижению целей и защите интересов государства включает публичную дипломатию и добровольное участие в ней акторов.

Стремление США укрепить свое доминирование в мировом сообществе путем распространения американской культуры и ценностей открыло для неолиберальной идеологии новые горизонты. «Американизация» является главным инструментом ведения политики «мягкими» методами, а основная функция внешнеполитического дискурса заключается в борьбе за власть на мировой арене [5, с. 187].

Таким образом, США, применяя стратегию «мягкой силы» в процессе внешнеполитической коммуникации, меняет характер общественно-политического дискурса, распространяет свое влияние, интересы и ценности. Это, в свою очередь, ведет к тому, что восприятие граждан в той или иной степени поддается трансформации.

В сложившихся условиях первоочередной задачей России становится оппозиция влиянию США (и наоборот) с помощью не менее эффективных методов внешнеполитической коммуникации.

В течение последних десятилетий российско-американские отношения развивались по схеме «подъем — спад» [6]. Каждый раз администрации вновь избранных президентов США демонстрировали недовольство существующими отношениями и обещали их улучшить, пересмотрев ведение политики в целях налаживания коммуникации.

На российско-американские отношения негативно влияют и другие особенности политики США. Так, Вашингтону свойственно брать на себя непомерные обязательства. Соединенные Штаты не раз переоценивали свои возможности во влиянии на ход событий в России. Несмотря на то, что Москва повсеместно выражает протест, Вашингтон же настаивает на своем праве «задавать» России и ее соседям «образцы» решений не только внешнеполитических, но и внутривнутриполитических вопросов.

Отказ США от менторских амбиций по отношению к России мог бы способствовать налаживанию российско-американских связей, повышению их продуктивности, выведению на новый уровень. Но такой подход представляется маловероятным. К тому же изменить вектор российско-американских отношений будет непросто. Обусловлено это в первую очередь негативным образом России, сложившимся в американском обществе. Задача является сложной, поскольку обе страны отстаивают свои интересы и ценности, придерживаются собственных курсов развития.

Тем не менее внешнеполитическая коммуникация в общественно-политическом дискурсе российско-американских отношений существует, но со своими вызовами, угрозами и проблемами. Отсутствие нормальных коммуникаций чревато военным столкновением двух государств, что могло бы повлечь за собой дестабилизирующие и катастрофические последствия не только для этих держав, но и для всего мира в целом, его безопасности. В то же время российско-американские отношения, основанные на сотрудничестве, могли бы способствовать устранению угроз безопасности мира (с которыми державы не могут справиться в одиночку).

Итак, сегодня обостряются конфликты между государствами, мировая арена характеризуется политической нестабильностью. Справиться с этим может и должна политическая дипломатия. Все это доказывает значимую роль внешнеполитической коммуникации, ее изучение — вопрос национальной безопасности.

Список источников

1. Борщевский Г. А. Роль государства в формировании преемственного исторического сознания в контексте проблемы обеспечения национальной безопасности России // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 8. URL: <https://clck.ru/sKNgJ> (дата обращения: 21.03.2022).
2. Кондратов А. И. Процесс, поведение, коммуникация и внешнеполитическая деятельность государства: соотношение понятий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. № 2. С. 144–150.
3. Меньшиков П. В. Практические аспекты внешнеполитической коммуникации // Международные коммуникации. 2017. № 3. URL: <https://clck.ru/sKNtU> (дата обращения: 10.03.2022).
4. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. Public Affairs, 2005. 191 p.
5. Ярославцева Я. А. Специфика внешнеполитического дискурса // Филология и культура. 2015. № 4 (42). С. 185–191. URL: <https://clck.ru/sKJpy> (дата обращения: 15.03.2022).
6. Rumer E., Sokolovsky R. Thirty Years of U. S. Policy Toward Russia: Can the Vicious Circle Be Broken? Carnegie Endowment for International Peace, 2019. URL: <https://clck.ru/sKJtu> (дата обращения: 21.03.2022).

Научная статья

УДК 327+32.091

Эволюция концепта «мягкой силы» в творчестве Джозефа Ная: анализ основных этапов

Ольга Фредовна Русакова¹
Айгерим Мухамедрахимовна Жакьянова²

¹ Институт философии и права Уральского отделения
Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

² Казахский университет международных отношений
и мировых языков имени Абылай хана, Алма-Ата, Республика Казахстан

¹ rusakova_mail@mail.ru

² zhakyanova.a@inbox.ru

Аннотация. В статье выделяются четыре основных этапа эволюции концепта «мягкой силы» (*англ.* soft power) в творчестве Джозефа Ная в соответствии с возникновением новых процессов и соотношений политических сил на мировой арене.

Первый этап связан с обострением ядерного противостояния сил США и СССР в эпоху холодной войны, что дало толчок для разработки Наем концепта «мягкой силы». Второй этап приходится на период распада СССР и установление гегемонии США на мировой арене. В этот период Най формулирует ресурсную концепцию «мягкой силы» и считает необходимым расширенное использование ресурсов soft power в системе международных отношений. Третий этап связан с появлением концепта «умной силы», представляющей диалектическую комбинацию «мягких» и «жестких» ресурсов влияния при разрешении международных конфликтов. Начало четвертого этапа обусловлено появлением концепта «острой силы» (*англ.* sharp power), что было связано с процессами усиления информационной войны и широким применением манипулятивных технологий в современном коммуникативном пространстве.

В заключение выдвигается формула, показывающая траекторию эволюции концепта «мягкой силы» в творчестве Ная, делается вывод о том, что американский исследователь склонен к трактовке «острой силы» в духе теории и практики постправды.

Ключевые слова: Джозеф Най, концепт, «мягкая сила», «умная сила», «острая сила», международные отношения, постправда

Original article

The Evolution of the Concept of Soft Power in the Works of Joseph Nye: Analysis of Main Stages

Ol'ga F. Rusakova¹
Ajgerim M. Zhakyanova²

¹ Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

² Kazakh Ablai khan University of International Relations
and World Languages, Almaty, Republic of Kazakhstan

¹ rusakova_mail@mail.ru

² zhakyanova.a@inbox.ru

Abstract. The article identifies four main stages in the evolution of the concept of soft power in the work of Joseph Nye in accordance with the emergence of new processes and relationships of political forces on the world stage.

The first stage is connected with the aggravation of the nuclear confrontation between the forces of the USA and the USSR in the era of the Cold War, which gave impetus to Nye's development of the concept of soft power. The second stage falls on the period of the collapse of the USSR and the establishment of US hegemony on the world stage. During this period, Nye formulates the resource concept of soft power and considers it necessary to expand the use of soft power resources in the system of international relations. The third stage is associated with the emergence of the concept of smart power, which is a dialectical combination of soft and hard resources of influence in resolving international conflicts. The beginning of the fourth stage is due to the emergence of the concept of sharp power, which was associated with the processes of strengthening the information war and the widespread use of manipulative technologies in the modern communication space.

In conclusion, a formula is put forward showing the trajectory of the evolution of the concept of soft power in Nye's work, it is concluded that the American researcher is inclined to interpret hard power in the spirit of post-truth theory and practice.

Keywords: Joseph Nye, concept, soft power, smart power, hard power, international relations, post-truth

Понятие «мягкая сила» (*англ.* soft power) получило широкую популярность в мировом научном сообществе прежде всего благодаря работам американского политолога-международника Джозефа Ная,

который впервые суть этого понятия сформулировал в статье *Soft Power*, опубликованной в журнале *Foreign Policy* в 1990 г.: «То или иное государство может достигать предпочтительных для него результатов в мировой политике потому, что другие государства хотят следовать за ним или соглашаются на некоторую ситуацию, обеспечивающую такие результаты. В этом смысле в мировой политике в определенных случаях так же важно устанавливать повестку дня и структурировать ситуации, как и заставлять других изменяться. Этот второй аспект силы — который проявляется, когда одна страна добивается того, чтобы другая хотела того же, что и первая, — может быть назван приобщающей, или мягкой, силой в противоположность жесткой, или командной, силе приказа» [1, р. 166].

В этой работе давалось весьма расплывчатое определение «мягкой силы», которое сводилось к способности воздействовать на других в целях достижения желаемых результатов, используя при этом собственную привлекательность. Применение инструментов привлекательности выступало главной чертой, отличающей *soft power* от жестких методов управления политическими субъектами, действующими на мировой арене. Тем не менее именно расплывчатость в определении понятия стала причиной для возникновения в дальнейшем разнообразных трактовок и методологий исследования феномена «мягкой силы», что в итоге послужило основанием для превращения этой категории в самостоятельный концепт теории международных отношений.

За последние тридцать лет появилось множество работ, в которых предпринимались попытки системно представить методологические принципы изучения концепта «мягкой силы» путем сопоставления его с альтернативным концептом «жесткой силы» (*англ. hard power*) (см., например, [2; 3; 4] и др.). Ряд исследований был посвящен проблеме адаптации концепта «мягкой силы» к национальным особенностям разных государств (например, [5; 6; 7; 8; 9; 10] и др.). Однако, несмотря на существование множества разнообразных исследований этой категории, до сих пор продолжается процесс формирования ее методологических оснований и способов измерения, изучения конкретных кейсов ее реализации в международных практиках.

В связи с этим представляется актуальным обращение к вопросу об эволюции концепта «мягкой силы», его методологическим основаниям. Здесь следует в первую очередь обратиться к творчеству самого Джозефа Ная.

В настоящей работе нами выделяется четыре этапа эволюционного развития концепта «мягкой силы» в работах Дж. Ная. Каждый этап характеризуется появлением новых ракурсов анализа этого концепта, связанных с определенными изменениями и новациями в конфигурации международных отношений.

Первый этап (1970–1980 гг.) — это время разработки Джозефом Наем совместно с Робертом Кеохейном теоретических основ концепции неолиберализма в системе международных отношений [11]. В этот период США начали утрачивать свои позиции в ядерном противостоянии с СССР: испытание межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) не дало ожидаемых результатов для нанесения силового удара против советских ракетных позиций. Р. Кеохейн и Дж. Най в своих работах отмечали, что ядерное противостояние США и СССР, угроза ядерного взаимоничтожения стали основой для создания теории о взаимозависимости и ненасильственных методах взаимодействия. В тот период участие Дж. Ная в подготовке программ по ядерному разоружению дало толчок для разработки им концепта «мягкой силы». Именно в развитии этого понятия Най увидел теоретическое обоснование новой политической стратегии США. В эти годы им были обозначены 3 основных источника «мягкой силы»:

- 1) культурная привлекательность;
- 2) привлекательность идеологических ценностей;
- 3) правила и институты международных режимов.

Второй этап (вторая половина 1980-х — 2000 гг.) можно обозначить термином «американистский». В этот период приходит конец биполярному миру, который характеризовался противостоянием сил СССР и США в холодной войне. Вследствие радикальных реформ М. С. Горбачёва, а затем Б. Н. Ельцина происходит распад СССР и всего восточно-европейского социалистического блока. Существенно сокращается ресурсный потенциал когда-то главного противника Соединенных Штатов. В итоге США объективно оказались в положении единственной лидирующей силы на мировой арене, обладающей самой мощной ресурсной базой. Для Ная на втором этапе главной проблемой стал вопрос об эффективном и правильном использовании сложившегося для США благоприятного международного положения. В этот период Дж. Най рассматривал «мягкую силу» главным образом как систему ресурсов «мягкой силы» (*англ.* soft power resources), или как «мягкую совместную силу» (*англ.* soft cooperative power). Широкое применение

инструментов «жесткой силы», которое требует больших финансовых вложений, он тогда считал нецелесообразным. Согласно Наю, именно «мягкая сила» — включающая в свой арсенал универсальные культурные ресурсы, а также способности устанавливать необходимый баланс между внутренней и внешней политикой — способна обеспечивать и поддерживать влияние, власть и лидерство США на мировой арене.

Третий этап (2001–2017 гг.) развития концепта «мягкой силы» в творчестве Дж. Наю связан, во-первых, с событиями 11 сентября 2001 г. и возросшей угрозой международного терроризма, во-вторых, с применением США военной силы при решении конфликтов в Ираке, Югославии и Афганистане. Най считал большим упущением американской внешней политики тех лет пренебрежительное отношение к возможностям «мягкой силы» в решении внешнеполитических вопросов. В связи с этим он публикует ряд работ, в которых делает вывод о важности гибкого соединения инструментов «мягкой» и «жесткой силы» при решении внешнеполитических вопросов. Такую диалектическую комбинацию он обозначает термином «умная сила» (*англ. smart power*) [12; 13].

«Умная сила», согласно Наю, носит прагматический характер, ее геополитической основой выступает рациональная взвешенность, или взвешенная рациональность. Най отмечает: «Твердая и мягкая силы порой подкрепляют друг друга, поэтому важен разумный подход с учетом конкретной ситуации к вопросу об их взаимодействии при разных обстоятельствах» [13, с. 61]. Задача «умной силы» нацелена на сохранение и развитие национально-государственных стратегических приоритетов, при этом важно учитывать тенденции общемирового развития, которые имеют сложные отношения и структуру. Дж. Най отмечает, что гармонично сочетать и преобразовать «жесткую» и «мягкую силу» в «умную силу» — нелегкая задача.

Следует также отметить ценность выводов, сделанных Наем относительно того, какие конкретные задачи и проблемы международной политики способно решать умное практическое использование ресурсов «мягкой силы». Таковыми выступают:

- 1) вопросы развития международных институтов, альянсов и партнерств;
- 2) проблемы глобального развития;
- 3) создание условий для экономической интеграции и зон свободной торговли;

- 4) решение задач публичной дипломатии;
- 5) обеспечение энергетической безопасности и решение проблем экологии [12, p. 121].

Четвертый этап развития концепта «мягкой силы» в творчестве Дж. Ная начинается с 2017 г. — времени, когда исследователи Кристофер Уокер и Джессика Людвиг в отчете Национального фонда демократии ввели в оборот термин «острая сила» (*англ.* sharp power) [14]. Это понятие было использовано ими для описания технологий информационного манипулирования и кибератак, которые направлены на разрушение демократических ценностей и общественных устоев.

Джозеф Най быстро откликнулся на появление нового термина статьей в журнале *Foreign Affairs* за 2018 г., в которой дал ему (термину) следующее определение: sharp power — есть «использование фальсифицированной информации во враждебных целях» [15]. Согласно Наю, предназначение «острой силы» состоит в разрушении западных демократических процессов и очернении брендов демократических стран. В этой работе им выделяются следующие характерные черты «острой силы», отличающие ее от «мягкой» и «умной»:

- 1) скорость распространения дезинформации;
- 2) низкая стоимость создания и информационного продвижения фальсификаций;
- 3) надежность и безопасность применения манипулятивных технологий с использованием так называемых онлайн-ботов и оплаченных «троллей» (лицо, публикующее в сети провокационное и (или) оскорбительное заявление, — *прим. ред.*).

Определенным подведением итогов, касающихся авторского развития концепта «мягкой силы», можно считать статью Ная «Мягкая сила: эволюция концепции», опубликованную в 2021 г., в которой даются обоснования и пояснения различным критическим высказываниям, раздающихся в адрес этого концепта [16]. В ней отмечается, что часто силу многие исследователи отождествляют с ресурсами, что является ошибкой. Обладание ресурсами не является гарантом достижения желаемых результатов, более того, необходимо учитывать контекст происходящего, откуда следует методологическая значимость применения ситуативного подхода при анализе «мягкого» воздействия одного актора на другой. Важно трансформировать имеющиеся ресурсы в стратегию практических действий и определить конечную цель. Только тогда можно добиться эффективной реализации «мягкого» влияния.

В упомянутой работе Дж. Най дает уточнение тому, каким образом срабатывает механизм воздействия «мягкой силы», который может быть прямым, без включения элементов преднамеренного воздействия агента, или косвенным, опосредованным, связанным с применением манипулятивных информационно-коммуникативных технологий. В последнем случае «мягкая сила» превращается в «острую силу», в задачу которой не входит установление режима правды, ибо такая сила проистекает из намерения агента предоставить адресату изначально заданный смысловой контент, который может быть либо истинным, либо ложным [16, р. 9].

Таким образом, «острая сила» трактуется Дж. Наем совершенно в духе теории постправды, для которой принципиальное значение имеет не установление истины, а эффективность производимого эмоционального воздействия на общественное сознание [17; 18].

В заключение подведем некоторые итоги проведенного анализа эволюционной трансформации «мягкой силы» в «острую силу» в работах Дж. Найа.

Во-первых, главным толчком для разработки Наем концепта «мягкой силы» послужило обострение процесса ядерного противостояния между США и СССР, когда остро встал вопрос о необходимости трансформации международных отношений путем развития и укрепления «мягких» механизмов взаимодействия и коммуникации со стороны внешнеполитических акторов.

Во-вторых, под концептом «мягкой силы» первоначально подразумевалась система ресурсов «мягкого» влияния, к которым Най относил прежде всего культурные, идеологические и институциональные ресурсы. При этом «мягкая сила» рассматривалась как альтернатива «жесткой силе», которая связана с применением вооруженного, экономического и иного насилия. В отличие от «жесткой» «мягкая сила» использует в своем арсенале механизмы привлекательности, сотрудничества и кооперации.

В-третьих, критическое отношение Найа к процессам развязывания властями США внешнеполитических вооруженных конфликтов привело в итоге к выработке им концепции «умной силы», под которой понимается способность международных акторов умело и эффективно применять в конкретных обстоятельствах разнообразные инструменты «мягкой» и «жесткой силы». При этом важно учитывать все факторы сложившейся ситуации, легитимность действий, а также представления об угрозах со стороны другого государства.

В-четвертых, возникновение в творчестве Ная концепта «острой силы» в значительной степени связано с процессом обострения информационного противостояния и расширением зоны информационных войн на мировой арене. В качестве ключевых инструментов информационного влияния все чаще становятся технологии постправды, благодаря которым приоритетными способами воздействия на умы широких масс выступают не системы доказательств, аргументов и проверенных фактов, а яркие картинки, производящие сильное впечатление на пользователей.

Таким образом, процесс эволюции концепта «мягкой силы» в работах Джозефа Ная можно представить в виде следующей траектории развития: от ресурсной трактовки «мягкой силы», связанной с мобилизацией механизмов воздействия посредством добровольности, привлекательности и кооперации, — к понятию умной силы, рассматриваемой в форме успешного сочетания инструментов «мягкого» и «жесткого» воздействия, а затем — к концепту «острой силы», воплощающей широкое распространение идей и методов конструирования постправды в условиях современной информационной войны.

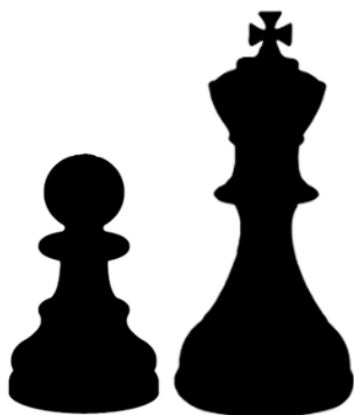
Список источников

1. Nye J. S. Jr. Soft Power // Foreign Policy. 1990. No. 80. P. 153–171.
2. Cooper R. Hard Power, Soft Power and the Goals of Diplomacy // American Power in the 21st Century. Cambridge : Polity, 2004. 299 p.
3. Holl T. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analitical Category // The Chinese Journal of International Politics. 2010. Vol. 3. P. 208–211.
4. Gray C. S. Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century. Strategic Studies Institute, 2011. URL: <https://clck.ru/sKgEp> (date of access: 01.03.2022).
5. Geun L. A Theory of Soft Power and Korea's Soft Power Strategy // Korean Journal of Defence Analysis. 2009. Vol. 2, Iss. 2, June. P. 205–218.
6. Jacques E. C. Hymans. India's Soft Power and Vulnerability // India Review. 2009. Vol. 8, No. 3. P. 234–265.
7. Kearn D. W. The Hard Truths about Soft Power // Journal of Political Power. 2011. Vol. 4, No. 1. P. 65–85.
8. Holik G. G. Paper Tiger? Chinese Soft Power in East Asia // Political Science Quartery. 2011. Vol. 126, No. 2. P. 223–254.

9. Паршин П. Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России. М. : МГИМО-УН-Т, 2013. 37 с. (Аналитические доклады. Вып. 1 (36), март 2013).
10. Soft Power: теория, ресурсы, дискурс / П. И. Агашкова, Е. Г. Грибобовод, Д. Д. Гуляр [и др.]. Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2015. 376 с.
11. Keohane R. O., Nye J. S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston : Little, Brown and Co., 1977. 268 p.
12. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York : Public Affairs, 2004. 191 p.
13. Най Дж. С. Будущее власти / пер. с англ. В. Н. Верченко. М. : АСТ, 2014. 448 с.
14. Walker Ch., Ludwig J. The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence // Foreign Affairs. 2017. November 16. URL: <https://clck.ru/UjmMy> (date of access: 01.03.2022).
15. Nye J. S. Jr. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // Foreign Affairs. 2018. January 24. URL: <https://clck.ru/sKh94> (date of access: 01.03.2022).
16. Nye J. S. Soft Power: the Evolution of a Concept // Journal of Political Power. 2021. No. 3. P. 196–208. URL: <https://clck.ru/sKhCX> (date of access: 01.03.2022).
17. Чугров С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // ПОЛИС. 2017. № 2. С. 42–59.
18. Русакова О. Ф., Русаков В. М. Дискурс постправды как медиатехнология политики постпамяти // Дискурс-Пи. 2019. № 2 (35). С. 10–27.

Часть 2. Культура в системе отношений: гражданин, общество, власть

Научная статья

УДК 329

Партия власти и парламентская оппозиция на местных и региональных выборах в России: перераспределение политических ресурсов в условиях социально-политических вызовов 2018–2021 гг.

Рейган Ли Викторович Безуглый

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

rvbezugli@gmail.com

Аннотация. В настоящем исследовании представлен анализ функционирования институциональных механизмов политической гегемонии партии власти в электоральных процессах регионального и местного уровня в России. На материале двух избирательных циклов (четырёх избирательных кампаний, прошедших в 2015, 2016, 2020 и 2021 гг. в семидесяти шести регионах Российской Федерации) изучена динамика формирования конфигурации представительства партий в региональных парламентах и местных представительных собраниях, исследована роль избирательных систем в обеспечении гегемонии партии власти в местной и региональной политике.

Ключевые слова: социально-политические вызовы, электоральная машина, политические силы, партия власти, ресурсы политических партий

Original article

Party of Power and Parliamentary Opposition in Local and Regional Elections: Distribution and Redistribution of Political Resources in Conditions of Socio-Political Challenges of 2018–2021

Rejgan Li V. Bezugly

Surgut State University, Surgut, Russia

rvbezugli@gmail.com

Abstract. This study presents an analysis of the functioning of the institutional mechanisms of the political hegemony of the party of power in electoral processes at the regional and local levels. Based on the material of two election cycles (four election campaigns held in 2015, 2016, 2020 and 2021 in seventy-six regions of the Russian Federation), the dynamics of the formation of the configuration of representation of parliamentary parties in regional parliaments and local representative assemblies has been studied, the role of electoral systems in ensuring the hegemony of the party of power in local and regional politics.

Keywords: social and political challenges, electoral machine, political forces, ruling party, resources of political parties

Состояние партийного плюрализма — важный показатель, характеризующий политический режим государства. Значение этого показателя на региональном уровне политической системы позволяет судить о состоянии как местной, так и общенациональной политической системы. В 2017—2018 гг. партия «Единая Россия» (ЕР) в регионах оказывается перед лицом серьезных вызовов ее стабильности. Социальное недовольство становится испытанием для сохранения за партией власти монопольного положения в электоральном пространстве муниципальных и регионов. По сравнению с 2015 и 2016 гг. партийный состав муниципальных legislatures в 2020 и 2021 гг. заметно изменился. Местные и региональные выборы отразили федеральную тенденцию к увеличению количества партий, представленных в парламенте. В то же время система большинства (далее — мажоритарная избирательная система) и система с пропорциональными элементами раньше давали очень разный результат, а теперь различие между ними снизилось [1, с. 219].

Целью настоящего исследования является анализ электоральных результатов «Единой России» и парламентской оппозиции на местных и региональных выборах, а также процесса преобразования института многопартийности в обозначенных выше условиях.

Сведения о конфигурации избирательных систем и динамики партийного представительства в регионах получены с официальных стра-

ниц веб-порталов законодательных и (или) представительных органов, а также уставов муниципальных образований и официальных данных Центральной избирательной комиссии РФ (ЦИК РФ), размещенных в разделе «Выборы, референдумы и иные формы прямого волеизъявления» [2].

Общее представление о распространении различных избирательных систем в субъектах РФ представлено в табл. 1.

Таблица 1

Соотношение избирательных систем муниципалитетов РФ в 2015, 2020 и 2016, 2021 гг.

Избирательная система	I группа субъектов РФ		II группа субъектов РФ	
	2015	2020	2016	2021
Мажоритарная, с одномандатными округами	42 %	49 %	—	4 %
Мажоритарная, с многомандатными	17 %	17 %	—	—
Смешанная, с одномандатными округами	41 %	34 %	86 %	82 %
Смешанная, с многомандатными округами	—	—	4 %	4 %
Пропорциональная избирательная	—	—	10 %	10 %

Примечание. В I группу субъектов РФ входят: Республика Коми, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Чувашская Республика; Краснодарский край; Астраханская область, Белгородская область, Владимирская область, Воронежская область, Ивановская область, Калужская область, Костромская область, Липецкая область, Магаданская область, Нижегородская область, Новосибирская область, Оренбургская область, Орловская область, Ростовская область, Рязанская область, Смоленская область, Тамбовская область, Томская область, Ульяновская область, Челябинская область; Ямало-Ненецкий автономный округ.

Во II группу субъектов РФ входят: Республика Адыгея, Республика Башкортостан, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Карелия, Республика Мордовия, Чеченская Республика, Чувашская Республика; Алтайский край, Камчатский край, Красноярский край, Пермский край, Приморский край, Ставропольский край; Амурская область, Астраханская область, Вологодская область, Калининградская область, Кемеровская область, Кировская область, Курская область, Ленинградская область, Липецкая область, Московская область, Мурманская область, Нижегородская область, Новгородская область, Омская область, Оренбургская область, Орловская область, Псковская область, Самарская область, Саратовская область, Свердловская область, Тамбовская область, Тверская область, Томская область, Тюменская область; Санкт-Петербург; Еврейская автономная область; Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Чукотский автономный округ.

По результатам региональных выборов 2015 и 2020 гг. Алтайского края, Камчатского края, Приморского края, оппозиционные партии чаще получали мандаты при голосовании за партийные списки, а в одномандатных округах обычно побеждала ЕР (на втором месте — Коммунистическая партия Российской Федерации, КПРФ).

В условиях нарастания социально-экономических проблем популярность партии власти снижалась, а ее оппоненты улучшали свои результаты. В условиях разных избирательных систем этот процесс развивался неодинаково (табл. 2, 3, рис. 1, 2).

Таблица 2

Партийный состав местных представительных собраний
в условиях различных избирательных систем (I группа субъектов РФ), %

Избирательная система	Год	Количество партий в составе представительных собраний							
		1	2	3	4	5	6	7	8
Мажоритарная, с одномандатными округами	2015	24,5	47	21	7,5	—	—	—	—
	2020	8	20	38	23	8	3	—	—
Мажоритарная, с многомандатными округами	2015	—	33	50	17	—	—	—	—
	2020	—	—	83	17	—	—	—	—
Смешанная, с одномандатными округами	2015	—	—	22	54	22	2	—	—
	2020	—	3	3	35	29	12	15	3

Таблица 3

Фракционный состав местных представительных собраний
в условиях различных избирательных систем (I группа субъектов РФ), %

Избирательная система	Год	Количество фракций в составе представительных собраний				
		1	2	3	4	5
Мажоритарная, с одномандатными округами	2015	100	—	—	—	—
	2020	71	27	2	—	—
Мажоритарная, с многомандатными округами	2015	88	6	6	—	—
	2020	76	12	12	—	—

Окончание табл. 3

Избирательная система	Год	Количество фракций в составе представительных собраний				
		1	2	3	4	5
Смешанная, с од- номандатными округами	2015	34	39	17	10	—
	2020	27	32	32	6	3

Примечание. Под фракцией понимается группа из 3 и более депутатов, принадлежащих к одной партии.

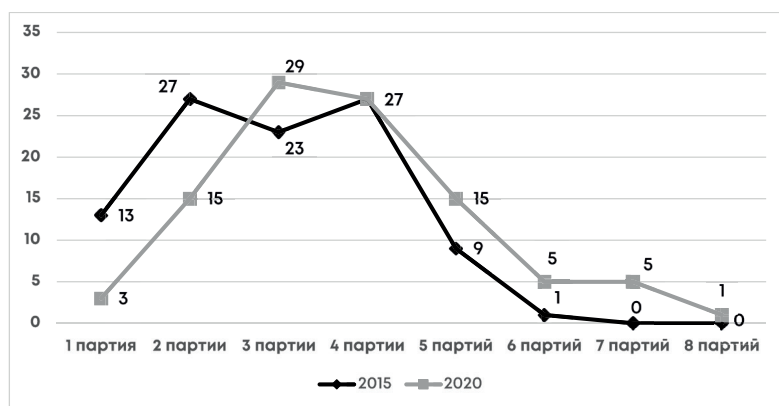

Рис. 1. Разнообразие партийного состава в 2015 и 2020 гг. (I группа субъектов РФ)

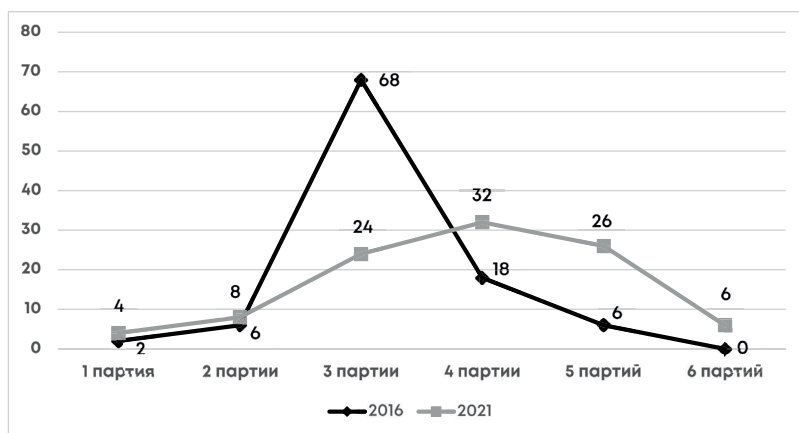

Рис. 2. Разнообразие партийного состава в 2016 и 2021 гг. (II группа субъектов РФ)

В подавляющем большинстве представительных собраний в 2015 и 2020 гг. фракцию численностью в три и более человек способна сформировать только одна партия — исключением являются отдельные регионы. Например, в Новосибирской области по итогам выборов 2020 г. в законодательном (представительном) собрании представлено 7 партий: из них 5 — «Единая Россия», КПРФ, Либерально-демократическая партия России (ЛДПР), «Новые люди» (НЛ) и Российская партия пенсионеров за социальную справедливость (ПП) — образовали фракции численностью в три и более депутатов. В региональных парламентах Республики Карелия (2016), Алтайского края (2021) и Санкт-Петербурга (2016 и 2021 гг.) фракции в три и более депутатов смогли сформировать 5 партий (включая ЕР).

Монополия «Единой России» размывается [3, с. 61], но позиции ее конкурентов еще довольно слабые, большая их часть не может сформировать в собраниях полноценные фракции. Доминирующее положение ЕР, как правило, сохраняет.

Смена избирательной системы во всех случаях происходила в условиях высоких показателей партийного и фракционного плюрализма (табл. 4). Инициировать и провести эту меру в жизнь была в состоянии единственная партия «Единая Россия». В подавляющем большинстве случаев эта реформа привела к вполне прогнозируемому результату: представительство оппонентов ЕР сократилось на количественном уровне (партийный плюрализм) в трех случаях из пяти, а на качественном (фракционный плюрализм) — в четырех случаях из пяти (в одном случае этот показатель находился на минимально возможном уровне еще до реформы).

Таблица 4

Партийное разнообразие руководящего состава законодательных (представительных) органов субъектов РФ, %

Группа субъектов РФ	Год	Количество партий				
		1	2	3	4	5
I	2015	73	11,5	11,5	—	4
	2020	73	11,5	11,5	—	4
II	2016	67	26	5	—	2
	2021	67	26	5	—	2

Примечание. Под руководящим составом понимаются председатель собрания и его заместители.

До недавнего времени в условиях мажоритарной системы с одномандатными округами (табл. 5), как правило, большинство мандатов распределялось между кандидатами от партии власти, а ее конкуренты, сумевшие попасть в состав представительных собраний, были представлены единичными депутатами. Оппозиционные партии достигали успеха в основном благодаря выборам по пропорциональной системе. В ходе избирательных кампаний 2020 и 2021 гг. ситуация несколько поменялась — как в условиях мажоритарной, так и в условиях смешанной системы успехи оппозиционных сил приобрели систематический характер.

Таблица 5

Партийный и фракционный состав представительных собраний в условиях смены избирательной системы со смешанной (2015) на мажоритарную с одномандатными округами (2020)

Муниципальное образование, город	Количество партий		Количество фракций	
	2015	2020	2015	2020
Астрахань	4	4	3	2
Белгород	4	4	2	2
Владимир	6	1	3	1
Липецк	5	2	2	1
Магадан	4	3	1	1

Тем не менее институциональное оформление конкурентного процесса продолжает действовать как самостоятельный фактор, определяющий итоги выборов. В условиях смешанной системы распределение мандатов остается более плюралистичным в сравнении с мажоритарными системами. Переход от смешанной системы к мажоритарной продолжает эффективно использоваться в качестве технологии доминирования.

Список источников

1. Мархинин В. В. Политический плюрализм и итоги реформы региональной избирательной системы в электоральном цикле 2016 г. (по материалам обследования местных избирательных кампаний в УрФО) // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. № 2. С. 217–227.

2. Выборы, референдумы и иные формы прямого волеизъявления // Центральная избирательная комиссия РФ. URL: <https://clck.ru/0m0bx> (дата обращения: 21.01.2022).
3. Мархинин В. В. Партии и их кандидаты на местных выборах: кадровый состав, доверие избирателей, факторы успеха (на примере избирательных кампаний в Сургуте, 2011–2016 гг.) // Северный регион: наука, образование, культура. 2018. № 1 (37). С. 59–65.

Научная статья

УДК 321

Региональный уровень политической власти в Забайкалье: факторы развития

Татьяна Евгеньевна Бейдина¹
Анна Владимировна Новикова²

^{1,2} Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

¹ beydina@inbox.ru

² anna_novikova2010@mail.ru

Аннотация. В работе охарактеризован региональный уровень политической власти в субъекте РФ — Забайкалье. Центральным звеном исследования является обоснование природы политической власти факторами развития как федерального, так и регионального уровней. Исходя из общественно-политического дискурса, выделены следующие факторы: исторический, природно-географический, экономический, социальный и политический, ориентированный на оценку административного деления, поддержку власти народом, этику властных отношений. В статье обоснован фактор культуры политической власти.

Ключевые слова: политическая власть, Забайкалье, региональный уровень управления, факторы развития, административно-политическое деление, этика и культура власти

Original article

Regional Level of Political Power in Transbaikalia: Development Factors

Tatyana E. Beidina¹
Anna V. Novikova²

^{1,2} Transbaikalia State University, Chita, Russia

¹ beydina@inbox.ru² anna_novikova2010@mail.ru

Abstract. The paper characterizes the regional level of political power in the subject of the Russian Federation — Transbaikal. The central element of the study is the substantiation of the nature of political power by factors of development at both the federal and regional levels. Based on the socio-political discourse, the following factors are identified: historical, natural-geographical, economic, social and political, focused on assessing the administrative division, support of power by the people, ethics of power relations. The article substantiates the factor of culture of political power.

Keywords: political power, Transbaikal, regional level of government, development factors, administrative and political division, ethics and culture of power

Факторы развития региональной власти предполагают выявление диспропорций и преодоление экономико-социального и политического дисбаланса субъектов РФ. Существуют как внешние, так и внутренние факторы развития, среди которых выявляются: исторический, природно-географический, экономический, социальный, идеологический, информационный, политический (административное деление, народовластие) и другие, которые можно как суммировать, так и дифференцировать. Суммирование предполагает учет в политическом дискурсе эффективности органов власти как федерального уровня, так и уровня 85 субъектов РФ. Дифференциация по идеологическому принципу ориентирована на выделение либерализма и консерватизма, который доминирует в российской политике и, по мнению М.А. Василика и М.С. Вершинина, означает: «моральность, постепенность, традиционализм, целеполагание, приоритет частной собственности, негативное отношение к изменениям» [1, с. 54].

Целесообразно отметить, что понятие политической власти шире категории «государственная власть» и подразумевает помимо второй власть партийную, общественную, власть СМИ и многое другое, что означает систему. В такую систему входит и политическая культура, в которой также существуют региональные отличия, связанные с историческим срезом.

Оценивая структуру федеральной власти, целесообразно выделить законодательную, исполнительную, судебную, которые самостоятельны. По свидетельству А.В. Новиковой: «Федеральное звено государственного управления хорошо структурировано, в его систему входит Президент РФ, Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ

и суды. Президент России в системе государственных органов занимает главенствующее положение. Конституция РФ наделила Президента широкими полномочиями [2] (ссылка наша — Т. Б., А. Н.). Президент издает указы и распоряжения. Организационное обеспечение деятельности главы государства возлагается на Администрацию Президента РФ, являющуюся рабочим органом при нем. Президент России относится к сильным президентам» [3].

В федеральную систему входят полномочные представители. В 2000 г. В. В. Путин подписал указ «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» [4], который был своевременным, т. к. шло испытание России на разрыв территориальных связей и признание верховенства законодательства в РФ. А. В. Новикова, рассматривая этот указ и полномочия представителей Президента, отмечает: «Эта задача была тем более актуальной, что к моменту издания Указа примерно каждый пятый закон субъектов Федерации содержал позиции, противоречащие общероссийскому законодательству» [3].

Разнообразие регионов РФ порождает жесткую модель органов власти на уровне субъектов. По утверждению А. В. Новиковой: «Систему органов государственной власти субъекта РФ составляют: 1) высшее должностное лицо (глава) субъекта РФ; 2) органы законодательной власти субъекта РФ; 3) органы исполнительной власти субъекта РФ» [3]. Подобная система власти испытывает воздействие уже обозначенных факторов развития, среди которых выделяется социально-экономический.

Рассмотрим Забайкальский край в Дальневосточном федеральном округе [5]:

Показатель	Дальневосточный федеральный округ	Забайкальский край
территория, тыс. км ²	6 952,6	431,9
население на 1 января 2021 г., тыс. человек	8 124,0	1 053,5
занятые, тыс. человек	3 898,6	452,5
денежные доходы (в месяц), р.	39 051	27 046
расходы в среднем на душу населения (в месяц), р.	28 748	19 463
средняя заработная плата работников организаций, р.	60 358	47 172
валовой региональный продукт (ВРП) в 2019 г., млрд р.	5 971,6	364,6
инвестиции, млрд р.	1 551,1	125,4
экономические фонды, млрд р.	21 745,9	1 656,3

Из представленных данных очевидно, что Забайкалье — депрессивный регион в Дальневосточном федеральном округе, который требует увеличения инвестиций в основной капитал.

Существует регулятивная функция политической системы, которая проявляется в управлении экономикой, социальной сферой и политикой, а также эксплицирует очевидную связь управления и власти. Такую функцию целесообразно усилить в управлении субъектами РФ.

В Забайкалье структура исполнительных органов края определяется губернатором; возглавляемое им правительство осуществляет контроль над государственной властью региона. Благодаря этому существует доминирование губернатора Забайкалья как полновластного главы исполнительной власти, регулирующего все территориальные вопросы. Эта традиция исторически ведет свое начало из сверхцентрализации военно-губернаторского правления, отвечающего в XIX в. за военное устройство и каторгу.

Таким образом, на примере Забайкальского края мы можем видеть, что государственное управление — это сложный процесс взаимодействия властных структур, который может характеризоваться для дотационных регионов необходимостью значительных федеральных бюджетных вливаний. Кроме того, можно сделать следующие выводы:

- 1) факторный анализ политической власти основывается на выделении точек роста, которые существуют как на уровне федерального центра, так и на уровне субъектов;
- 2) факторы развития политической власти на уровне субъектов РФ предполагают их дифференцирование на исторические, экономические, социальные, идеологические, информационные, административные, культурные. Эти факторы в системе отношений гражданин — государство — власть можно в качестве действующих причин развития как суммировать, так и разделять;
- 3) ориентируясь на трансформацию политической культуры в современном российском государстве, можно выделить и показать динамику развития культуры политической власти, направленную на служение российскому государству, выполнение государственного долга, отрицательную оценку протекционизма, фаворитизма, взяточничества.

Список источников

1. Политология : словарь-справочник / под ред. М. А. Василик. М. : Омега, 2001. 354 с.
2. Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12.12.1993 : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». URL: <https://clck.ru/CBCL8> (дата обращения: 30.03.2022).
3. Новикова А. В. Политическая власть и политическое управление современной России: особенности модернизации на уровне субъектов : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02. Чита, 2014. 320 с.
4. О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе : указ Президента РФ : от 13.05.2000 № 849 (ред. от 04.02.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://clck.ru/UFBhT> (дата обращения: 30.03.2022).
5. Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://clck.ru/UMJ8y> (дата обращения: 30.03.2022).

Научная статья

УДК 323.2+32.019.52

«Конвой свободы» как символический конец западного либерализма (на примере Канады)

Герман Денисович Дубровский

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

hermann_dubrovskii@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются протесты, произошедшие в Канаде зимой 2022 г. Особое внимание уделяется несовпадению провозглашаемых политических ценностей и политической реальности в Канаде. Обозначаются политические технологии, применявшиеся протестующими в ходе протестов «Конвоя свободы» и контрдействия со стороны властей. В заключение автор дает прогноз, к чему могут привести дальнейшие протестные события в западном мире.

Ключевые слова: протест, Канада, «Конвой свободы», COVID-19, политический конфликт, аналитика

Original article

Freedom Convoy as s Symbolic End of Western Liberalism (By the Example of Canada)

German D. Dubrovsky

Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

hermann_dubrovskii@mail.ru

Abstract. The article analyzes the protests that took place in Canada in the winter of 2022. Particular attention is paid to the discrepancy between the proclaimed political values and political reality in Canada. The political technologies used by the pro-

testers during the protests of the Freedom Convoy and counteraction by the authorities are indicated. In conclusion, the author gives a forecast of what further protest events in the Western World may lead to.

Keywords: protest, Canada, Freedom Convoy, COVID-19, political conflict, analytics

Причиной выступлений недовольных граждан в Канаде зимой 2022 г. стало введение 15 января правительством страны обязательных паспортов вакцинации для дальнобойщиков, пересекающих границу с США, а в случае отсутствия такого документа, водитель должен был отправиться в изоляцию [1]. В этой статье мы постараемся показать, как существующая реальность не совпадает с декларируемыми ценностями либерального режима.

Сами по себе антиковидные протесты — не новое явление в современной информационной повестке, достаточно вспомнить такие же протесты в странах Евросоюза. Однако для политической жизни Канады такое событие представляется нам весьма необычным явлением. В качестве доказательства этого тезиса служат следующие эмпирические индикаторы:

- в Канаде наблюдалась низкая динамика заражений — пиковые значения заражений были 18 января 2022 г. (41 тыс.). К концу февраля динамика заражений спала (3,4 тыс.) [2]. В США ежедневный прирост заболевших коронавирусом составлял 50–60 тыс. человек;
- режим в Канаде является, согласно индексу демократичности, демократичным и составляет 8,87 пунктов (13 место), по данным Democracy Index [3]. Высокая демократичность канадского режима говорит о наличии плюрализма мнений как общественно-политического института;
- Канада характеризуется высоким уровнем свободы граждан — 8,64 пунктов (6 место), по данным Human Freedom Index [4]. Такая характеристика страны предполагает возможность свободного волеизъявления граждан. Также можно предположить, что власти Канады не предпринимают попыток контролировать жизнь простых граждан: с одной стороны, такая особенность может трактоваться как благоприятная для развития протестного движения, но с другой стороны, плюрализм мнений так или иначе подразумевает терпимость к мнениям других;

- для Канады характерен высокий уровень политических свобод граждан — 98 пунктов из 100 (7 место), по Freedom in the World index [5];
- протестная культура Канады не имеет столь давних традиций протестной активности, как европейская.

Из результатов всех этих политологических исследований становится понятно, что Канада — одна из самых либеральных и демократических стран во всем мире, в ней нет традиции сильной авторитарной власти. Тем более непонятен смысл санитарных ограничений для дальнобойщиков на фоне низких показателей заболеваемости COVID-19 (3—4 тыс. случаев в сутки).

Для понимания сути движения «Конвой свободы» (*англ.* Freedom Convoy, *фр.* Convoi de la liberté) необходимо привести краткую хронологию протестов в Канаде, чтобы показать то, как нарастали протестные настроения:

- 22—23 января — старт акции «Конвой свободы»;
- 26 января — премьер-министр Канады Джастин Трюдо объявляет дальнобойщиков «маргинальным меньшинством»;
- 29 января — дальнобойщики прибыли в Оттаву;
- 30 января — премьер-министр отстранился от решения конфликта с протестующими;
- 2 февраля — блокировка пожертвований GoFundMe;
- 5 февраля — протесты перекинулись в остальные крупные города Канады;
- 7 февраля — мэр Оттавы вводит режим чрезвычайной ситуации (ЧС) на территории города;
- 15 февраля — премьер-министр Канады вводит режим чрезвычайного положения (ЧП) во всей стране.

С течением времени интенсивность протестных событий в Канаде нарастала, в т. ч. по причине неадекватной реакции либерально-демократического правительства Канады.

Стоит отметить запоздалую реакцию властей на протесты, а также самоустранение главы государства с информационного поля — Дж. Трюдо покинул столицу и категорически отказался вести диалог с протестующими.

В ходе протестов в Канаде применялся ряд технологий, представленных в книге Джина Шарпа «От диктатуры к демократии» (*англ.* From Dictatorship to Democracy, 1993). Были использованы техноло-

гии из блоков: «Методы ненасильственного невмешательства», «Отказ от социального и политического сотрудничества», «Ненасильственное убеждение и протест». Активно распространялись популистские обвинения правящего режима в «недемократичности» и «репрессивности» [7].

Реакция властей оказалась непропорционально жесткой по отношению к протестующим. Правительством Дж. Трюдо были предприняты следующие шаги для подавления протестного движения:

- давление на профессиональные союзы в целях прекращения поддержки «Конвоя свободы» [8];
- административное давление на протестующих — протестующим начали приходить штрафы за нарушение общественного покоя;
- введение режима ЧС и ЧП сначала на территории столицы, затем по всей стране;
- активная дискредитация и демонизация протестного движения [9] — Джастин Трюдо лично назвал маргиналами определенную группу населения, предпринимаются неудачные попытки демонизации протестующих: в ряды «Конвоя свободы» уже записали ультраправых, расистов, антиваксеров (также известны как антипрививочники: не доверяют вакцинации и (или) ставят под сомнение ее необходимость, — *прим. ред.*) и просто различных революционеров [10];
- информационная изоляция протестующих;
- изъятие финансов у протестующих — крупный сайт по сбору пожертвований был вынужден вернуть 9 млн долл. пожертвований их отправителям; во время телеэфира ведущая CBC News сделала заявление: «За протестами “Конвой свободы” стоят русские» [11], — хотя, как выяснилось позже, основная доля пожертвований пришла из США, Великобритании и самой Канады [12];
- силовое подавление протеста [13] — применение насильственных методов для разгона мирной демонстрации: использование конной полиции, слезоточивого газа и «перцовых» смесей.

В результате противостояния действующий премьер-министр уже столкнулся с репутационными издержками — его антирейтинг достиг отметки 57%, а ряд публичных фигур уже высказались в поддержку протестующих (Дональд Трамп, Илон Маск) [14]. В народе Трюдо получил неофициальное прозвище за борьбу с протестующими — «коммунист». Также, по мнению ряда экспертов, в политических кругах

Канады может произойти раскол — как внутри либеральной партии, так и внутри правительства [7].

Второе следствие ошибок правительства Канады — превращение «Конвоя свободы» в мировой символ. Акция протеста уже перекинулась на Европу и США [15]. Фактически Трюдо дал антиковидному протестному движению гораздо больше, чем само движение.

Главное, что стало окончательно ясно, — власти Канады на практике не соответствуют результатам прикладных политологических исследований. Как говорилось ранее, практически везде Канада обозначалась как демократическая и свободная страна, но после нынешних протестов валидность этих исследований можно поставить под сомнение. Власти Канады активно подрывают все те же права и свободы, что они отстаивали на протяжении последних лет как на международной арене, так и внутри страны.

В течение двух лет мы видим медленную трансформацию либерально-демократических режимов. На наш взгляд, происходит медленная эрозия представительских и либеральных институтов и централизация государства как такового. Антиковидные ограничения можно рассматривать в ключе политической трансформации западных режимов, которые, столкнувшись с массовым неповиновением закону, используют один из базовых инструментов власти — угрозу применения насилия либо само насилие.

Список источников

1. Freedom Convoy: Why Canadian truckers are protesting in Ottawa // BBC. URL: <https://clck.ru/sLAP3> (date of access: 21.02.2022).
2. Коронавирус в Канаде. Официальная статистика на сегодня // Коронавирус COVID-19. URL: <https://clck.ru/sLASy> (дата обращения: 21.02.2022).
3. Рейтинг стран мира по уровню демократии // Гуманитарный портал. URL: <https://clck.ru/Y2s5A> (дата обращения: 21.02.2022).
4. Рейтинг стран мира по уровню свободы человека // Гуманитарный портал. URL: <https://clck.ru/sLAXv> (дата обращения: 21.02.2022).
5. Рейтинг стран мира по уровню политических и гражданских свобод // Гуманитарный портал. URL: <https://clck.ru/sLAZt> (дата обращения: 21.02.2022).

6. Протесты в Канаде — что такое «Конвой Свободы» и при чём здесь антиковидные меры // TJournal. URL: <https://clck.ru/sLAdi> (дата обращения: 21.02.2022).
7. Наумова Е. «Верните нашу свободу!» Как власти Канады нашли в протестах дальнобойщиков русский след, заговор и фашизм // Лента.Ру. 2022. 21 февр. URL: <https://clck.ru/sLAjv> (дата обращения: 21.02.2022).
8. Parker C. Canadian truck drivers distance themselves from ‘Freedom Convoy’ protests // Washington Post. 2022. February 16. URL: <https://clck.ru/sLAXw> (date of access: 21.02.2022).
9. Канада. Четвёртая неделя протестов. Власти переходят от угроз к действиям // Эхо Москвы. URL: <https://usnd.to/IKXo> (дата обращения: 21.02.2022).
10. Scott M. Ottawa truckers’ convoy galvanizes far right worldwide // Politico. 2022. February 7. URL: <https://clck.ru/sLB9Q> (date of access: 21.02.2022).
11. Colton E. Canadian news host slammed for suggesting Russia behind massive ‘freedom’ trucker protest // Fox News. 2022. January 30. URL: <https://clck.ru/sLBCv> (date of access: 21.02.2022).
12. Чигасов Н. Хакер раскрыл схему финансирования антиковидных протестов в Канаде из-за рубежа // Лента.Ру. 2022. 15 февр. URL: <https://clck.ru/sLBNj> (дата обращения: 21.02.2022).
13. Дубинки, газ, аресты. В Канаде жестко подавили протесты против либеральных властей // Политика сегодня. 2022. 20 февр. URL: <https://clck.ru/sLBTX> (дата обращения: 21.02.2022).
14. Trudeau Tracker // Angus Reid Institute. URL: <https://clck.ru/sLBZ9> (date of access: 21.02.2022).
15. «Конвой свободы» против ковидных паспортов: в Париже столкновения, в Канаде пытаются разблокировать границу с США // BBC News Русская служба. URL: <https://clck.ru/sLBfH> (дата обращения 21.02.2022).

Научная статья

УДК 329

Роль политических партий в формировании политической культуры России

Наталья Владимировна Зимина

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

ziminanv2010@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние политических партий современной России на формирование политической культуры в стране, которая зависит от состояния общего уровня культуры населения. Обновление политической действительности требует и обновления политической культуры. Партии исторически являются носителями и выразителями политической культуры и культурных ценностей. Форсирование политической культуры ставится целью в программных документах практически всех партий. Приведены примеры из программ партий.

Ключевые слова: политическая партия, политическая культура, региональные отделения, устав, программа партии, «партийный культурный код»

Original article

The Role of Political Parties in the Formation of Political Culture

Natal'ya V. Zimina

Transbaikal State University, Chita, Russia

ziminanv2010@yandex.ru

Abstract. The article talks about the influence of political parties in modern Russia on the formation of political culture, which depends on the state of the general level of culture of the population. Renewal of political reality also requires renewal of political

culture. Parties historically are carriers and spokesmen of political culture and cultural values. The forcing of political culture is a goal in the program documents of almost all parties. Examples from party programs are given.

Keywords: political party, political culture, regional branches, charter, party program, “party cultural code”

Политическая культура является общепризнанной сферой общей культуры, непосредственно связанной с политикой и деятельностью политических институтов. Под политической культурой следует понимать исторический опыт национальной или государственной общности, которая воздействует на формирование политических ориентаций, поведения индивидов и групп. Понятие политической культуры введено в научный оборот немецким ученым И. Гердером еще в XVIII вв., хотя важно отметить, что изучали вопросы политической культуры и ранее, например, Платон, Аристотель, К. Маркс и др.

Политические партии являются одним из главных политических институтов современного общества, активно участвующим в государственной культурной политике и формирующим политическую культуру. Без развития политической культуры, как отмечал И. А. Ильин, люди становятся чернью, объектом манипуляций политиков [1, с. 41].

Обновление политического мира требует обновления политического мировоззрения и создания новых этических норм в политической культуре. Политические партии сегодня могут исполнить миссию по созданию нового видения политических ценностей, решая задачу привлечения электората.

Партии всегда являлись выразителем политической культуры, тиражируя новые этические, моральные и культурные ценности среди различных социальных групп. Работа партий в современной России является эффективной с точки зрения формирования новой политической культуры. В условиях конкурентной борьбы партии являются носителем политической культуры и разными способами пытаются воздействовать на сознание различных социальных общностей, используя политические идеологию и сознание, а также авторитет лидера партии [2, с. 259].

Приоритетным направлением в деятельности партий и их региональных отделений является просвещение граждан, приобщение их к политическим ценностям через формирование политической культуры.

В советский период эта задача решалась одной партией — Коммунистической партией Советского Союза (КПСС). Сегодня все имеющиеся в России партии своей целью определяют формирование политической культуры и повышение ее уровня. По данным Минюста России, на 1 апреля 2022 г. в России зарегистрировано и действует 31 политическая партия, среди которых, например:

- «Единая Россия» (ЕР),
- Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ),
- Либерально-демократическая партия России (ЛДПР),
- «Справедливая Россия — Патриоты — За правду» (СРЗП),
- Партия роста,
- Партия народной свободы (ПАРНАС),
- Демократическая партия России (ДПР),
- Партия прогресса,
- Казачья партия Российской Федерации (КаПРФ),
- «Гражданская инициатива»,
- «Новые люди» и др. [3].

Все без исключения партии одной из задач ставят задачу повышения уровня политической культуры граждан. Как заявил В. Путин на съезде политической партии «Единая Россия», который проходил 8 декабря 2021 г., ЕР должна работать на повышение политической культуры [4]. По мнению Президента России, «конкуренция внутри партии хороший инструмент решения проблемных вопросов, но через внутрипартийную атмосферу дискуссии, доверительности и сотрудничества со всеми политическими силами страны можно достичь политическую культуру диалога» [4].

Возвращение к смешанной избирательной системе в России обострило конкуренцию политических сил в стране и отразилось на уровне политической культуры. Партии, представленные в различных представительных органах страны, должны сегодня больше работать не на эпатаж и пиар, а на повышение роли партий в обществе, создание их положительного имиджа, оформление их программных целей и задач, повышение уровня доверия к ним со стороны избирателей. Все перечисленные факторы можно достичь посредством формирования политической культуры населения страны через свой собственный «партийный культурный код».

Культурный код — это уникальные культурные особенности, дошедшиеся народам от предков; это закодированная в некой форме

информация, позволяющая идентифицировать культуру. Это не то, что говорится или четко осознается, а то, что скрыто от понимания, но проявляется в поступках. В программах партий заложены такие цели, как, например, содействие воспитанию гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и культурных традиций, существующих в стране. Например, в программе партии «Единая Россия» заложены такие цели, и с этой программой она победила на выборах.

Феноменом политической власти является корпоративное участие в ней различных политических институтов, одним из которых является партия. По мнению Н. Щербининой, «гражданин может стать политиком только как член политической партии, а у власти стоит целая политическая корпорация, принадлежность к которой автоматически выдвигает на высокие политические должности». Тогда перед нами принцип выстраивания власти релевантный коду политической культуры [5, с. 35]. Через партии конструированы два российских политических мира: высший политический мир (корпорации — партии, лидеры-знаки) и низший мир практической политики. Отсюда вытекает символизм политической культуры и стремление партий это положение подкрепить своими действиями.

Таким образом, партии активно участвуют в формировании политической культуры граждан, активно осуществляя свою деятельность и предпринимая ряд усилий по формированию политической культуры. Партии в своей деятельности закладывают определенные культурные ценности; определяют формы политического сознания и поведения; формируют у граждан представление о социально-политических идеалах и ценностях; способствуют осознанию политических интересов; формируют тип политического участия; задают культурный имидж государства; вовлекают граждан в политические процесс.

Список источников

1. Зимин В. А. Партии проводники политической культуры в российском обществе // Политические науки. 2012. № 11. С. 259–261.
2. Ильин И. А. Аксиомы власти // Новое время. 1990. № 10. С. 41.

3. Политические партии // М-во юстиции РФ. URL: <https://clck.ru/S29Vm> (дата обращения: 24.02.2022).
4. Партия «Единая Россия» URL: <https://clck.ru/SUtZZ> (дата обращения: 24.02.2022).
5. Щербинина Н. Г. Политико-культурные коды и конструктивное творчество современной власти // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 3 (35). С. 27–35.

Научная статья

УДК 321.6.8

Система социального рейтинга КНР в культурном аспекте отношений государства и общества

Никита Дмитриевич Лошин

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

nicosx@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются элементы политической культуры Китая, их влияние на построение системы социального рейтинга в КНР и отношение к ней китайского народа.

Ключевые слова: система социального рейтинга, политическая культура, конфуцианство, легизм, паноптикон, дисциплинарная власть

Original article

Social Rating System of the People's Republic of China in the Cultural Aspect of the State and Society Relations

Nikita D. Loshin

Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

nicosx@mail.ru

Abstract. The article discusses the elements of China's political culture and their influence on the construction of a social rating system in the PRC and the attitude of the Chinese people towards it.

Keywords: social rating system, political culture, confucianism, legalism, panopticon, disciplinary power

В последнее время имеется много информации о системе социального рейтинга в Китайской Народной Республике (КНР), с помощью которой Коммунистическая партия Китая (КПК) в роли большого брата следит за своими гражданами и оценивает все действия общества, присваивая каждому индивиду определенный рейтинг, в зависимости от того, как он себя ведет. За одни действия они получают баллы, которые предполагают различные бонусы, а за другие, наоборот, теряют баллы, а вместе с ними и возможность пользоваться определенными видами услуг. Сбор информации о гражданах происходит с помощью цифровых технологий: big data, системы распознавания лиц и т. д. [1].

В статье рассмотрена проблема системы социального рейтинга, или системы социального кредитования: как эта система влияет на политическую культуру в КНР. Также было важно рассмотреть предпосылки такой системы и попытаться понять, почему именно Китай является страной-первооткрывателем, активно развивающей систему социального рейтинга, а также понять, почему китайский народ ее принимает.

По нашему мнению, причиной создания такой системы является обращение к китайской философии, которая зародилась более 2000 лет назад и за это время не потеряла своей актуальности. Наибольшее влияние на развитие системы социального рейтинга оказали две школы: конфуцианство и легизм.

Конфуцианство дает нам для анализа системы социального рейтинга важный образ благородного мужа, как нравственный идеал человека, который должен быть примером для других. Раньше этот идеал было сложно измерить в количественных показателях, хоть и имелись критерии оценивания — благородный муж должен обладать пятью следующими качествами [2]:

- 1) жэнь (гуманность) — выражается в золотом правиле нравственности Конфуция: «Не делай другим того, чего не желаешь себе»;
- 2) сяо (сыновняя почтительность) — почтение к родителям и старшим братьям, где, если рассматривать семью как государство, отцом будет император, а старшими братьями — чиновники;

- 3) ли (этикет) — определенные нормы общежития. Конфуций верил, что если человек и государство будут соблюдать определенный ритуал, то они приведут свое государство к процветанию. При соблюдении ритуала можно заслужить милость небес, а при нарушении — наслать их гнев;
- 4) и (долг, справедливость) — исполнение долга, даже если это противоречит собственным интересам;
- 5) мин (знание судьбы или воли небес) — в мире не все зависит от человека.

В настоящее время система социального рейтинга определяет статус «благородного мужа», исходя из количества баллов социального рейтинга. Поскольку система социального рейтинга лишит человека возможности брать кредиты, путешествовать, получать водительские права и многое другое из-за низкого рейтинга, то у него появится необходимость повышать его, постоянно совершенствуя свои навыки и поведение, чтобы обладать большими привилегиями. Тут же возникает проблема того, какие идеалы считать правильными: этические и юридические нормы — объективны, но как быть с политическими взглядами и ценностями? На этот случай в законе прописано, что участие в протестах против властей и антиправительственные высказывания в интернете также будут отнимать баллы в рейтинге.

Школа Легистов, или законников, и ее главный представитель — Шан Ян — опирались на иные принципы, нежели представители конфуцианства. Легисты считали, что превыше всего стоит закон, который обязаны соблюдать все в независимости от должности и положения. Законники считали, что в людях нужно воспитывать не любовь, а страх перед законом, т. к. боязнь быть наказанным могла дисциплинировать человека лучше, чем хорошее отношение к нему. Приведем пример нестандартного наказания уже в современном Китае: гражданин может потерять рейтинговые баллы из-за общения с людьми с низким рейтингом. Таким образом, люди, имеющие низкий рейтинг, теряют не только экономические и социальные привилегии, но и возможность общаться с другими людьми, которые из-за страха потерять свое место в рейтинге боятся контактировать с ними. Идеи легистов в Китае не прижились в полной мере. Конечно, вероятность понижения рейтинга в КНР существует из-за нарушения установленных правил, но у людей есть еще и возможность получить ряд привилегий за добросовестное отношение к закону и правилам. Шан Ян же в ос-

новой идее легизма никаких поощрений не предусматривал, т. к. считал, что страх и боль лучше мотивируют людей совершенствоваться.

По нашему мнению, к историческим основаниям, которые способствовали началу работы системы социального рейтинга в Китае, можно отнести и коллективизм, свойственный народу Хань. В Китае, как и во многих восточных странах, практически всегда преобладала идея коллективизма: общее благо важнее, чем индивидуальное. Именно этот факт объясняет появление системы социального рейтинга, которая ущемляет индивидуальные свободы, чтобы улучшить жизнь всего общества. КПК, пытаясь в духе законников навязать народу страх перед системой социальных рейтингов, вынуждает его вести себя «правильным» образом, но в итоге «правильное поведение» может стать обыкновенным или обыденным для большинства населения, и они перестанут испытывать страх, начав вести благотворительный образ жизни по собственному желанию или же по привычке.

Современная КНР напоминает своей системой социального рейтинга паноптикон Мишеля Фуко. Идеальной формой власти он считал ту, при которой индивид находится в состоянии постоянного наблюдения за собой, и потому вынужден вести себя дисциплинированным образом. Его дисциплинарная власть обязывала делить людей на группы, чтобы за ними было проще наблюдать, а также проводить экзамены, чтобы проверять, соответствует ли человек общепринятой норме или нет. В КНР есть деление на группы в системе социального рейтинга от AAA до D, что позволяет классифицировать людей и пристальнее следить за теми, у кого рейтинг низкий. В качестве экзамена, подтверждающего освоенность тобой определенной модели поведения, выступает сама система социального рейтинга. Как говорил Фуко: «Экзамен сочетает техники надзирающей иерархии и нормализующей санкции. Экзамен — нормализующий взгляд, надзор, позволяющий квалифицировать, классифицировать и наказывать. Он делает индивидов видимыми, благодаря чему их можно дифференцировать и наказывать. Поэтому во всех дисциплинарных механизмах экзамен — совершенный ритуал» [3, с. 83]. Китаю успешно удастся создавать цифровой паноптикум, в котором надзиратель постоянно наблюдает за индивидом и контролирует его.

Таким образом, можем сделать вывод, что КНР — страна с самым большим населением и при этом с самой эффективной системой контроля над индивидом. Она ограничивает свободу выбора дисципли-

нарными взысканиями, делая индивида податливым и послушным, постоянно держа его под контролем цифрового ока. Что касается политики, то тут мы имеем деспотичную власть в лице КПК, которая не позволяет существовать какой-либо оппозиции, а также свободной журналистике. Все новости необходимо согласовывать с государством перед публикацией, иначе последует соответствующее наказание: от понижения рейтинга до лишения свободы.

В настоящий момент сложно однозначно ответить на вопрос о том, благо или вред система социального рейтинга для Китая. Китай прямо сейчас проводит эксперимент, который должен охватывать всех жителей страны, и в случае успеха его результаты смогут распространиться на другие страны, что сможет привести к построению новой политической реальности. В истории Китая мы можем найти культурные, философские предпосылки, на которых основывается идея системы социального рейтинга. Идеи достичь гармонии государства и общества через поведение благородного мужа, или дисциплинирования населения через внушение страха к закону, видны в системе социального рейтинга и работают в связке друг с другом. КПК работает с китайским менталитетом, а потому полное копирование системы социального рейтинга другими странами может не прижиться без адаптации к культурным особенностям государства.

Список источников

1. An Introduction to the China Social Credit System. URL: <https://nhglobalpartners.com/china-social-credit-system-explained/> (дата обращения: 30.03.2022).
2. Конфуций. Беседы и суждения Конфуция / сост. Р. В. Грищенко. М. ; СПб. : Кристалл, 2001. 1119 с.
3. Фуко М. Надзирать и наказывать. М. : Ад Маргинем, 2018. 384 с.

Научная статья

УДК 321

Влияние изменений в природе власти на механизмы участия населения в процессах принятия политических решений

Екатерина Олеговна Сони́на

Уральский институт управления — филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия

soninaeo@gmail.com

Аннотация. В статье проанализированы основные изменения власти, связанные со становлением информационного общества. Также обосновывается необходимость дальнейшего развития механизмов общественного участия в управлении государством, т. к. это повышает уровень доверия населения к органам публичной власти, создает единое пространство для коммуникации общества и власти. Следствием этого становится согласованность целей и задач государственного развития с реальными потребностями населения.

Ключевые слова: власть, государство, информационное общество, государственное управление

Original article

The Impact of Changes in the Nature of Power on the Mechanisms of the Population's Participation in the Processes of Political Decision-Making

Ekaterina O. Sonina

Ural Institute of Management of the Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Ekaterinburg, Russia

soninaeo@gmail.com

Abstract. The article analyzes the main changes in power associated with the formation of the information society. The necessity of further development of mechanisms of public participation in the management of the state is also justified, since this increases the level of public confidence in public authorities, creates a single space for communication between society and government. The consequence of this is the consistency of the goals and objectives of state development with the real needs of the population.

Keywords: power, state, information society, public administration

Современная ситуация определяется эскалирующим развитием цифровых технологий и их внедрением во все сферы жизни общества, включая системы управления им. Такая стремительная цифровизация общества провоцирует сокращение темпов внедрения изменений, приводя к утрате актуальности ключевых экономических, социальных и политических институтов, определяющих стабильность общества на протяжении длительного периода времени. Указанные процессы приводят к существенным изменениям в природе власти и переосмыслению роли государства как ключевого политического института.

Развитие информационного (постиндустриального, цифрового) общества приводит к тому, что достичь согласия по базовым для общества ценностям, используя только иерархические модели построения коммуникации, оказывается практически невозможно. Усиливающаяся конкуренция между различными политическими акторами за контроль над процессами формирования общественно значимых ценностей, политическим самоопределением общества приводит к ситуации «диффузии власти» [1]. Государство как централизованный субъект все больше утрачивает контроль над процессами воспроизводства власти: власть перешла к отдельным индивидам, негосударственным организациям, общественным движениям. В результате в рамках государства существует не одна иерархия, посредством которой реализуется политическое управление, а совокупность различных иерархий. «Диффузия власти» вводит государство в состояние конкурентной борьбы за обладание ресурсами, главным из которых в условиях информационного общества оказывается человек как носитель уникальных знаний, навыков и способностей.

Режим конкуренции создает очень много рисков для государства, существенно усложняя процесс социального управления. Государство вынуждено расширять арсенал технологий управленческого воздействия — в условиях абсолютной конкуренции и «диффузии власти» государственное управление все больше приобретает черты политического. Ключевой его задачей оказывается не администрирование, а координация деятельности государственных структур, частного сектора, общественных организаций для обеспечения разрешения социальных значимых проблем и реализации функций государства.

Сверхскоростные структурные изменения в системе общественных отношений, ситуация «диффузии власти» приводят к несовпадению темпов освоения изменений государством (в его классическом понимании) и обществом, «запаздыванию» реформ по отношению ко все менее прогнозируемым и одновременно необратимо набирающим скорость социальным, технологическим и экономическим сдвигам в современном мире. Включение государства в постоянные изменения, носящие сегодня перманентный характер, обеспечение синхронизации темпов государственных и социальных изменений — одни из главных задач, решение которых определяет перспективы государства как института.

Усложнение структуры общественных отношений, усиление конкуренции за влияние между государственными и негосударственными институтами, укоренившаяся тенденция опережающего в сравнении с государством освоения изменений обществом обуславливают возникновение в научном дискурсе критики классических моделей представительной демократии. Целый ряд исследователей последней четверти XX в. высказывают мнение, что представительная система современных демократических режимов переживает кризис [2, с. 258; 3]. О кризисных тенденциях, по их мнению, свидетельствует бюрократизация институтов представительной демократии, усиление тенденций к закрытости политической элиты, все большее ее слияние с элитой экономической, возросшая политическая власть крупных корпораций, подавляющее влияние СМИ на электорат. Происходящие последние политические события только укоренили эту тенденцию, продемонстрировав углубление конфликта между частными и публичными интересами в принятии политических решений, крайне высокую степень влияния различных информационных ресурсов в формировании международного общественного мнения,

порой даже вопреки ценностям обеспечения целостности и стабильности общества.

Указанные тенденции привели к появлению в научном и политическом дискурсе концепций делиберативной и партисипативной демократий, предлагающих подходы к усовершенствованию демократического режима, преодолению указанных проблем классической представительной демократии посредством обеспечения влияния демократической общественности на государственное развитие и определение приоритетов государственной политики.

Сторонники делиберативной концепции демократии предлагают анализировать не результат выбора и мнение большинства, а сосредоточиться на механизмах их достижения [4]. Делиберативный подход означает, что участие населения в управлении государством не должно ограничиваться только выборами и выдвижением представителей общественности в органы публичной власти. В делиберативной демократии население — активный и равноправный с органами публичной власти субъект политического процесса. Поэтому важно сохранить с его стороны возможность влиять на процесс принятия значимых для населения политических решений на всех этапах, а также обеспечить общественный контроль за их исполнением. Также важное место в концепции делиберативной демократии занимает понимание политической коммуникации. В основе делиберативных процедур должен лежать публичный диалог или дискурс, в рамках которого ставятся наиболее актуальные проблемы, обсуждаются нормы, установки и идеалы. Предполагается, что все участники этого диалога обладают равными возможностями для того, чтобы высказать суждение и внести предложение по различным вопросам, имеющим к ним непосредственное отношение. Результатом такого обсуждения является консенсусное решение в форме общей рационально обоснованной точки зрения. К тому же представители делиберативного подхода к демократии обращают внимание, что включение делиберативных практик в процесс принятия политических решений позволяет не только учесть мнение населения при определении приоритетов государственного развития, но и помогает привести общественные или государственные институты в соответствие со складывающимися общественными отношениями, объективно происходящими изменениями, укрепляя тем самым их легитимность [5].

Партисипативная модель также является современной моделью демократии, ориентированной на обеспечение модернизации и совер-

шенствование демократических институтов за счет расширения участия населения в управлении государством. И хотя институты как партисипативной, так и делиберативной демократий в одинаковой мере выступают в качестве эффективных инструментов демократизации представительной демократии, они к тому же предлагают разные подходы для решения этой задачи.

Партисипативная модель демократии заимствует многое из практик менеджмента участия, получившего свое развитие во второй половине XX в. и основанного на вовлечении сотрудников всех уровней организации в управление. Концепция партисипативной демократии, во-первых, исходит из неизбежной необходимости создания механизмов для вмешательства политических акторов во все сферы жизни общества, в которых политическая власть осуществляется от имени народа. Во-вторых, партисипативная демократия предполагает необходимость согласования властями с населением проводимой ими политики. Поэтому в рамках партисипативной демократии большее внимание уделяется институтам местного («низового») самоуправления, которые, по мнению сторонников данного подхода, делают возможным принятие решений напрямую теми, кого затрагивают решаемые вопросы, обеспечение информационной открытости органов публичной власти и совещательных органов.

Попытка практического воплощения принципов делиберативной и партисипативной демократий была предпринята в ходе масштабных административных реформ и появления новых моделей государственного управления. Начиная со второй половины 1980-х гг., происходит своеобразная глобализация административных реформ. Изменения переживают системы государственного управления как развитых, так и развивающихся стран. Указанные реформы проходили и проходят преимущественно в рамках двух моделей: New Public Management (NPM — модель нового государственного управления) и Governance (Good Governance — модель эффективного управления). Дальнейшим развитием управленческих подходов, сформированных в рамках модели Governance, стала идея публичного (объединенного) управления (Public Governance) как процессуального руководства со стороны государства всеми акторами управленческого процесса. Общим для них является установка на необходимость обеспечения информационной открытости органов власти, оптимизацию их структуры и расширение общественного участия в процессе принятия государственных реше-

ний, понимание того, что участие населения в управлении государством позволяет оперативнее реагировать на происходящие изменения и предупреждать возможные конфликты.

В текущей ситуации, когда происходит резкое изменение приоритетов государственной политики из-за внешних вызовов, в первую очередь задача по обеспечению участия населения в процессах принятия политических решений не перестает быть актуальной, поскольку очень многое зависит от того, насколько общество и власть будут доверять друг другу и соучаствовать в преодолении новых угроз.

Список источников

1. Катценшайн П. Понять, что существует диффузия власти и изменения происходят постепенно. М. : Издательство Московского университета, 2014.
2. Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. 320 с.
3. Крауч К. Постдемократия. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2010.
4. Линде А. Н. Делиберативная демократия как направление в современной теории демократии: анализ основных подходов. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. № 8 (1). С. 52–58.
5. Хабермас Ю. Ах, Европа: небольшие политические сочинения, XI / пер. с нем. Б. М. Скуратова. М. : Весь мир, 2012.

Научная статья

УДК 329

Партия «Новые люди» как пятая политическая сила во внутренней политике России

Илья Эдуардович Щербаков

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

i.e.shcherbakov@yandex.ru

Аннотация. Целью исследования является выявление особенностей роли политической партии «Новые люди» во внутренней политике России. Автор подчеркивает значимость процедуры выборов как важного демократического механизма. Анализируются электоральные процессы и внутрипартийные процедуры их реализации.

Ключевые слова: «Новые люди», внутренняя политика, политическая партия, электоральные технологии, выборы, Россия

Original article

The “New People” Party as the Fifth Political Force in Internal Policy of Russia

Ilya E. Shcherbakov

Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

i.e.shcherbakov@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to identify the features of the role of the political party “New People” in the domestic politics of Russia. The author emphasizes the importance of the election procedure as an important democratic mecha-

nism. The electoral processes and intra-party procedures for their implementation are analyzed.

Keywords: “New people”, internal politics, political party, electoral technologies, elections, Russia

Партия «Новые люди» была создана в 2020 г. с центральным штабом в Москве. Согласно программе, партию можно рассматривать как либеральную и центристскую [1]. В ее основных положениях присутствует умеренная критика действующей российской власти. Партия указывает на то, что в парламенте не представлены голоса простых россиян, а государственная пропаганда создает образ России, находящейся в окружении врагов, и не приемлет протестные настроения.

На фоне успехов региональных избирательных кампаний 2020 г., где «Новые люди» избрались по партийным спискам в законодательные органы четырех регионов, партия сумела преодолеть пятипроцентный барьер на федеральном уровне и получить пятнадцать депутатских мандатов высшего представительного и законодательного органов власти в России.

При этом для отечественных политологов ранее казалось невозможным, что на российском политическом поле может появиться новый актер в лице парламентской партии. Однако результаты думской кампании 2021 г. доказали обратное. Впервые за последние двадцать лет в нижнюю палату российского парламента удалось избраться пятой партии. По результатам парламентских выборов 2021 г., помимо четырех традиционных политических сил в стране, в Государственной думе VIII созыва появилась фракция «Новые люди».

По нашему мнению, такой результат партия получила за счет эффективной агитационно-пропагандистской деятельности, а также привлечения достаточного количества финансовых средств, что является наиболее важным показателем, т. к. без должного капитала партия не сумела бы реализовать спектр электоральных технологий и привлечь нужное количество избирателей. По официальным данным, опубликованным на сайте Центральной избирательной комиссии (ЦИК), во время избирательной кампании 2021 г. «Новые люди» потратили 463,2 млн рублей, обогнав даже Коммунистическую партию Российской Федерации (КПРФ) и ряд непарламентских партий [2]. Отметим, что Свердловским отделением партии было израсходовано 4,1 млн рублей [3].

Вектором повышения имиджа партии во время избирательной кампании 2021 г. выступил центральный штаб партии «Новые люди». Основной упор был сделан на медиапространстве, что коррелируется с ее названием, идеологией, средним возрастом членов и электората. По данным информационных изданий, средний возраст кандидатов от партии «Новые люди» на выборах в Государственную думу составлял тридцать четыре года [4].

Политолог А. Р. Галлямов считает, что партия рассчитана на «городской образованный средний класс, аудиторию 18–30 лет, которую в том числе можно перехватить у протестной улицы» [5]. На наш взгляд, партия привлекла избирателей, которые негативно настроены по отношению к партии «Единая Россия», но системную оппозицию не выбрали из принципа, т. к. не видели перспектив развития партийного строительства. Кроме того, среди лидеров традиционных парламентских партий находятся значимые политические акторы, которые не вызывают доверия у молодежи. В этом смысле позиции партии «Новые люди» продемонстрировали значительное преимущество перед своими политическими оппонентами и смогли заработать дополнительные голоса избирателей.

В число флагманских медиапроектов партии вошло первое политическое реалити-шоу «Дебаты-кандидаты», которое привлекло внимание миллионов молодых людей по всей России. Целью организаторов было выявление ярких региональных лидеров, чтобы предоставить им «социальный лифт» в большую политику. Те, кого по результатам конкурсных испытаний определили победителями шоу, получили статус кандидатов в депутаты Государственной Думы ФС РФ VIII созыва 2021 г. (см. табл. ниже).

Участие победителей шоу «Дебаты-кандидаты»
в избирательной кампании кандидатов в депутаты
Государственной Думы ФС РФ VIII созыва 2021 г.

Кандидат	№ одномандатного округа	Результат в округе	Количество голосов
Виталий Кацко	47	4	19029
Станислав Киреев	66	7	9977
Анна Гурская	88	5	11942
Владимир Алексеев	183	3	19051

Партийный проект позволил кандидатам сформировать определенный имидж и повысить узнаваемость среди избирателей, однако никто из них не избрался в федеральный парламент.

Организаторы шоу сразу дали понять, что этот проект является сугубо коммерческим. Во-первых, главный приз составлял 30 миллионов рублей. Во-вторых, очевидно, что в преддверии глобальной избирательной кампании шоу выступало как некий инструмент повышения имиджа партии среди молодого и сомневающегося электората. Основные направления шоу — локальные «добрые дела», инсценировка деятельности парламентариев и критика действующей власти. Последнее стало наиболее привлекательным для избирателя, поскольку некоторые из них родились и живут во время президентства В. В. Путина и ведущей роли «Единой России» во внутренней политике страны. Следовательно, у молодого избирателя появилась возможность «противостоять» существующему режиму вместе с единомышленниками.

Кроме того, в шоу использовалось достаточное количество манипулятивных технологий, которые привлекали внимание аудитории к данному проекту. Самая популярная из них — это появление на шоу большого количества российских медийных личностей: Ксения Собчак, Дмитрий Губерниев, Сардана Авксентьева и др. За счет их присутствия организаторам удалось собрать наибольшее количество просмотров.

Аналогичный инструмент — это взаимодействие с популярными блогерами и Tik-tok сообществом. В рамках шоу они совместно с участниками реализовывали различные проекты. В данном случае акцент был сделан на самых молодых избирателей и популяризацию будущих кандидатов среди них.

Стоит отметить, что часть экспертов заостряла свое внимание на связях лидера партии «Новые люди» А. Г. Нечаева с Администрацией Президента РФ [6]. Указанные предпосылки выглядят вполне обоснованными: скорость создания партии и беспрепятственное получение регистрации. Кроме того, партию относят к категории «партий-спойлеров», которые создаются действующей властью с целью «изъятия» части голосов у реальной оппозиции.

По нашему мнению, успеху партии способствовали несколько факторов. Перед принятием решения А. Г. Нечаева позиционировали как бизнесмена, человека с хорошей репутацией и общественно-политическими амбициями, располагающего большими материальными ресурсами. К тому же в 2019 г. бизнесмен стал членом центрального штаба общественного движения «Общероссийский народный фронт», лиде-

ром которого является В. В. Путин. Для Администрации Президента (АП) А. Г. Нечаев выступал как понятная политическая фигура, выгодная АП для достижения своих целей.

Несмотря на это, А. Г. Нечаев отрицает все домыслы о связях его партии с действующей властью. Он объясняет беспрепятственную и быструю регистрацию Новых людей тем, что партия соблюдает три негласных запрета в России: напрямую не критикует Путина и его родных, не организует акции протеста и не получает финансирование из-за рубежа [7].

Действующая фракция партии «Новые люди» в Государственной думе составляет пятнадцать человек. Очевидно, что при таком количестве депутатов фракция не способна влиять на ключевые политические решения. При этом по результатам голосования можно оценить позицию партии по тем или иным вопросам.

Так, в связи с недавними событиями, «Новые люди» проголосовали против проекта обращения к Президенту Российской Федерации В. В. Путину о необходимости признания Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики в первом чтении [8]. Во втором чтении парламентарии все же сошлись в едином мнении поддержать инициативу КПРФ. Лидер партии объяснил это тем, что депутаты хотели понять, можно ли сохранить Минский формат и решить проблему без признания, услышать официальную позицию Министерства иностранных дел (МИД).

«Новые люди» поддержали введение дистанционного электронного голосования, но внесли тридцать пять поправок к законопроекту. Основные изменения были направлены на исключение возможности проголосовать более одного раза в ходе одного и того же электронного голосования, т. к. переголосование усложняет процесс контроля выборов и делает процедуру менее прозрачной.

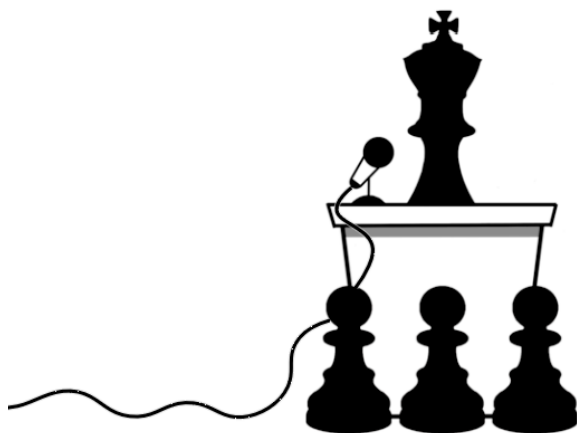
Таким образом, партии «Новые люди» удалось закрепиться на политическом поле, они сумели заработать доверие избирателей. О перспективах их развития можно будет судить к окончанию работы Государственной думы VIII созыва. Вполне очевидно, что новая парламентская сила намерена расширять сферы своего влияния, привлекать в партийный актив больше сторонников, развивать региональные отделения. Данный партийный проект зарекомендовал себя как работающий политический механизм, с которым теперь нужно считаться и другим парламентским партиям, чтобы не потерять своих избирателей.

Список источников

1. Программа партии «Новые люди» // Мы — партия «Новые люди». URL: https://newpeople.ru/program_newpeople (дата обращения: 03.04.2022).
2. Итоговые финансовые отчеты политических партий // ЦИК РФ. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата обращения: 03.04.2022).
3. Итоговые финансовые отчеты политических партий // Избирательная комиссия Свердловской области. URL: <http://sverdlovsk.izbirkom.ru> (дата обращения: 04.04.2022).
4. Как основатель Faberlic Алексей Нечаев построил партию, которая может пройти в Думу // The Bell. URL: <https://thebell.io> (дата обращения: 04.04.2022).
5. «Новые Люди» позвали «старых» // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4449254> (дата обращения: 05.04.2022).
6. «Новые люди» и Партия пенсионеров могут пройти в Госдуму // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4977450> (дата обращения: 05.04.2022).
7. Looking for Something New in Russia's 'New People' Party // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2021/02/23/world/europe/russia-opposition-navalny.html?referringSource=articleShare> (date of application: 06.04.2022).
8. Система анализа результатов голосований на заседаниях Государственной Думы // Государственная Дума. URL: <http://vote.duma.gov.ru/vote/117112> (дата обращения: 05.04.2022).

Часть 3. Культура политической власти в информационном обществе

Научная статья

УДК 324

Трансформация выборов как путь к информатизации

Андрей Эдуардович Долгополов

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

aedolgopolow@mail.ru

Аннотация. Последние выборы в Государственную думу Российской Федерации 2021 г. процессуально существенно отличаются от первых выборов в Государственную думу 1993 г., избирательный цикл трансформируется. Наиболее сильно этому способствует научно-технический прогресс. В статье рассмотрена процессуальная трансформация выборов с точки зрения информатизации.

Ключевые слова: выборы, дистанционное электронное голосование, КОИБ, цифровизация, СИБ

Original article

Election Transformation as a Way to Informatization

Andrej E. Dolgopolov

Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

aedolgopolow@mail.ru

Abstract. The last elections to the State Duma of the Russian Federation in 2021 differ significantly from the first elections to the State Duma in 1993, the electoral cycle is being transformed. This is most strongly promoted by scientific and technological pro-

gress, which does not stand still. The article considers the procedural transformation of elections from the point of view of informatization.

Keywords: elections, remote electronic voting, KOIB, digitalization, NIB

Первые выборы в современной России прошли в 1993 г. Это были парламентские выборы, выборы в Совет Федерации и в Государственную думу. Технически они проходили следующим образом: избиратель приходил на участок, член Уголовно-исполнительного кодекса (УИКа) вписывал его в список избирателей, выдавал ему бюллетень. Далее избиратель в кабинке для тайного голосования делал свое волеизъявление, а затем опускал бюллетень в ящик для голосования. В отличие от современных выборов, ящики для голосования не были прозрачными, они зачастую изготавливались из дерева. Сами бюллетени не имели специальной защиты и были напечатаны на обычной бумаге. За прошедшие 29 лет выборы сильно трансформировались. Прошло 13 избирательных кампаний федерального уровня (6 выборов президента Российской Федерации, 7 выборов в Государственную думу Российской Федерации), более 17 кампаний по довыборам в Государственную Думу, более 300 губернаторских выборов и более 600 выборов в региональные парламенты. А еще множество довыборов в региональные парламенты, выборы глав муниципальных образований, выборы местных дум. Система выборов с каждым избирательным циклом совершенствовалась.

Уже в 1996 г. были созданы первые КОИБы — Комплексы Обработки Избирательных Бюллетеней. Правда назывались они тогда СИБ — Сканер избирательных бюллетеней. Первое практическое применение СИБ произошло на выборах президента Российской Федерации в 1996 г. на 15 избирательных участках в Москве. В 2000 г. эти первые СИБы были серьезно усовершенствованы. На выборах президента Российской Федерации 2000 г. уже были применены 110 СИБов в Москве, 57 в Вологде и 90 в Череповце. А в 2003 г. СИБы были кардинально изменены, их начали называть Комплексами Обработки Избирательных Бюллетеней. В 2003 г. была создана законодательная база для использования КОИБов на выборах. Из-за того, что протокол СИБ не имел юридической силы, почти повсеместно имел место ручной пересчет бюллетеней. Протокол, который выдавал КОИБ-2003, уже имел юридическую силу, и ручной пересчет не требовался. Данные

с КОИБ-2003 записывались на дискету, а с дискеты заносятся в Государственную автоматизированную систему (ГАС «Выборы»). В 2004 г. КОИБ-2003 был применен на 1975 участках для голосования, 5 выборах. В 2010 г. КОИБы были серьезно усовершенствованы и получили название КОИБ-2010. В 2011 г. была утверждена программа ускоренного технического переоснащения избирательной системы Российской Федерации. В настоящее время используются Комплексы Обработки Избирательных Бюллетеней именно образца 2010 г.

В 2013 г. был принят законопроект, который изменял ящики для голосования. При проведении выборов различного уровня на избирательных участках стали размещать стационарные ящики для голосования, изготовленные из прозрачного или полупрозрачного материала. Причем по этому закону осуществить закупку избирательных ящиков нового образца было необходимо до 31 декабря 2014 г. [1]. Эта норма способствовала повышению уровня доверия участников избирательного процесса к выборам.

В 2008 г. впервые в России был проведен эксперимент по электронному опросу избирателей с использованием информационно-телекоммуникационной сети общего пользования Интернет в ходе муниципальных выборов в городе Новомосковске Тульской области. Этот эксперимент можно назвать первой попыткой цифровизации выборов в Российской Федерации и переводу их в электронный формат. При проведении этого эксперимента Центральная Избирательная комиссия опиралась на международный опыт [2, с. 11]. Проходило это электронное голосование через компьютеры. Сам процесс проходил следующим образом: избиратель получал компакт-диск, затем шел в компьютерный класс школы, на территории которой находилась участковая избирательная комиссия, вставлял диск в дисковод компьютера и на компьютере открывался электронный бюллетень. Избиратель ставил с помощью компьютерной мышки галочку напротив кандидата. Участник опроса нажимал на кнопку «Далее», в результате чего осуществлялся переход к следующему окну, в котором появлялась фамилия кандидата, выбранная в предыдущем окне, и вопрос «Вы подтверждаете свой выбор?» с двумя управляющими кнопками «Подтверждаю» и «Отмена». При нажатии кнопки «Отмена» производился возврат к предыдущему окну для повтора вышеприведенных действий (то есть снова появлялся опросный лист без каких-либо отметок участника опроса). При нажатии кнопки «Подтверждаю» ин-

формация передавалась на сервер, а на экране компьютера появлялась надпись «Спасибо за участие в эксперименте» и адреса интернет-сайтов избирательной комиссии субъекта Российской Федерации и Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, на которых будут размещены результаты экспериментального электронного опроса. На этом процедура участия в электронном опросе завершалась [2, с. 20].

В единый день голосования 2019 г. впервые было применено дистанционное электронное голосование (ДЭГ). Оно представляет собой голосование без использования избирательного бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, но с использованием специального программного обеспечения, установленного на программно-техническом комплексе дистанционного электронного голосования, доступ к которому избирателю предоставляется на специальном портале, размещенном в интернете. В отличие от эксперимента 2008 г. избиратель в сам день голосования не должен посещать избирательный участок. Причем и подача заявлений об участии в ДЭГ происходит дистанционно, через портал Госуслуг. По сути, избиратель вообще не взаимодействует очно с представителями избирательной системы, это очень удобно. Однако, как и любое новшество, ДЭГ столкнулось с сопротивлением со стороны избирателей и кандидатов. В свое время с этим сталкивались и СИБы, и КОИБы, однако ДЭГ столкнулось, наверное, с самым сильным сопротивлением. И это вызвано не только недоверием избирателей к электронному голосованию, но и реальными техническими проблемами.

Таким образом, процесс выборов постоянно совершенствовался. Выборы в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации 1993 г. и Выборы в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации 2021 г. процессуально сильно отличаются. Трансформировался и сам бюллетень, и ящик для голосования, также система подсчета голосов, процесс выборов. На мой взгляд, на данном этапе развития информационных технологий и уровня доверия граждан к электронному голосованию рано говорить о скором переходе к электронному голосованию, в том числе и Дистанционному Электронному Голосованию. Однако научно-технический прогресс не стоит на месте, и его влияние на трансформацию избирательного процесса, в том числе и процессуальную, нельзя не отметить.

Список источников

1. О внесении изменений в статьи 61 и 66 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : федеральный закон № 364-ФЗ : принят 21.12.2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156009/ (дата обращения: 15.05.2022).
2. Экспериментальный электронный опрос избирателей с использованием сети Интернет в единые дни голосования 12 октября 2008 года и 1 марта 2009 года / В. И. Чуров [и др.]. М. : РЦОИТ при ЦИК России, 2009. 96 с.

Научная статья

УДК 324

Дистанционное электронное голосование как форма электорального волеизъявления: к постановке проблемы

Александр Алиевич Керимов

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

a. a.kerimov@urfu.ru

Аннотация. Дистанционное электронное голосование (ДЭГ) представляет собой совершенно новую развивающуюся область избирательного процесса. Актуальность темы не вызывает сомнений в связи с объективной необходимостью проведения реформ по отношению к демократическим институтам в стране. Она также обусловлена и тем, что в Послании Президента России Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 г. в качестве одной из приоритетных задач модернизации организационно-правовой основы проведения выборов было определено введение инновационных средств электронного содействия проведению выборов различного уровня.

Ключевые слова: избирательная система, избирательное право, избирательная кампания, дистанционное электронное голосование, избирательные предпочтения

Original article

Remote Electronic Voting as a Form of Electoral Will: to Statement of the Problem

Aleksandr A. Kerimov

Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

a. a.kerimov@urfu.ru

Abstract. Remote electronic voting (DEV) is a completely new, developing area of the electoral process. The relevance of the topic is beyond doubt, especially in connection with the objective need to expand the scope of reforms in relation to democratic institutions in the country. It is also due to the fact that in the Message of the President of Russia to the Federal Assembly of the Russian Federation dated November 12, 2009, the introduction of innovative means of electronic assistance to the conduct of elections at various levels is defined as one of the priority tasks for modernizing the organizational and legal framework for holding elections.

Keywords: electoral system, electoral law, electoral campaign, remote electronic voting, electoral preferences

В настоящее время проблема пандемии, которая уже внесла значительные изменения в жизнь общества, сохраняется. Политические процессы, в частности избирательные процедуры, также претерпевают изменения. В таком контексте необходимо отметить, что новые технологии существенно меняют характер и архитектуру политической коммуникации. Значительно возросшие темпы развития российского общества, прежде всего связанные с возникновением широкого спектра его структур, видоизменение функционирования общественных организаций (возникновение сетевых сообществ и организаций, электронных правительств, интернет-парламентов, интернет-партий), приводят к неизбежности использования новейших информационно-коммуникационных технологий как инструмента эффективного взаимодействия государства и общества.

Очевидно, что ДЭГ можно оценить, как перспективный элемент цифровизации избирательного процесса, уже обладающий определенным уровнем доверия граждан. Основной целью внедрения ДЭГ является повышение уровня доверия избирателей. На сегодняшний день в современном российском обществе этот тип доверия недостаточно стабилен и меняется в зависимости от появления определенных свидетельств фальсификации процесса и результата выборов.

Существует ряд трудностей в использовании и применении ДЭГ, а также ряд опасений со стороны граждан, в основном состоящих в техническом несовершенстве системы и недоверии к возможности обеспечения анонимности голосования.

ДЭГ, как новое явление для российского политического поля, требует определенного периода времени для формирования привыкания пользователя к этой поведенческой модели. Для преодоления недове-

рия к ДЭГ необходимо расширить практику его применения, осуществить разъяснительную работу среди электората, объяснить избирательную специфику функционирования этой системы и другие технические вопросы.

Дистанционное голосование уже давно практикуется в мире. С учетом развития новых информационно-коммуникативных технологий и тенденций в организации голосования дистанционное голосование представляется наиболее перспективным и удобным. Безусловно, у ДЭГ есть не только преимущества, но и недостатки, которые, так или иначе, влияют на отношение избирателя к этому виду голосования. Следовательно, необходим комплекс мер, реализация которых приведет к преодолению технологического и психологического барьеров между электоратом и цифровыми технологиями в избирательном процессе. Это несомненно будет способствовать укреплению доверия к институту выборов и достижению прозрачности самого процесса. Мы считаем, что при правильной реализации на практике технологий цифровизации в избирательном процессе они будут оказывать положительное влияние на формирование политического и, в частности, электорального доверия к институту выборов.

Анализ литературы, посвященной проблематике использования ДЭГ на выборах, показывает, что к данным вопросам как со стороны российских, так и зарубежных ученых имеется повышенный исследовательский интерес, но сейчас тему нельзя считать достаточно разработанной. На сегодняшний день отсутствуют работы, в которых была бы предпринята попытка концептуального осмысления практики применения ДЭГ как формы учета электорального волеизъявления в современной России. В то же время анализ имеющихся источников и материалов позволяет выйти на новый уровень научного обобщения и придать исследованию феномена ДЭГ целостный характер.

Повышенный интерес к исследованию ДЭГ нашел свое отражение в трудах российских и зарубежных авторов. В работах Г. П. Акимовой, Я. В. Антонова, В. А. Овчинникова, С. А. Трыкановой, А. К. Попова и др. рассмотрен опыт применения средств ДЭГ на выборах в России. Отечественные исследователи — Я. В. Антонов, Ю. И. Богдан, А. А. Вешняков, В. А. Овчинников, Н. В. Титовская, Т. В. Шульга-Морская, В. А. Холопов и др. — опубликовали труды об опыте ДЭГ на выборах в некоторых государствах. Этот аспект проблемы отражен в работах иностранных ученых: А. К. Agarwala, S. Clift, B. Goldsmith,

P. V. Indiresan, H. Prasad, H. Ruthrauff, D. T. Shahani, A. Trechsel и др. Российские исследователи (М. Г. Анохин, А. А. Вешняков, М. Ю. Павлютенков, А. В. Павлушкин, А. Е. Постников), а также иностранные исследователи (I. Susha, M. Kripp) в своих научных трудах рассматривали вопросы и технологии внедрения системы ДЭГ, в частности интернет-голосования.

Использование ДЭГ обусловлено и реальной возможностью в режиме онлайн выявлять результаты последствий изменений в сфере электоральных предпочтений. По мнению исследователей А. В. Павлушкина и А. Е. Постникова: «Фактическое доминирование одной политической партии в избирательном процессе ставит перед законодателем задачу принятия дополнительных мер, направленных на повышение доверия граждан к избирательной системе, повышение уровня их участия в выборах» [1, с. 5].

Д. А. Авдеев считает, что доминирование одной политической партии является «имитацией политического многообразия, выражающегося в фактической монопартийности» [2, с. 57]. В свою очередь, это актуализирует проблему «повышения легитимности органов власти в современной России» [3, с. 137]. По справедливому замечанию Е. А. Лукьяновой: «При провозглашении народовластия... выборы за прошедшее время и законодательно, и на практике трансформировались таким образом, что реализация этого важнейшего политического права граждан превратилась в фикцию» [4, с. 5]. В данном контексте уместно напомнить слова русского правоведа Б. Н. Чичерина: «Сильная и твердая власть необходима, но она должна быть направлена на те цели, которые указываются общественным благом...» [5].

В заключение отметим, что проблема использования ДЭГ в отечественной научной литературе относится к области малоизученных. Перед учеными и практиками открывается широкое исследовательское поле, требующее всесторонней разработки вопросов, в частности, уточнения понятия и видов ДЭГ; обоснования предположения о согласованности и взаимодействии демократии и информационных технологий; выявления теоретических и практических проблем использования альтернативных средств голосования и предложения способов их решения; изучения роли ДЭГ как альтернативного способа голосования для преодоления абсентеизма, особенно среди молодежи, которая обычно игнорирует выборы; анализа лучших мировых практик использования дистанционного электронного голосования

и изучения возможности их применения в России; предложения комплекса мер, направленных на устранение возможных рисков при применении средств ДЭГ; выявления проблем и предложения рекомендаций по совершенствованию нормативно-правовой базы организации и проведения избирательных кампаний.

Список источников

1. Павлушкин А. В., Постников А. Е. Правовой механизм дистанционного электронного голосования (анализ возможной модели) // Журнал российского права. 2009. № 11. С. 5–13.
2. Авдеев Д. А. Республиканский монархизм или конституционализация российской формы правления // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 3. С. 54–62.
3. Чернышев Ю. Г. Выборы в Барнаульскую городскую Думу (октябрь 2012 г.): характерные тенденции и результаты // POLITBOOK. Чебоксары : Научно-исследовательский институт общественных и политических наук. 2013. № 1. С. 137–150.
4. Лукьянова Е. А. Некоторые проблемы Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 15. С. 4–10.
5. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М. : Тип. Товарищества И. Д. Сытина, 1899. 838 с.

Научная статья

УДК 32.019.51

Политический образ России в зарубежных СМИ в условиях информационной войны

**Анна Анатольевна Конькова¹
Екатерина Евгеньевна Степанидина²**

^{1,2} Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ konkova-any@mail.ru

² polit.kaf@mail.ru

Аннотация. В статье приводится анализ политического образа Российской Федерации в зарубежных СМИ в условиях информационной войны. Рассматриваются различные подходы к пониманию информационной войны и аспектов, которые она затрагивает. Авторы изучили определения, ключевые признаки, а также степень участия средств массовой информации в политических конфликтах. Также представляется образ России в зарубежных источниках, которые влияют на восприятие страны в целом.

Ключевые слова: СМИ, информационная война, образ, политический образ, медиа, информационное противоборство, манипуляция

Original article

The Political Image of Russia in the Foreign Media in the Conditions of the Information War

**Anna A. Konkova¹
Ekaterina E. Stepanidina²**

^{1,2} Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

¹ konkova-any@mail.ru

² polit.kaf@mail.ru

Abstract. This article analyzes the political image of the Russian Federation in foreign media in the context of the information war. Various approaches to understanding the information war and the aspects that it affects are considered. The authors study definitions, key features, as well as the degree of participation of the media in political conflicts. The image of Russia is presented in foreign sources, which influence the perception of the country as a whole.

Keywords: media, information war, image, political image, media, information confrontation, manipulation

В современном мире СМИ являются не просто средством получения информации о текущих событиях, происходящих в мире, они также являются важнейшим инструментом формирования общественного мнения, т. к. именно от способа подачи информации зависит восприятие получателя. Сегодня в условиях обострения информационной войны особое значение имеет образ России в зарубежных СМИ, которые непосредственно влияют на оценку и отношение к российской власти, стране и ее гражданам.

Для того чтобы изучить состояние образа России во время информационной войны и все технологии, которые на это влияют, стоит обратиться к основным понятиям нашего исследования. Начать стоит с условий, в которых складывается образ нашей страны, а именно с рассмотрения понятия «информационная война».

Есть множество подходов к пониманию информационной войны, в первую очередь связано это с тем, что термин *information warfare* является весьма многозначным, что породило большое количество разночтений при переводах данного термина [1, с. 277]. Соответственно, трактовка понятия может быть как «информационная война», так и «информационное противоборство». Главным инструментом этой войны является информация — основное оружие для достижения поставленных целей. В связи с этим под информационной войной, в частности, понимают информационную деятельность, направленную на ослабление одного политического образования другим [2, с. 239].

Изначально трактовка термина была непосредственно связана со сферой военного противоборства. В качестве примера можно взять введение в действие Объединенной доктрины информационных операций в США, где информационная война являлась системным воздействием на государственное и военное управление противника, а именно на руководство, которое еще в условиях мирного времени под воздействиями страны-инициатора следует ее интересам, не говоря об условиях военного положения [3, с. 67]. Также по мнению С. А. Комова, информационная война во время военных действий состоит из целого комплекса мер информационной защиты и контрмер, которые предпринимаются с целью создать и сохранить информационное достоинство над соперником во время войны [4, с. 76].

Важно также рассмотреть и другой подход к пониманию сущности информационной войны — геополитический. Так, по мнению Л. Г. Ивашова, информационное противостояние является комплексом как информационной защиты, так информационного соперничества нескольких геополитических субъектов [5, с. 45]. На текущем этапе развития даже в сфере геополитики важную роль играет киберпространство и в принципе вся система интернета. Сейчас выигрывает не тот, у которого больше материальных ресурсов, а тот, кто силен духом. В данном случае имеется в виду, что по большей степени применяются различные информационно-коммуникационные технологии манипулирования сознанием, которые позволяют вести сетевые войны и получать от них результат [6].

Таким образом, информационная война — это целый комплекс целенаправленных мер, поражающих инфокоммуникационную систему противостоящей стороны, а также нейтральных сторон для того, чтобы формировать выигрышную мировую информационную среду, в условиях которой можно будет проводить ряд политических и геополитических операций, с целью обеспечения наибольшего контроля над пространством [7, с. 81].

Другим не менее важным объектом нашего исследования является образ страны, влияющий на ведение внешней и внутренней политики государства, а также на мнение общества о конкретной стране. Образ страны, в частности, формируют СМИ. Образом являются «отраженные» в сознании субъектов коммуникации фрагменты реальности. СМИ — это действительно важный инструмент для формирования образа государства, при помощи которого достигаются определенные

цели: закрепление за объектом (государством) позитивных характеристик, а также создание отрицательного восприятия противостоящей стороны. Следовательно, для каждого государства является важным использование такого ресурса СМИ для своего же блага.

Далее рассмотрим участие, которое принимают СМИ в информационной войне, а также политический образ России в данных условиях XXI в.

В первую очередь стоит отметить роль, которую приобрели средства массовой информации в условиях современных политических конфликтов, а также провести анализ основных определений и признаков СМИ в XXI в. В политической науке к средствам массовой информации принято относить средства распространения информации, которые доносят ее до широкого круга потребителей. К традиционным СМИ относятся: печать, радио, телевидение и интернет. В условиях цифровой модернизации стремительно начали развиваться «новые медиа», к которым можно отнести блоги, социальные сети, различные каналы в интернете.

Особенностью технологий СМИ XXI в. является наличие социальных медиа, в условиях которых потребители могут так же выступать в качестве источника информации, что в свою очередь увеличивает публикацию фейков, проведение информационных атак, подрыв репутации оппонента. На данный момент к социальным медиа можно отнести Facebook (деятельность компании Meta Platforms Inc. по реализации названной соцсети запрещена на территории РФ — *прим. ред.*), Twitter, YouTube, Telegram и др. [8].

Несомненно, в условиях политических конфликтов возможности СМИ обладают наибольшей значимостью при проведении информационных атак. Конфликтующие стороны используют каналы СМИ для проведения политики по подрыву репутации другого государства.

Таким образом, целью медиавоздействия является приобретение расположения всего мирового сообщества путем представления негативного образа противника. В современном мире СМИ и «новые медиа» являются ключевым элементом информационных войн, без которых сегодня не обходится ни один политический конфликт. Технологии таких войн основаны на манипулятивном управлении сознанием общества с помощью истинной или ложной информации.

Информационные атаки в сторону государственной политики Российской Федерации проводятся не одно столетие, а цифровая модер-

низация общества поспособствовала прогрессу в области создания нового информационного оружия Запада против России.

Основной целью проведения информационных войн против России со стороны зарубежных СМИ является создание крайне негативного образа государства и общества. Согласно работе В. Д. Соловья «Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиа-манипулирования», представленный зарубежными новостными источниками политический образ России имеет выраженный русофобский характер [9, с. 320]. Таким образом, основой технологий информационных войн Запада является одно из проявлений ксенофобии — русофобия, представленная как предвзятое, неприязненное, враждебное отношение к России и всему русскому народу.

В качестве примера последнего проведения информационной войны против России, основанной на русофобии, можно привести начало специальной военной операции на территории Украины от 24 февраля 2022 г. Менее чем за месяц негативные последствия коснулись не только правительства России, но и россиян, оказавшихся за рубежом из-за работы, учебы, семейных связей. Несомненно, зарубежные СМИ сыграли немалую роль в развитии данных событий [10].

Непосредственно переходя к теме политического образа России в зарубежных СМИ, стоит затронуть тему стереотипных взглядов на российскую политику. Так, наиболее распространенным образом является деспотичная Россия, которая, как правило, противопоставляется демократическому образу Запада. В свою очередь, это ставит Запад в более выигрышную позицию в плане государственного устройства. С этим стереотипом неразрывно связан образ президента России — В. В. Путина, а именно стереотип об авторитарности проводимой им политики и в целом о России как об авторитарной стране [11].

На сегодняшний день образ нашего государства в западных СМИ обладает скорее негативным окрасом, несмотря на принятие со стороны России западной демократии, стремление к сотрудничеству и участие во внешнеполитических организациях.

Таким образом, можно утверждать о неоднородности политического имиджа РФ, вследствие чего общественность не имеет более четкого представления о современной России. Для возрастания международного политического образа России необходимо укреплять как политическую, так и экономическую составляющие [12].

Подводя итоги, следует отметить, что в эпоху господства информационной реальности провести атаку на репутацию государственной власти другой страны становится все легче. Усиливается информационное противоборство главных игроков на мировой арене, которое состоит из системы мер информационной защиты и контрмер, которые предпринимаются с целью создать и сохранить информационное достоинство над соперником. Влияние СМИ в рамках современных политических конфликтов очень велико. Также можно спрогнозировать усиление влияния на более молодое поколение в обозримом будущем в связи с уязвимостью и клиповым мышлением поколения Z [13].

Список источников

1. Иванов С. А. Информационная война: сущность и основные формы проявления // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4–2 (80).
2. Манойло А. В. Государственная информационная политика в особых условиях. М. : МИФИ, 2003. 388 с.
3. Гриняев С. Концепция ведения информационной войны в некоторых странах мира // Militaryarticle. URL: http://www.soldiering.ru/psychology/conception_psywar.php (дата обращения: 11.03.2022).
4. Комов С. А. Информационная борьба в современной войне: вопросы теории // Военная мысль. 1996. № 3.
5. Рогашова Е. Информационная война начала XXI века: новое или абсолютно не забытое старое? // Симбирский научный вестник. 2011. № 1 (3).
6. Дергачев В. Геополитика новой кибервойны. URL: <http://www.dergachev.ru/analit/010411.html> (дата обращения: 12.04.2022).
7. Василенко И. Информационная война как фактор мировой политики // Государственная служба. 2009. № 3.
8. Кинаш Ю. С. Роль СМИ и «Новых медиа» в современных политических конфликтах // Вестник МГОУ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-smi-i-novyh-media-v-sovremennyh-politicheskikh-konfliktah> (дата обращения: 31.03.2022).
9. Соловей В. Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиа-манипулирования. М. : Изд-во «Э», 2015. 320 с.

10. Технологии информационных войн против России / Н. Р. Красовская [и др.] // Власть. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-informatsionnyh-voyn-protiv-rossii> (дата обращения: 31.03.2022).
11. Орлова О. Г. Образ России в зарубежных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики, Грамота. 2015. № 7 (49). Ч. 1. С. 146–149.
12. Малеева О. Имидж России в зеркале зарубежных СМИ // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2008. №. 4. С. 121–127.
13. Беляев Д. П. Разруха в головах. Информационная война против России. СПб. : Питер, 2014. 460 с.

Научная статья

УДК 324

Имидж кандидатов в депутаты Государственной думы в 2021 г. в интернет-пространстве

Антон Игоревич Осипов¹
Полина Сергеевна Девятова²

^{1,2} Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ polit.kaf@mail.ru

² devyatova2000@gmail.com

Аннотация. В последние несколько лет социальные сети имеют большое влияние в политической сфере: многие политические деятели, кандидаты в депутаты стали активно вести свои страницы в социальных сетях, писать объемные посты, выступать в прямых эфирах во «ВКонтакте» и Instagram (деятельность компании Meta Platforms Inc. по реализации соцсети Instagram запрещена на территории РФ — *прим. ред.*). В 2021 г. рост активности в социальных сетях особенно увеличился. В статье рассказывается, при помощи каких методов кандидаты строили свой имидж в интернет-пространстве в последние годы.

Ключевые слова: политика, выборы, Государственная дума, имидж политика, интернет-пространство

Original article

Image of Candidates to the State Duma 2021 in the Internet Space

Anton I. Osipov¹
Polina S. Devyatova²

^{1,2} Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

¹ polit.kaf@mail.ru

² devyatova2000@gmail.com

Abstract. Social networks have had a great influence in the political sphere over the past few years: many politicians, candidates for deputies have started actively maintaining their pages on social networks, writing voluminous posts, appearing in live broadcasts on VKontakte and Instagram (the activities of Meta Platforms Inc. on the implementation of social network Instagram banned on the territory of the Russian Federation — *ed.*). In 2021, the growth of activity in social networks has especially increased. The article tells about the methods by which candidates have built their image in the Internet space in recent years.

Keywords: politics, elections, State Duma, politician's image, internet space

Рост активности в социальных сетях коснулся и выборов 2021 г. в Государственную думу РФ (ГД РФ), многие кандидаты в депутаты использовали социальные сети для общения с избирателями, проводили опросы, комментировали посты, выходили в прямые эфиры и т. д. Приведем несколько примеров такого взаимодействия с кандидатами в социальных сетях.

Одним из ярких примером стала Сардана Владимировна Авксентьева. Во время предвыборной кампании она очень активно вела свой аккаунт в сети Instagram (деятельность компании Meta Platforms Inc. по реализации соцсети Instagram запрещена на территории РФ — *прим. ред.*). Если другие кандидаты агитировали за свою партию, то она демонстрировала свою жизнь: рассказывала о своих увлечениях, книгах, которые читает, и фильмах, которые смотрит. В своих же прямых эфирах она отвечала на вопросы своей целевой аудитории: какие планы у партии и у нее после победы на выборах. Таким образом, благодаря ее победе на выборах можно заметить, что данный метод ведения соцсетей оказался эффективным.

Следующим примером взаимодействия со своей аудиторией в социальных сетях является оппозиционный кандидат в Государственную думу Анастасия Андреевна Брюханова. На протяжении своей избирательной кампании она выпускала различные ролики, в которых критиковала действующую власть, рассказывала об урбанистике, а также

в целом о своей предвыборной кампании. Самые популярные набрали сотни тысяч просмотров. Примечательно, что в них девушка не только использовала трендовые аудиозаписи, чтобы попасть в «рекомендации» и охватить как можно больше аудитории, но и не стеснялась выражать позицию, продвигая свои ценности и агитируя зрителей. В этих же роликах она развенчивала мифы о депутатах, отвечая на вопросы о ее муниципальной депутатской деятельности, критикуя действия власти и рассказывая о политических новостях [1, с. 3].

В дискурсе думской кампании освещаются темы опасности политической деятельности в России, возможные пути содействия оппозиции, в видео регулярно продвигается повестка «я против Путина». Обзор комментариев — один из основных аспектов при анализе контента канала. Пользователи задаются вопросом, не завели ли на кандидату уголовное дело, критикуют ли ее подход «прямых продаж» в видео, уличают в популизме. Наравне с этим Анастасия получила в комментариях поддержку от зрителей разных возрастов. В комментариях, как правило, не разворачиваются дискуссии, лишь высказывается то или иное мнение. Тем не менее работа с аудиторией может выстраиваться как диалог автора контента с потенциальными зрителями, которые являются наиболее активной частью электората [1, с. 5].

Еще одним интересным примером построения имиджа кандидатов был проект на платформе YouTube партии «Новые люди» под названием «Дебаты-кандидаты». Суть самого проекта заключается в том, что победитель получает средства на политическую кампанию и возможность избираться на выборах в Государственную думу от партии «Новые люди».

Изначально участники — никому не знакомые личности, но к концу проекта они раскрылись благодаря различным испытаниям: прохождение полиграфа, поездка в детский дом. В подобных ситуациях человек показывает свои сильные и слабые стороны, и такой YouTube-проект был достаточно хорошей рекламной кампанией для победивших кандидатов. Также после окончания проекта с каждым из победителей был проведен прямой эфир в Instagram, в котором любой желающий мог задать интересующий его вопрос кандидату [2].

Мы выделили несколько положительных аспектов такого общения в социальных сетях:

- 1) такой формат общения позволяет сократить дистанцию между представителем власти и народом;

- 2) социальные сети дают возможность создать положительный или отрицательный имидж в короткие сроки;
- 3) социальные сети предоставляют возможность для коммуникации в режиме реального времени;
- 4) социальные сети не требуют финансовых ресурсов, что означает доступность для начинающих политиков.

Однако отметим, что существует и отрицательный аспект такого взаимодействия. Например, представители власти или кандидаты могут транслировать субъективные вещи, в отличие от официальных появлений на радио или телевидении (личное отношение к религии или представителям других наций) [3].

Изучение политического имиджа кандидатов в Государственную думу означает изучение личностей кандидатов. Имя и образ политика могут стать брендом, который будет иметь влияние в политической среде. Бренд лидера состоит из имиджа лидера и его репутации [4, с. 156].

Можно выделить несколько основных составляющих имиджа:

- 1) внешность (личная привлекательность);
- 2) стиль поведения лидера, его характер;
- 3) биография, легенда;
- 4) программа, заявления, установки.

Многослойность структуры имиджа обусловлена тем, что необходимость создать образ и легенду, за которой потянутся массы, должна быть направлена на конкретные запросы общества, обращение политиков должно быть адресным и понятным [5].

Например, разберем образ кандидата в Государственную думу восьмого созыва Антона Шипулина — российского биатлониста, действующего депутата ГД от партии «Единая Россия» по Свердловской области, округ № 174. Образ этого кандидата строился изначально как человека спортивного, бойца, молодого и энергичного, но став депутатом в ГД с 2019 г., образ вне политики пропал. Сложность состояла в том, чтобы сделать из бывшего спортсмена политика и представителя народа. В агитационных материалах Антон Шипулин говорил о насущных проблемах своего округа: «Нашим победам в округе радуемся больше, чем золотым медалям!» [6]. Также депутат активно ведет социальные сети и выкладывает посты о проделанной работе, важно отметить, что комментарии для всех посетителей страницы открыты, в профиле имеется ссылка на личный благотворительный фонд Антона Шипулина. На момент предвыборного продвижения летом личная

страница ВКонтакте имела 66 000 подписчиков, публикации собирали от 30 000 до 40 000 просмотров (всего в округе проживает 479 000 избирателей). Таким образом, получается, что охват только личной страницы кандидата, без учета таргетированной рекламы и распространения по новостным порталам, равен примерно 13 % от общего количества избирателей. Следовательно, имея популярное имя и заслуженные достижения, кандидату удалось получить доверие округа и переизбраться. Можем сделать вывод, что имиджевая стратегия кандидата должна быть четко сформированной, раскрывать лучшие качества персоналии, показывать линию работы с электоратом.

В заключение стоит отметить, что выборы 2021 г. стали одними из самых интересных с точки зрения взаимодействия кандидатов и потенциальных избирателей. Также в 2021 г. на выборах в Государственную Думу удалось избраться новым молодым кандидатам, отчасти это связано с ростом активности в социальных сетях.

Список источников

1. Гигаури Д. И. Выборы в Государственную Думу 2021: блоги, социальные сети и партийная идентичность в виртуальном пространстве // Социодинамика. 2021. № 11. С. 2–18.
2. Российский информационный портал Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/> (дата обращения: 03.04.2022).
3. Корнильцева Е. Г., Кузнецов А. Ю., Левченко И. Е. Электоральная социология С. М. Липсета // Дискуссия. 2016. № 10 (73). С. 79–84.
4. Макашева З. М., Макашев М. О. Брендинг. СПб. : Питер, 2011. 288 с.
5. Кузнецов А. Ю., Корнильцева Е. Г. К итогам губернаторских выборов 2018 г. в России // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 8 (73). С. 22–27.
6. Российский информационный портал URA.RU. URL: <https://ura.news/> (дата обращения: 05.04.2022).

Научная статья

УДК 32.019.51

Информационно-психологические операции Вооруженных Сил РФ: особенности становления и тенденции развития

**Артём Михайлович Телепов¹
Никита Викторович Мальков²**

^{1,2} Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ artem_telepov@mail.ru

² nikitanifantov@mail.ru

Аннотация. В рамках настоящей статьи рассмотрена история возникновения и становления российской информационно-психологической службы, а также тенденции ее развития. Предпринята попытка рассмотреть данное подразделение с точки зрения внешнеполитического инструмента России, приведены цели работы настоящего органа.

Ключевые слова: информационно-психологическая служба, Вооруженные Силы РФ, информационное противоборство, информационное воздействие

Original article

Information and Psychological Operations Armed Forces of the Russian Federation: Features of Formation and Development Trends

**Artem M. Telepov¹
Nikita V. Malkov²**

^{1,2} Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

¹ artem_telepov@mail.ru

² nikitanifantov@mail.ru

Abstract. This article examines the history of the emergence and formation of the Russian information and psychological service, as well as the trends of its development. An attempt has also been made to consider this subdivision from the point of view of Russia's foreign policy instrument, the objectives of the work of this body are given.

Keywords: information and psychological service, information and psychological service, Armed Forces of the Russian Federation, information confrontation, information impact

Подразделения информационно-психологических операций — специальные подразделения, призванные оказывать информационное и психологическое воздействия на войска, иные силы противника и население с целью их деморализации и склонения к прекращению сопротивления, а также изменения поведения от базового к желаемому. В каждой крупной стране мира есть подобные спецслужбы, Российская Федерация — не исключение.

Информационно-психологические операции проводятся и в мирное время, в ходе подготовки к проведению военных операций и/или непосредственно во время их, а также с целью подорвать политические или иные устои государства или организации.

История такого вида спецслужб начинается еще в СССР, со специализированных структур, которые отвечали за подобные задачи. Например, Главное политическое управление Советской армии и Военно-морского флота, в состав которого входило подразделение Главного управления политической пропагандой Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) и Рабоче-крестьянского Красного флота (РККФ).

Со временем структуры развивались, деятельность расширялась. Ярким примером комплексной операции информационного противоборства можно считать операции таких подразделений в ходе военной кампании Советского Союза в Афганистане. Действия такого вида войск включали в себя развертывание на занятой территории мощной сети пропагандистского радиовещания, распространения слухов и информации. Данные меры принимались для дискредитации афганской оппозиции. Также были действия со стороны структур с целью привлечения к сотрудничеству: раздача продуктов питания и топлива местному населению.

С наступлением эпохи информационных технологий, в т. ч. появлением интернета, потребовалась серьезная модернизация военного аппарата пропаганды и контрпропаганды. Помимо этого, важной задачей стало формирование специализированных структур для операций в киберпространстве, которые занимаются своими задачами и развивают собственные методы в зависимости от поставленной цели.

Позже, сталкиваясь с аналогичными подразделениями США, которые были вписаны в структуру вооруженных сил (ВС) США, как одно из направлений войск радиоэлектронной борьбы, командование подразделений информационного противоборства ВС РФ столкнулось с острой необходимостью модернизации своего подхода к информационным операциям. Она остро проявилась в ходе и после грузино-югоосетинского конфликта 2008 г., который, с точки зрения выполнения военных боевых задач, был успешный для ВС Российской Федерации, но практически абсолютно проигранный в сфере информационного противоборства [1].

По итогу принятых командованием решений в 2011 г. был создан документ «Концептуальные взгляды на деятельность Вооруженных Сил Российской Федерации в информационном пространстве» [2], который включал в себя подробную инструкцию по модернизации целевых подразделений и уточнению деятельности по информационному противоборству. Можно сказать, что этот документ по своей сути является неформальной военной доктриной в сфере информационных операций. В нем заданы основные цели и приоритеты по информационному освещению и сопровождению военных конфликтов, а также порядок и задачи взаимодействия ВС РФ с медиа и общественностью. В том числе была отмечена задача по адаптации методов информационных операции к новым, постоянно развивающимся технологическим каналам и форматам, в т. ч. и к интернету из-за гибкости, многоканальности и невозможности полного отключения.

В настоящее время обороноспособность Российской Федерации и успешность внешней политики существенно зависят от эффективности работы Вооруженных Сил в информационном пространстве, в том числе и сфере сдерживания, предотвращения и разрешения различных конфликтов в информационном (а также и в кибернетическом) пространстве. Как правило, основные методы информационного противоборства — это предоставление ложной информации. Решая поставленные задачи, военные и спецслужбы опираются на осново-

полагающие принципы и правила деятельности ВС РФ в информационном пространстве, а также на вышеназванный документ о Концептуальных взглядах. Реализация настоящих Концептуальных взглядов ВС РФ стремится к максимальному использованию информационного пространства для укрепления позиций на мировой арене, обороноспособности государства, а также развития военного сотрудничества и формирования международной информационной безопасности (как в мирное, так и в военное время).

Ввиду исторически сложившейся обстановки Россия и Запад стали противниками. Запад практически открыто ведет информационную войну против Российской Федерации. После решения В. В. Путина в 2011 г. участвовать в президентских выборах 2012 г. давление на Россию со стороны США резко возросло, в том числе при помощи движения «Белая лента». Также были организованы многочисленные митинги, начала формироваться прозападная «пятая колонна», получавшая финансирование с Запада. В отечественной сегменте интернета развернулась полномасштабная информационная война, направленная в первую очередь против Президента РФ [3, с. 3].

В 2014 г. ситуация кардинально изменилась после оказания федеральными СМИ огромного влияния на общественное сознание путем освещения с пророссийской точки зрения Олимпиады в Сочи, «Евромайдана», Крыма и войны на Донбассе, что вызвало взрыв патриотизма внутри России, а также массовый интерес населения к политике.

В настоящее время Российская Федерация успешно оказывает сопротивление информационным атакам США в значительной степени за счет проигрышной тактики Запада — прямого давления на Россию. Допуская открытые агрессивные высказывания в сторону России, Запад позволяет отечественным СМИ показать «истинное лицо Запада». Ярким примером могут послужить высказывания Д. Псаки, либо заявления Д. Байдена в адрес Российской Федерации.

Устраняя русофобские настроения российских СМИ, силы информационного противоборства поддерживают информирование населения страны о настроениях Запада, распространяя их в плохом свете.

Также примером успешного информационного противодействия западу можно назвать развитие канала Russia Today, который стал популярным на YouTube и наиболее востребованным западным телеканалом не только в европейских государствах, но и во многих странах, в которых Запад раньше полностью контролировал информационное

пространство. По сути силы информационно-психологической борьбы ВС РФ (и иных силовых структур) стали инструментом внешней политики России [4, с. 293].

В настоящее время ярким примером действий сил информационно-психологической борьбы (ИПБ) могут послужить брифинги генерал-майора сухопутных войск И. Е. Конашенкова. Данные брифинги впервые были проведены Министерством обороны РФ во время антитеррористической операции в Сирийской Арабской Республике. Придавая огласке и распространяя данные с отчетами о действиях войск, освещая события, произошедшие во время операции, Россия укрепляет свой авторитет на мировой арене, устраняя угрозу для всего мира, выступая в роли «добра», побеждающего «зло».

Другой пример — информационное сопровождение специальной операции на Украине, начавшейся в феврале 2022 г. Действуя аналогичными методами, Россия убеждает мир об опасности национализма, попутно ведя пропагандистскую деятельность, регулярно создавая новости на различных интернет-площадках и социальных сетях: TikTok, Telegram или Instagram (деятельность компании Meta Platforms Inc. по реализации соцсети Instagram запрещена на территории РФ — *прим. ред.*), ведя там антифашистскую и антиамериканскую пропаганду и антифейковую кампанию.

Тем не менее официально довольно сложно найти какую-либо конкретную, четко зафиксированную информацию о ИПБ из-за относительно малого опыта и времени существования сил противоборства и нахождения некоторой информации под грифом секретно. Но в любом случае можно сказать, что изначально Россия оказалась неподготовленной к информационной войне, получив удары по национальной культуре и духовно-нравственным ценностям. Также мировые оппоненты России, действуя в области массового сознания, методично и последовательно сделали ее «страной-изгоем», подорвав возможности проведения активной внешней политики и доверие населения к действиям политиков.

Таким образом, можно сказать, что основной целью сил Информационно-психологического противоборства ВС РФ является противодействие проведению информационных операций по дестабилизации политической ситуации в отдельно взятом регионе, либо в России в целом. Также целью является и пресечение создания противником условий для решения определенных собственных задач на территории

РФ. Такими задачами, как правило, являются: дискредитация власти с целью ее дальнейшей делегитимизации; создание и последующая поддержка оппозиции; приведение оппозиции к власти.

Информационно-психологическое противоборство должно вестись системно и одновременно по всем направлениям [4]. Воздействие должно быть непрерывно, оперативно, со строго соблюдаемой политической направленностью.

Список источников

1. Манойло А. Информационно-психологическая война в вооруженном конфликте в Южной Осетии // Власть. 2009. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-psihologicheskaya-voyna-v-vooruzhyonnom-konflikte-v-yuzhnoy-osetii> (дата обращения: 25.03.2022).
2. Концептуальные взгляды на деятельность Вооруженных Сил Российской Федерации в информационном пространстве // Министерство обороны Российской Федерации (Минобороны России). URL: <https://ens.mil.ru/science/publications/more.htm?id=10845074@cmsArticle> (дата обращения: 27.03.2022).
3. Крылова И. Информационные войны и безопасность России // Россия: тенденции и перспективы развития. 2016. № 11-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-voyny-i-bezopasnost-rossii> (дата обращения: 30.03.2022).
4. Победа в войне должна быть достигнута еще до первого выстрела // Независимое военное обозрение. URL: https://nvo.ng.ru/concepts/2016-01-15/10_infowar.html (дата обращения: 27.03.2022).

Часть 4. Трансформация политической культуры в современном российском обществе

Научная статья

УДК 342.56

Трансформация судебной власти России в современных условиях

Никита Эдуардович Гайдаенко

Российский государственный университет правосудия, Краснодар, Россия

n.gaidaenko@mpkrd.ru

Аннотация. В настоящей статье описывается трансформация судебной власти России в условиях современности, конфронтации, столкновения с однополярным миропорядком. Работа содержит материалы в области развития судебной системы России, уровня конкурентоспособности по отношению к международным стандартам. Также приводятся основные цели и задачи, стоящие на сегодняшний день перед российским судом, включая способность отвечать запросам современности в сфере защиты прав человека, цифровизации и постоянной информационной войны.

Ключевые слова: судебная система РФ, трансформация судебной власти, развитие российского суда, правосудие, защита прав человека

Original article

Transformation of Judicial Authority in Russia in Modern Conditions

Nikita E. Gaidaenko

Russian State University of Justice, Krasnodar, Russian

gaidaenko@mpkrd.ru

Abstract. The paper reveals the transformation of the judiciary in Russia in the conditions of modernity, confrontation and clash with the unipolar world order. The work contains materials in the field of development of the judicial system in Russia, the lev-

el of competitiveness in relation to international standards. The main goals and tasks facing the Russian court today are revealed, including the ability to meet the demands of modernity in the field of human rights protection, digitalization and constant information warfare.

Keywords: judicial system of the Russian Federation, the transformation of the judiciary, the goals of the development of the Russian court, justice, the protection of human rights

Основополагающие принципы судебной власти закреплены Конституцией Российской Федерации в главе 7 «Судебная власть и прокуратура» [1] и федеральном конституционном законе РФ от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации» [2].

Согласно закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ в статье 125 ч. 5.1, Конституционный суд наделен правом принятия решения о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации [3].

Судебная власть — один из основных институтов, обеспечивающих национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу.

Согласно указу Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», национальная безопасность Российской Федерации — состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны [4].

В настоящее время мир переживает период трансформации, изменяются правила и принципы мироустройства. Нарастающая противоречивость мира, развитие радикальных и экстремистских настроений приводят к разрешению межгосударственных противоречий за счет нахождения внутренних и внешних врагов, разрушению традиционных ценностей и игнорированию основных прав и свобод человека.

Новый период трансформации мира привел к ежедневной борьбе в области информационных кампаний, главной задачей которых является масштабное преподнесение России как враждебного государства. Запрещается использовать в общении русский язык, средства массовой информации, вводятся ограничения против наших спортсменов, Россия обвиняется в неосуществлении своих международных обязательств. Наши граждане и соотечественники, которые проживают за границей, подвержены русофобским настроениям и преступным преследованиям.

Постоянная деятельность недружественных стран в отношении России ведет к дестабилизации миропорядка, разрушению международных отношений, всеобщего правового пространства. Недавние события — решения Международного Суда ООН, Европейского суда по правам человека — могут носить провокационный и необоснованный характер, поэтому судебной власти Российской Федерации необходимо стремиться к укреплению правосудия, единства судебной системы, правовых основ международных отношений.

В настоящее время в России действует постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы”», заказчиками которой является Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (Высший Арбитражный Суд Российской Федерации упразднен в соответствии с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации»), Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, Министерство экономического развития Российской Федерации, Министерство юстиции Российской Федерации, Федеральная служба судебных приставов [5].

Целью программы является повышение качества осуществления правосудия; совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций.

Одними из основных задач программы является обеспечение открытости и доступности правосудия; создание необходимых условий для осуществления правосудия; обеспечение независимости судебной власти. Ожидаемыми конечными результатами реализации программы и показателями ее социально-экономической эффективности являются повышение качества правосудия и эффективности рассмотрения судебных споров; обеспечение доступности и открытости правосудия; повышение авторитета судебной власти; создание условий для конкурентоспособности российской судебной системы в международном сообществе.

С 2012 г. российская судебная система взяла курс на трансформацию в области укрепления собственных позиций как во внутреннем, так и во внешнем отношениях. Суд России уже 10 лет эффективно занимается собственной конкурентоспособностью по стратегическому направлению, укреплению позиций в области международного правосудия. Такая система позволяет использовать методы работы, в рамках которых соотносятся международно-правовые и национальные нормы, что благоприятно сказывается на климате судебной власти в Российской Федерации.

В соответствии со 1 ст. Конституции Российской Федерации, Россия провозглашена правовым государством. Такое государство в первую очередь включает в себя самостоятельную и независимую судебную систему, которая эффективно обеспечивает защиту интересов государства, прав и интересов граждан и юридических лиц.

Для реализации целевой Программы, выполнения первоочередных задач, поставленных перед судебной властью Российской Федерации, трансформации российской правовой системы, повышения конкурентоспособности необходимо решить следующие проблемы:

- 1) проведение судебной реформы, обеспечивающей действенность и справедливость принимаемых судом решений;
- 2) создание условий, при которых российским компаниям было бы выгодно оставаться в российской юрисдикции (а не регистрироваться в офшорах) и использовать для разрешения споров, в том числе споров по вопросам собственности, российскую судебную систему;

- 3) борьба с коррупцией;
- 4) существенное улучшение доступа к информации о деятельности государственных органов;
- 5) кадровое обеспечение эффективного выполнения государственных функций и реализации государственных социальных гарантий.

Главным риском для реализации целевой Программы является нехватка бюджетных ассигнований, это связано с неизбежными инфляционными процессами.

Также заключающиеся в комплексе мероприятий методы, предусмотренные целевой Программой по развитию судебной системы, предусматривают создание централизованных систем координации, методов и способов контроля изменений в области правосудия, что позволяет отслеживать проводимые мероприятия, а также приблизить к минимуму неблагоприятные результаты от внедрения Программы.

Срок реализации Программы позволяет в полном объеме достигнуть поставленных целей и задач, направленных на развитие судебной системы, трансформации в контексте современных условий, обеспечения транспарентности, открытости в рассмотрении дел, доступности правосудия, независимости судей, а также достойной и конкурентной судебной системы.

Также органам государственной власти Российской Федерации, органам государственной власти субъектов, муниципальной власти необходимо активно содействовать претворению целевой Программы. В рамках международной правовой политики необходимо учитывать национальные интересы государств — членов организаций — и уважать интересы и позиции сторон, придерживаться всеобщего принципа равноправия. Как отметил в своем выступлении Генсек ООН Антониу Гутерриш: «Несмотря на огромные блага, которые несут новые технологии, происходит злоупотребление ими для совершения преступлений, разжигания ненависти, распространения недостоверной информации, угнетения и эксплуатации людей, а также нарушения частной жизни» [6]. Именно поэтому за судебной властью Российской Федерации сегодня закреплена очень важная функция — максимально быстро и эффективно внедрять новые технологии, реагировать на все вызовы современности, в том числе отражая попытки геополитических атак, включая киберпреступность и соблюдение цифровых прав человека.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации : принята 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 09.03.2022).
2. О судебной системе Российской Федерации : федеральный закон № 1-ФКЗ : принят 31.12.1996 : ред. от 16.04. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (дата обращения: 06.03.2022).
3. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации № 1-ФКЗ : принят 14.03.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/ (дата обращения: 08.03.2022).
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 12.03.2022).
5. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013—2024 годы» : постановление Правительства РФ № 1406 : принят 27.12.2012 : ред. от 23.12.2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140638/9fc5c1c924f7f5ff7fb7b7a5da6de23e5e4d4414/ (дата обращения: 12.03.2022).
6. Гутерриш назвал приоритетные направления реформы ООН // TASS. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7582237> (дата обращения: 11.03.2022).

Научная статья

УДК 323.2

Особенности трансформации политической культуры России вследствие смены поколений

Андрей Дмитриевич Колмаков

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

a-kolmakov@inbox.ru

Аннотация. В статье проведен анализ политических культур двух ныне живущих активных поколений россиян, рассмотрены их различия, показано отношение представителей обоих поколений к существующим социальным реалиям, технологиям и идеологиям, сделаны предположения о возможных особенностях политической культуры молодого поколения граждан России при его взрослении и восхождении в доминирующее положение на руководящих ролях общества и государства.

Ключевые слова: политическая культура России, смена поколений, российская молодежь

Original article

Features of Transformation of Russian Political Culture Due to Generation Change

Andrej D. Kolmakov

Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

a-kolmakov@inbox.ru

Abstract. The article analyzes the differences between the political cultures of the two active generations of Russians living today, shows the attitude of representatives of both generations to existing social realities, technologies and ideologies, makes assumptions about the possible features of the political culture of the young generation of Russian citizens during their growing up and ascension to a dominant position in the leading roles of society and the state.

Keywords: political culture of Russia, generational change, russian youth

Россия перешла рубеж XX–XXI вв. в беспрецедентной для собственной истории политической, экономической и социальной реальностях. Относительно демократическая, многопартийная политическая система с альтернативными выборами разных уровней и рыночной экономикой породила уникальную, с точки зрения России, ситуацию. Она позволила зародиться нескольким точкам зрения на новую реальность, они, как правило, разграничиваются представителями двух условных поколений, заставших разные этапы становления существующей реальности.

Первое поколение — это поколение, появившееся на свет в срединный период существования Советского Союза, условно в середине 1960–1970-х гг.

Второе поколение — это поколение, родившееся в середине и конце 1980-х — начале 2000-х гг.

Представители обоих поколений, по сравнению с представителями поколений, предшествующих им, сформировали достаточно широкий разрыв как в социальных, так и в политических вопросах, являющийся краеугольным камнем в формировании новой политической культуры.

Не меньший эффект дала и цифровая революция, достигшая Россию несколько позже по сравнению с Европой, но уже давшая свой ощутимый результат. Благодаря появлению и широкому распространению интернета, а также рынка устройств коммуникации, увеличился разрыв поколений, ускорился процесс формирования идейных общностей. Старшее поколение, в отличие от младшего, испытывает больший скептицизм по отношению к современным средствам коммуникации и не рассматривает его как основное средство общения [1]. Следовательно, малое участие интернета в жизни старшего поколения, как и физическое отсутствие интернета в период формирования политической культуры старшего поколения, отразились как на мировосприятии, так и на формировании конкретных политиче-

ских субъектов. Молодое же поколение весьма сильно интегрировано в интернет и самые разные его сегменты, а потому становление его политической культуры без этого средства коммуникации и предоставляемых им возможностей практически нереально.

Первой из черт, формирующих новую политическую культуру, стало формирование самого тренда на политизацию, выбор своей политической идеологии и формирование личной политической позиции в рамках какой-либо выбранной идеи (либо же группы идей). В исследовании, проведенном В. А. Колобродовым и Т. С. Мельниковой, на основе анкетных данных, собранных у респондентов возрастом от 16 до 30 лет, выяснилось, что большая часть респондентов интересуется политикой [2, с. 5].

Представители старшего поколения же наоборот зачастую демонстрировали политическую пассивность или даже индифферентность к происходящим вокруг них событиям. Возможно, это связано с прошлой советской системой, которую пережили эти люди, привыкшие соглашаться с «линией партии». По мнению Е. В. Панкратовой, одной из причин низкой политической активности может служить боязнь сделать хуже. Старшее поколение, по мнению данного автора, научилось выживать в текущих условиях и приспособилось к ним, дойдя до относительно удовлетворительного образа жизни [3, с. 7]. В иных случаях представители старшего поколения, особенно находящиеся по возрасту ближе к представителям молодого поколения, склоны принимать участие в деятельности традиционных и близких к ним по деятельности или платформе политических сил, присутствующих на российском поле.

Выразилось это в формировании достаточно устойчивых объединений, выражающих несколько более неортодоксальные точки зрения, чем те, что сформировались ранее. Так, помимо объединений марксизма, национализма и ситуационного либерализма, сформированных в прошедшие десятилетия, сформировались монархические (Монархическая партия Российской Федерации, экс-лидер — Антон Баков), а также ряд общественных организаций неолиберального и около либерального толка («Открытая Россия», форум «Объединенные Демократы», экс-лидер — Андрей Пивоваров (признанные в России нежелательными организациями)). Относительно активными участниками данных объединений в большинстве своем становятся представители именно поколения, родившегося во времена позднего Советского Союза, не относящегося зачастую к категории «молодежь».

Объединения молодого поколения имеют ряд отличий как от советских, так и от вышеописанных объединений.

Во-первых, многие из таких объединений имеют форму научно-просветительских обществ помимо формы политических партий или движений. Это выражается в попытках издания различной литературы и сборов, конференций, трансляций в интернете. Это попытка не просто привлечь людей и направить куда-либо их энергию, а создать идейно-нормативную базу и оставить свой след в инфополе. Возможно, это вызвано, как упоминали в своих работах В. А. Колобродов и Т. С. Мельникова, посредственностью в процессе изучения политической мысли того или иного идеологического сектора и соответствующей реакцией на это политическое объединение [2, с. 5]. Примеры таких обществ: издательство «Черная Сотня», издательство-магазин «Листва».

Во-вторых, такие объединения более разнообразны идейно и представляют как левый (например, «Вестник Бури», лидер — Андрей Рудой), так и правый (Общество «Будущее», лидер — Роман Юнеман; Либертарианская партия России, лидер — Михаил Светов) идеологические секторы. Идеи таких обществ выходят дальше преимущественно умеренно-либеральных в разной степени идей объединений позднесоветского поколения.

Второй чертой, формирующей современную политическую культуру, стал отход от этатизма, характерного для прошлых поколений. Разумеется, государство как институт по-прежнему привлекает внимание большинства из представителей современных «новых» движений, однако перестает являться самоцелью для большинства из них. Большую роль начинают играть люди, живущие в России. Как левые, так и правые начинают осмысливать пользу для общества, а не модные на сегодняшнем телевидении термины «геополитика», «противостояние» и т. п. Важно отметить крупное снижение престижа военной службы у представителей молодежи [4, с. 6.]. Внешнеполитические успехи отходят на второй план по сравнению с внутривнутриполитической повесткой.

Так, согласно предвыборной программе Романа Юнемана «Юнеман — 2021», выложенной на его официальной странице, из девяти разделов внешнюю политику весьма условно затрагивают только два, касающиеся миграции, силового блока и госуправления [5]. Подобный подход может характеризовать сдвиги в коллективном восприятии жизни, постепенно отходящем от темы чрезмерной «самости»

в социальном аспекте и приоритета имперского духа к проблемам собственной жизни.

Для старшего поколения имеет значение именно аспект силы государства, размеров его территорий. Так, одним из самых стабильных пунктов программы Либерально-демократической партии России (ЛДПР) является возвращение территорий бывшего СССР [6].

И третьей, важной чертой новой политической культуры, является одновременно антагонизм всех вышеперечисленных акторов и стремление к относительно цивилизованной дискуссии. Как отметил в своей работе В. А. Тер-Акопьян: «Весьма актуальной на сегодняшний день является тема раскола, в основании которого лежит различие позиций в отношении модернизации, антагонизм между стремлением к прогрессу и традиционалистскими ценностями, а также славянофильские и западнические культурные предпочтения в их сегодняшнем проявлении. Именно этот раскол в различных его модификациях и определяет специфику современного состояния российской политической культуры» [7, с. 2–3]. Таким образом, постепенно модели, приемлемые для различных идейных групп, особенно порожденных представителями нового поколения, могут весьма разниться, в них зачастую отсутствует единство в методах и взглядах. В то же время большинство из таких групп все же имеют точки соприкосновения. К примеру, рыночная модель экономики и необходимость выборов у многих не вызывают сомнения. Расхождения в подобных сферах существуют скорее в вопросах регулирования и участия в них, но не в вопросах необходимости сохранения или свертывания. Исключения составляют лишь крайне левые или крайне правые группы.

В то же время среди молодежи крайне слабы идеи выяснять правоту каких-либо воззрений при помощи насилия. Движение скинхедов, весьма известное массовыми драками в 1990-х, в России крайне маргинализировано. Иные ультралевые и ультраправые движения, известные в тот же период (Русское национальное единство, общество «Память», «Левый фронт», Национал-большевистская партия (запрещена в РФ)) в России на сегодняшний день минимизированы и сведены до состояния маргинальных образований самим обществом. Как отмечает политолог Екатерина Шульман, после 2014 г. число преступлений на почве ненависти уменьшилось. Россияне, являющиеся сторонниками этнонационалистических взглядов стали выражать бытовую ксенофобию не через прямую агрессию, а скорее через пренебреже-

ние [8]. Основные дискуссии и полемика перенесены с улиц на различные интернет-форумы разных форматов.

Таким образом, политическая культура новой России XXI в., хотя и находится в постоянном процессе собственного формирования, начинает проявлять фундаментальные формы, позволяющие делать некоторые промежуточные выводы о возможных форматах и проявлениях ее адептов в будущем. В ней просматриваются как поколенческие, так и внутр поколенческие различия, однако начинают вырисовываться и сходства.

Так, можно выдвинуть гипотезу, что представители поколения, родившегося в 1980-х—2000-х гг., будут ментально больше приспособлены к взаимодействию в условиях рыночной экономики нежели их старшие сограждане. Это касается как рынка информации, так и рынка политических сил и идей, весьма обширно представленных в современном обществе.

Кроме того, в отличие от российского общества прошлого века, общество XXI в. соединено между собой интернетом, что неизбежно окажет стимулирующее влияние на взаимодействие людей и поможет агрегировать идеи большинства в единую политическую повестку, а также приведет к активному проникновению политики в сферу интернета, что происходит и в настоящий момент.

Список источников

1. Доля пользователей Интернета среди молодежи приблизилась к 100 % // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/01/2021/5ffde01e9a79478eb5230426 (дата обращения: 29.04.2022).
2. Колобродов В. А., Мельникова Т. С. Политическая культура молодежи в современной России: состояние и перспективы // Ученые записки Тамбовского отделения РoCМУ. 2018. № 10. С. 188—194. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-kultura-molodezhi-v-sovremennoy-rossii-sostoyanie-i-perspektivy> (дата обращения: 30.04.2022).
3. Панкратова Е. В. Мотивация протестного политического участия молодого и старшего поколений в представлениях россиян (на материале интервью) // Комплексные исследования детства. 2021. № 1. С 38—47. URL: <https://clck.ru/sPm6q> (дата обращения: 30.04.2022).

4. Закиров Р. Р. Престиж российского военнослужащего: сущность, показатели, динамика проявления // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 2. С 340–345. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestizh-rossiyskogo-voennosluzhaschego-suschnost-pokazateli-dinamika-proyavleniya> (дата обращения: 30.04.2022).
5. Роман Юнеман // Вконтакте. URL: https://vk.com/wall22357297_15734 (дата обращения: 29.04.2022).
6. Предвыборная программа ЛДПР 2021 // ЛДПР. URL: <https://ldpr.ru/party> (дата обращения: 29.04.2022).
7. Тер-Акопьян В. А. Политическая культура современной России: тенденции трансформации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. № 3. С. 16–20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-kultura-sovremennoy-rossii-tendentsii-transformatsii> (дата обращения: 30.04.2022).
8. Куда делись скинхеды с улиц российских городов? // URA.RU. URL: <https://ura.news/articles/1036276671> (дата обращения: 29.04.2022).

Научная статья

УДК 378

Властное регулирование советской системы высшего образования

Илья Евгеньевич Левченко

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

i.e.levchenko@urfu.ru

Аннотация. В статье обоснована актуальность обращения к источникам образовательного права для анализа специфики властного регулирования системы советского высшего образования. Классификация нормативных правовых актов осуществлена в соответствии с рядом критериев: отрасль права, субъект нормотворчества, объект правового регулирования, юридическая сила, компетенция, объем и характер действия, период действия и эффективность. Согласно авторской версии, процесс формирования и развития правовой нормативной базы советской высшей школы состоит из следующих периодов: ранний, предвоенный, военный, послевоенный, поисково-волюнтаристский, стабилизационный и перестроечный.

Ключевые слова: власть, нормативный правовой акт, система высшего образования, высшая школа, советский период

Original article

Power Regulation of the Soviet Higher Education System

Il'ya E. Levchenko

Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

i.e.levchenko@urfu.ru

Abstract. The article substantiates the relevance of referring to the sources of educational law to analyze the specifics of government regulation of the system of Soviet higher education. The classification of normative legal acts is carried out in accordance with a number of criteria: the branch of law, the subject of rule-making, the object of legal regulation, legal force, competence, scope and nature of the action, period of validity and effectiveness. According to the author's version, the process of formation and development of the legal regulatory framework of the Soviet higher education consists of the following periods: early, pre-war, military, post-war, search and voluntarism, stabilization and perestroika.

Keywords: power, normative legal act, higher education system, higher school, soviet period

Объективное исследование правовых и нормативных основ системы высшего образования СССР дает возможность всесторонне рассмотреть плюсы и минусы правил, установленных партийными и советскими властями. В рамках классификации нормативных правовых актов целесообразно выделять несколько основных групп в соответствии с критериями: отрасль права, субъект нормотворчества, объект правового регулирования, юридическая сила, компетенция, объем и характер действия, период действия и эффективность. Рассмотрим каждый подробнее.

1. Нормативные правовые акты отраслевого характера.

Последовательно все конституции провозглашали два базовых принципа: отделения школы от церкви и бесплатность образования. В Конституции РСФСР 1918 г. это статьи 13 и 17, в Конституции РСФСР 1925 г. — статьи 4 и 8, в Конституции СССР 1936 г. — статьи 124 и 121, в последней Конституции СССР 1977 г. — статьи 52 и 45.

Постановление Комиссариата по народному просвещению от 11 декабря 1917 г., подписанное В. И. Лениным и А. В. Луначарским, относящееся к разряду административных актов, наглядно демонстрирует произвол большевистского режима. Документ обязывал передать все духовные заведения в ведение Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос), лишая Русскую православную церковь штатов, финансирования, имущества, учебных пособий и т. д. Кроме того, из-за ограничений в гражданском законодательстве Церковь не могла осуществлять права юридического лица до 1990 г.

Согласно статье 121 Уголовного кодекса РСФСР (1922 г.): «Преподавание малолетним и несовершеннолетним религиозных вероучений

в государственных или частных учебных заведениях и школах» каралось «принудительными работами на срок до одного года» [1]. Фактически эта норма распространялась и на вузы.

2. Нормативные правовые акты, принятые различными субъектами нормотворчества.

Необходимо учитывать, что с начала 1920-х гг. и до распада СССР коммунистическая партия обладала монополией на власть, являясь стержнем политической системы. Она полностью контролировала все сферы жизни общества, поэтому партийным документам всегда была присуща императивность. Так, в Циркуляре ЦК РКП (б) «О работе парторганизаций в вузах и рабфаках» от 14 декабря 1922 г. указывалось: «Партийные организации должны в первую очередь обеспечить коммунистическими силами преподавание обязательного минимума общественнознания в вузах и рабфаках» [2, с. 133]. Тем самым ставилась задача обеспечить идеологическую «выдержанность» высшей школы.

Вместе с тем советское нормотворчество характеризуется принятием различными субъектами власти совместных документов. Одним из примеров служит постановление Центральной избирательной комиссии (ЦИК) и Совета народных комиссаров СССР (СНК СССР) о реорганизации вузов, техникумов и рабфаков от 23 июля 1930 г., благодаря которому из университетов были выделены гуманитарные факультеты. Стремясь «решительно сблизить теоретическое обучение и производственную практику», многофакультетные высшие учебные заведения и техникумы попытались превратить в отраслевые учебные заведения, передав их в подчинение профильным наркоматам [3]. Пагубность этого шага очень скоро стала очевидной, и, начиная с 1934 г., система высшего образования была реформирована на принципах университетов Российской империи.

Наряду с документами, принимаемыми законодательной и исполнительной ветвями власти, широкое распространение получили партийно-правительственные акты. Так, в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» от 23 июня 1936 г. самокритично констатировалось следующее: «При организации новых высших учебных заведений и развертывании старых нередко упускалось важнейшее условие работы вузов — обеспечение их соответствующими научно-педагогическими кадрами, лабораториями, кабинетами, библиотеками, в результате чего уровень обучения в ряде высших учебных заведений немногим отлича-

ется от уровня средней школы (техникумов)» [4, с. 381]. В связи с этим на директоров вузов возлагалась личная ответственность за ликвидацию имеющихся «недостатков» и в решении проблем им гарантировалась поддержка со стороны партийных и советских органов.

При этом следует подчеркнуть, что в сталинский период отечественной науке и образованию был нанесен огромный урон в результате судебных процессов: Дело «Промышленной партии», «Академическое дело», Дело «Трудовой крестьянской партии», Дело «Славистов» (Дело «Российской национальной партии»), «Пулковское дело» и др. В некоторых случаях репрессивные приговоры выносились во внесудебном порядке — тройкой Объединенного Главного политического управления (ОГПУ) и коллегией ОГПУ.

3. Нормативные правовые акты, направленные на различные объекты правового регулирования.

Институционные нормативные правовые акты определяют правовой статус государственных органов и общественных организаций. Так, коллегией Наркомпроса 3 августа 1930 г. было утверждено Положение о центральной инспекции народного комиссариата просвещения [5, с. 215]. Этот документ убедительно свидетельствует о тенденции централизации контроля над подведомственными учреждениями в провинции.

В общественной жизни вузов значимую роль играла комсомольская организация. Согласно уставу Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ), принятом на X съезде в 1936 г., его члены были обязаны: «Изучать труды Марка, Энгельса, Ленина, Сталина и разъяснять марксистско-ленинское учение широким массам молодежи», бороться с «остатками религиозных предрассудков», овладевать знаниями, культурой, наукой, техникой» [6, с. 5].

Неисполнение постановлений высших инстанций и другие опасные проступки влекли за собой «исключение из комсомола с сообщением о проступке административным и судебным властям». Атмосфера всеобщей подозрительности и поиска «врагов народа» мешала нормальному течению учебно-воспитательного процесса в вузах. Волна «чисток» 1937–1938 гг. привела к необоснованным арестам, заключениям и казням ряда студентов-комсомольцев.

К регламентарным нормативным правовым актам, регулирующим общественные отношения, относится постановление Совнаркома от 6 февраля 1930 г. Согласно ему: «студентам из рабочих, команди-

рованным в 1929–1930 гг. в высшие учебные заведения по разверстке профессиональных союзов («профтысяча»)), выплачивались стипендии в размере от 90 до 150 рублей в месяц [7]. Отметим, что на протяжении всего советского периода потребность в квалифицированных кадрах побуждала власти страны организовывать оказание необходимой поддержки обучающимся.

4. Нормативные правовые акты, обладающие различной юридической силой.

К первой подгруппе относятся законы (Конституции, конституционные законы, общесоюзные, нормативные правовые акты субъектов СССР). Кроме того, полагаем уместным выделить постановление Государственного Комитета Обороны № ГКО-690 от 17 сентября 1941 г. В нем было указано: «Каждый гражданин Союза ССР, способный носить оружие, должен быть обучен военному делу, чтобы быть подготовленным с оружием в руках защищать свою родину» [8].

Среди документов мирного времени достаточно типичен Закон СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» от 24 декабря 1958 г. Он предписывал: «При зачислении в высшие учебные заведения предоставлять преимущества лицам, имеющим стаж практической работы». При этом в законе был сделан акцент на развитие заочной и вечерней форм обучения, «чтобы люди, занимаясь полезным трудом в обществе, в свободное от работы время имели при желании возможность получить высшее или среднее специальное образование» [9, с. 74].

Примером документа, входящего во вторую подгруппу подзаконных актов, является указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 декабря 1954 г. «О преобразовании общесоюзного Министерства высшего образования в союзно-республиканское Министерство высшего образования СССР».

5. Нормативные правовые акты, принятые в соответствии с компетенцией.

В общесоюзном законе № 4536-VIII «Об утверждении основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» от 19 июля 1973 г., как в аналогичных предшествующих и последующих законах, содержалась норма о том, что только высшие органы государственной власти и органы государственного управления в области народного образования могут организовывать, реорганизовывать и ликвидировать высшие учебные заведения.

В 1960-е—1980-е гг. республиканское законодательство определяло, что органы государственного управления народным образованием РСФСР — Министерство просвещения РСФСР, Государственный комитет РСФСР по профессионально-техническому образованию, Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР — осуществляют в пределах своей компетенции единую государственную политику в области народного образования, в подготовке для народного хозяйства квалифицированных рабочих кадров и специалистов.

Нормативные правовые акты, различающиеся по объему и характеру действия.

В качестве акта общего действия выступает уже рассмотренный нами союзный закон о народном образовании (1973 г.). Актом ограниченного действия можно считать содержательно близкий ему закон РСФСР «О народном образовании» от 2 августа 1974 г. К числу актов исключительного (чрезвычайного) действия, безусловно, относится Распоряжение Совета по эвакуации при СНК СССР об эвакуации из Москвы вузов и НИИ от 15 октября 1941 г., обусловленное тяжелыми условиями войны.

6. Нормативные правовые акты различного периода действия.

Более двадцати лет основополагающим постоянным актом для системы высшей школы было постановление Совета Министров СССР № 64 «Положение о высших учебных заведениях СССР» от 22 января 1969 г., утратившее силу лишь в 1991 г. Вполне в духе своего времени в нем декларировалось следующее: «Главными задачами высших учебных заведений являются: подготовка высококвалифицированных специалистов с глубокими теоретическими и необходимыми практически знаниями по специальности, владеющих марксистско-ленинской теорией, новейшими достижениями отечественной и зарубежной науки и техники, воспитанных в духе высокой коммунистической сознательности, советского патриотизма, дружбы народов и пролетарского интернационализма, обладающих навыками организации массово-политической и воспитательной работы» [10].

В период перестройки принимались различные временные акты, наиболее актуальные в данный период времени. Например, приказом Государственного комитета СССР по народному образованию № 563 от 7 июля 1989 г. было утверждено Временное положение «Об экспериментальной педагогической площадке в системе народ-

ного образования», призванное способствовать развитию практико-ориентированной психолого-педагогической науки и повышению престижа учительской профессии.

7. Нормативные правовые акты различной степени эффективности.

Следует развеять миф о правовых гарантиях бесплатности советского образования. В силу неблагоприятных обстоятельств власти неоднократно вынуждены были отступать от собственных принципов. Лишь постановлением Совета Министров СССР от 6 июня 1956 г. была окончательно отменена плата за обучение в старших классах средних школ, средних специальных и высших учебных заведениях СССР.

Застарелой проблемой было проведение воспитательной работы среди учащихся и студентов в духе воинствующего материализма. Так, в постановлении ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» от 7 июля 1954 г. говорится: «Министерства просвещения союзных республик и Министерство высшего образования СССР резко ослабили внимание к вопросам антирелигиозного воспитания учащейся молодежи. Позицию нейтралитета и пассивности к деятельности церкви и к росту влияния религии на наших людей занимают многие профсоюзные и комсомольские организации, которые фактически самоустранились от работы по атеистическому воспитанию рабочих, служащих и молодежи» [4, с. 238].

Фактически, «сериальный» характер многих актов, принимаемых для улучшения дел в образовательной сфере, означал «хождение по кругу»: документы содержали «правильные», идеологически выдержанные формулировки, но они не обеспечивали достижения поставленных целей. Кризис советской высшей школы являлся частью системного кризиса всего СССР.

Можно выделить несколько периодов в истории советского образовательного права, регулировавшего деятельность вузов:

1) ранний (1917–1930 гг.), характеризующийся доминированием революционного правосознания; 2) предвоенный (1930-е гг.), когда лидеры страны и законодатели стремились сформировать правовую базу, соответствующую потребностям индустриализации страны в условиях продолжавшейся «классовой борьбы»; 3) военный (1939–1945 гг.), регламентировавший эвакуацию вузов, мобилизацию всех резервов для ускоренной подготовки кадров для фронта и тыла; 4) послевоенный (1946–1953 гг.), отличавшийся сочетанием прагматичных (восстановление

разрушенного народного хозяйства) и предельно идеологизированных (борьба с космополитизмом) решений; 5) поисково-волюнтаристский (1954–1964 гг.), в полной мере отражавший стиль руководства Н. С. Хрущева; 6) стабилизационный (1965–1984 гг.), которому был присущ практицизм на фоне строительства «развитого социализма»; 7) перестроечный (1985–1991 гг.), способствовавший, с одной стороны, демократизации и деидеологизации, а с другой стороны, подорвавший устой существовавшей системы высшей школы.

Список источников

1. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР // Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (дата обращения: 20.03.2022).
2. Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения / сост. А. Я. Подземский. 3-е изд., пересмотр. и доп. М. : ОГИЗ, Наркомпрос РСФСР, 1931. 496 с.
3. Постановление ЦИК и СНК СССР о реорганизации вузов, техникумов и рабфаков. 23.07.1930 г. // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. URL: <http://музейреформ.рф/node/13995> (дата обращения: 20.03.2022).
4. КПСС о культуре, просвещении и науке : сборник документов. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1963. 552 с.
5. История государственного контроля (надзора) в сфере образования в России (XVIII — начало XXI в.) : хрестоматия / под общ. ред. А. В. Звонарева, Н. М. Ладнушкиной. М. : МГПУ, 2018. Т. 2. Советская Россия. Ч. 1. 244 с.
6. Устав ВЛКСМ : принят X съездом ВЛКСМ 21 апреля 1936 г. Л. : ОГИЗ, 1942. 31 с.
7. Об обеспечении студентов, командированных в 1929–1930 гг. в высшие учебные заведения по разверстке профессиональных союзов // Исторические материалы. URL: <https://istmat.info/node/49424> (дата обращения: 20.03.2022).
8. О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР // Солдат.ru. URL: <http://www.soldat.ru/doc/gko/text/0690.html> (дата обращения: 20.03.2022).

9. История государственного контроля (надзора) в сфере образования в России (XVIII—начало XXI вв.) : хрестоматия / под общ. ред. А. В. Звонарева, Н. М. Ладнушкиной. М. : МГПУ, 2018. Т. 2. Советская Россия. Ч. 2. 172 с.
10. Положение о высших учебных заведениях СССР : постановление Совета Министров СССР от 22 января 1969 г. № 64 // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. URL: <http://музейреформ.рф/node/13869> (дата обращения: 20.03.2022).

Научная статья

УДК 323.2

Тенденции и особенности трансформации политической культуры, а также пути ее развития в современном российском обществе

Роман Олегович Семенов

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

roman1995semenovvendor@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена выявлению тенденций и особенностей трансформации политической культуры в современном российском обществе. На основе анализа литературы, внутривнутриполитических и внешнеполитических процессов, происходящих сейчас в нашей стране, также были выявлены и сформулированы актуальные пути развития политической культуры в российском социуме. Особое внимание уделяется влиянию пандемии COVID-19 на трансформацию политической культуры в России.

Ключевые слова: политическая культура, Россия, трансформация, пути развития, COVID-19

Original article

Trends and Features of Transformation of Political Culture and Ways of Its Development in Modern Russian Society

Roman O. Semenov

Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

roman1995semenovvendor@gmail.com

Abstract. The article is devoted to identifying trends and features of the transformation of political culture in modern Russian society. Based on the analysis of literature, domestic and foreign political processes currently taking place in our country, the actual ways of developing political culture in the Russian society were also identified and formulated. Particular attention is also paid to the impact of the COVID-19 pandemic on the transformation of political culture in Russia.

Keywords: political culture, Russia, transformation, development paths, COVID-19

С момента появления новой коронавирусной инфекции COVID-19 политическая культура всех стран мира претерпела изменения. Что касается российского общества, то наша культура в целом всегда пребывала и пребывает в непрерывном процессе трансформации, видоизменения, цикличности и динамики. Но стоит отметить не только общие тенденции и особенности политической культуры современного российского общества, но и возможные пути ее развития.

В последнее время, а конкретно на протяжении ближайших лет, фиксируется повышенный интерес политологов, аналитиков и широкого круга исследователей и ученых к проблематике, которая связана с политической культурой. Это напрямую связано с необходимостью переосмысления результатов социально-политических и экономических изменений, произошедших в России, которые непрерывно происходят и по сей день.

Политическая культура выполняет достаточно большое количество функций: коммуникативную, регулятивную, интеграционную, ценностную, функции адаптации, идентификации и одну из самых важных функций — политическую социализацию личности. Вся система политической культуры связана информационными потоками.

Трансформация политической культуры в Российской Федерации продолжается уже не одно десятилетие. События, происходящие на протяжении уже двух лет, способствовали возникновению повсеместного кризиса в стране, который, возможно, только набирает обороты. Ситуация в нашей стране становится все нестабильнее: неизвестно, к чему приведет столь стремительная и циклическая динамика. На фоне трансформации большое количество граждан испытывают тревогу, страх и психологические проблемы, связанные с неизвестностью перед своим будущим, что связано уже не только с вирусной инфекцией COVID-19, а с социальными, экономическими вопросами и сферами жизни, а также с вопросами собственной безопасности.

В нынешнюю трансформацию политической культуры входят такие особенности, как требования граждан наведения порядка в стране, обеспечения высокого, качественного уровня жизни, возрождение престижа России в мире. В сознании большинства граждан Российской Федерации продолжает сохраняться ориентация на коллективизм, значительное преобладание патернализма, достаточно высокая степень ожидания разрешения проблем (как внешнеполитических, так и внутривластных) правящей властью, т. е. «сверху». Желание видеть в лидере страны харизматическую личность, которая будет способна восстановить порядок в стране.

В настоящее время российское общество окончательно утратило чувство стабильности, у населения преобладает ощущение незащищенности, беспомощности перед глобальными проблемами. Все это подтверждается наличием кризиса внутри нашей страны. Вышеперечисленное, разумеется, присутствовало и раньше, но после 2020 г. все проблемы сильнее актуализировались. Трансформация политической культуры преобразовалась в неуверенность населения перед будущим, что неизменно способствует отчуждению от власти, т. е. росту политического абсентеизма, усиливает недоверие к осуществляемым государственным реформам. Об этом свидетельствует частота возрастающих митингов, пикетов и акций протеста, которые произошли в течение двух последних лет. Среди них: протесты против повсеместного введения QR-кодов, введения обязательных вакцин против коронавирусной инфекции и митинги против военных действий на территории Украины.

Современное состояние российской политической культуры весьма четко показывает и доказывает нам то, что нашу страну сейчас нельзя отнести к либерально-демократической, скорее к категории авторитарно-коллективистских политических культур. Весьма специфический характер государственной власти в России (контроль за всеми сферами жизни, отчужденность от участия в общественной сфере) сформировал специфическую культуру граждан и продолжает трансформировать до сих пор [1, с. 180]. Наша политическая культура отличается достаточно противоречивыми проявлениями отношения к власти: с одной стороны — это завышенные ожидания в сфере защиты прав, свобод и патронажа, а с другой стороны — разочарование, недоверие и страх, которые являются вполне фактическими и оправданными в настоящее время.

Многовековой пагубный опыт уже показал нам, что население России всегда стремится адаптироваться к существующим условиям, насколько бы они не были тяжелыми и несправедливыми, вместо стремления к изменению этих самых условий через собственные действия и решения. Хотя здесь сформировался довольно закоренелый и порочный замкнутый круг, поскольку на решение к действиям со стороны населения, способствующим изменению условий жизни, не хватает сил, ресурсов, а главное веры, мотивации и некоторой грамотности (хотя бы заинтересованности в вопросах политики, экономики, социологии и ряда других наук, которые способны повысить уровень знаний и компетентности у населения Российской Федерации, чтобы начать менять эти самые условия «изнутри»). Следовательно, многие не верят в возможность демократического будущего нашей страны.

Безусловно, на трансформацию политической культуры в России, прежде всего, повлияло появление новой коронавирусной инфекции в 2020 г. На фоне событий, обусловленных стремительным распространением COVID-19, появлением новых штаммов вируса, применением на населении новейших вакцин против коронавируса, усугублением экономической и психологической обстановки внутри страны, все перечисленные факторы актуализировали ряд проблем, тревог и страхов у россиян, что не могло не создать волнения среди народа, которые отразились в первую очередь на государственной власти и экономике.

Результаты социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» показали, что тревожность гражданского общества в сентябре 2020 г. по поводу своего экономического положения оставалась на достаточно высоком уровне (респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа). Основной проблемой среди респондентов является «дороговизна жизни» (61 %). За ней со значительным отрывом следовали «экологическая обстановка» — 39 %, «безработица» — 34 %, «повышение цен на продукты питания» — 32 %, «повышение тарифов на услуги ЖКХ» — 31 %. Далее градация тревожности населения следующая: «разделение общества на богатых и бедных» — 29 %, «произвол чиновников» — 28 %, «безопасность близких» — 25 %, «страх перед будущим» — 19 %, «преступность» — 17 %, «ухудшение положения пенсионеров в обществе» — 16 %, «падение нравов, культуры» — 15 %, «заккрытие, простой предприятий» — 14 %, «обострение межнациональных отношений» — 12 %, «экономические санкции против России» — 11 %, «высокая инфляция» — 10 %, «алкоголизм» — 10 %, «нар-

комания» — 9 %, «мировой экономический кризис» — 7 %, «задержка выплаты зарплаты, пенсий» — 6 %, «терроризм» — 6 % и «ухудшение отношений с США и Европой» — 3 % [2, с. 11–12].

В настоящее время во функционировании политических институтов продолжают сохраняться авторитарно-административные принципы и методы управления обществом, непрофессионализм и некомпетентность в реализации и принятии тех или иных политических решений. Остаются также неизменными составляющие коррумпированности и кадрового застоя, отсутствуют механизмы, которые могли бы адекватно, качественно и своевременно реагировать на процессы, происходящие в мире и социуме. Под современной политической культурой можно обозначить слабую выраженность перспектив и приоритетов социально-политического развития России [3, с. 121]. Как раньше, так и сейчас наблюдается то, что правящая политическая элита страны стремится полностью занять все политическое пространство вокруг себя, подчинить всевозможные институты, в социуме активно продолжает ограничиваться политический плюрализм, усиливается главенство олигархии. Свободы слова, как таковой, нет и не было, а правовая площадка для конкуренции и соперничества политических сил и идеологий становится все опаснее.

В тяжелых условиях реальности и бытия становится более чем очевидна объективная необходимость развития и повышения политической культуры современной России. Оптимизация и улучшение политической культуры российского общества в настоящее время могут быть достигнуты различными, непростыми путями. Одним из них является повышение политической грамотности и знаний с дальнейшим расширением и углублением этих самых знаний среди всего населения [4, с. 378–379]. Политические знания — это фундамент, базис осознанного, взвешенного и осмысленного политического поведения, без которого невозможно ориентироваться в политической обстановке в стране и мире. К тому же повышение политической грамотности способствует, улучшает и развивает адекватную толерантность, гуманистические принципы и взгляды, рациональность мышления и, разумеется, приближает главенство разумной демократии. Также стоит отметить, что сюда входит знание законов и конституции, что, в свою очередь, обеспечивает граждан защитой своих прав, свобод и личных интересов.

В развитие политической культуры современного российского общества также входит овладение приемами и методами политического

поведения. Приемы и навыки политического поведения людей формируются в результате их участия в выборах органов государственной власти, общественных организаций и прочих неформальных и формальных социально-политических институтов. К числу основных путей развития и повышения политической культуры современной России можно отнести демократизацию социума. Демократизация российского общества дает наиважнейшую предпосылку социально-политической активности личности, возрастание роли человеческих приоритетов [5, с. 215]. Основой и важнейшим требованием демократизации общества является вовлечение людей в политическую практику и формирование для этого правовой площадки. Если начнется повсеместная демократизация в обществе России, то постепенно и все государство сможет являться и называться демократическим на самом деле.

Если России удастся стать по-настоящему демократической, то она могла бы вместить в себя элементы делиберативной и партиципаторной демократии, но частично, взяв на вооружение некоторую часть инструментов и методов из этих двух видов демократии, поскольку всеобщая политизация общества и повсеместное участие со стороны партиципаторной демократии могут со временем привести к тоталитаризму или авторитаризму, в ходе чего может возникнуть угроза уничтожения (упразднения) частной собственности и предпринимательства, т. к. решения будет принимать большинство, а оно склонно к уравниванию всех.

Единственное, что точно известно, у России свой неповторимый и тернистый путь, следовательно, и менталитет вместе с политической культурой. До сих пор до конца неизвестно, по какому пути развития дальше пойдет наша многонациональная страна, какую форму правления выберет за основу.

Политическая культура граждан Российской Федерации несет в себе устойчивые аспекты прошлой, авторитарно-тоталитарной политической культуры, но при этом и меняющиеся, трансформирующиеся черты новой. Российский электорат, по большей части, ориентируется на отдельные личности, а не на партийные взгляды и идеи. Уже достаточно давно выявлена склонность к национал-радикальным и коммунистическим партиям. Ощутимый и весомый уровень протестного поведения свидетельствует о недоверии населения к кандидатам, партиям, органам власти и самой процедуре выборов. Можно с уверенностью сказать, что политическая культура в России напрямую зависит

от социально-экономического развития страны, особенно мы в этом можем убедиться, опираясь на события, происходящие в настоящий момент. Перспективы трансформации и преобразования новой политической культуры в России определяются возможностями преодоления последствий экономического и социального кризиса в стране, который препятствует отмиранию авторитарно-патриархальной политической культуры.

Под влиянием совокупности исторических факторов в России, условий, социально-политического строя на протяжении многих десятилетий и веков формируется специфическая и уникальная политическая культура нашей страны. Ее трансформация происходит по сей день и является крайне нестабильной, противоречивой, особенно в нынешних геополитических и внутривнутриполитических обстоятельствах. Требуется объективное развитие и повышение уровня политической культуры в России, что может быть обеспечено ответственной и высокоэффективной деятельностью всевозможных социальных и политических институтов, но не следует забывать, что немаловажную роль в развитии политической культуры и нашего государства в целом играют сами граждане — люди, которые всегда славились невероятной стойкостью, силой духа, высокой адаптивностью и верой.

Список источников

1. Ковалев В. В. Гражданская культура как базовый конструкт гражданского общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. № 1. С. 179—183.
2. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году / под ред. Г. В. Осипова [и др.]. М. : ИТД «Перспектива», 2020. 532 с.
3. Пеньков В. Ф. Политический процесс и политическая культура: к вопросу о методологии и практике политологических исследований в современной России. М. 2000. 166 с.
4. Соловьев А. И. Политология : Политическая теория, политические технологии. М. : Аспект Пресс, 2003. 559 с.
5. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

Научная статья

УДК 32.019.5

Аполитичность как явление современной общественной жизни

Юлия Викторовна Харланова

Тульский государственный педагогический университет
имени Л. Н. Толстого, Тула, Россия

psytu@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу аполитичности в современном обществе. Автор утверждает, что особенно остро стоит этот вопрос по отношению к молодежи. В статье разбираются причины аполитичности, а также методы воспитания, которые возможно применить по отношению к молодежи для изменения ситуации.

Ключевые слова: аполитичность, политическое воспитание, психология, личность, асоциальность

Original article

Apolicy as a Phenomenon of Modern Public Life

Yuliya V. Kharlanova

Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy, Tula, Russia

psytu@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the issue of apoliticality in modern society. The author argues that this issue is especially acute in relation to young people. The article examines the causes of apoliticality, as well as what methods of education can be applied in relation to young people to change the situation.

Keywords: apoliticality, political education, psychology, personality, asociality

На протяжении истории развития человечества в обществе существовал такой пласт населения, которому были безразличны власть и участие в политической жизни. Такое явление продолжает существовать и сегодня. Оно было названо с использованием префикса греческого происхождения и звучит как аполитичность.

К сожалению, в науке настоящая тема разбирается очень кратко и нет исследований, которые бы в полной мере раскрывали причины такого явления и определяли способы борьбы с ним. Настоящий вопрос является междисциплинарным и стоит на стыке психологии и политологии, т. к. аполитичность относится к социально-психологическим характеристикам личности, т. е. является чертой личности и относится к характеру человека.

Если говорить о Советской России, то в те времена быть аполитичным означало, что человек не находился в коллективе, не изучал труды К. Маркса и Ф. Энгельса и, соответственно, являлся врагом общества. В связи с демократизацией (как в России, так и за рубежом) свобода слова вызвала распространение понятия «аполитичность» [1].

Важность изучения настоящего вопроса очевидна, т. к. при большом количестве аполитичных людей в обществе может возникнуть анархия и другие различные негативные последствия. Таким образом, под аполитичностью мы поймем пассивное или отрицательное отношение человека к политическим вопросам и самой политике в целом.

Основные вопросы, которые встают в связи с наличием такого явления в обществе, — нахождение причин подобного аполитического поведения и возможности эти причины нейтрализовать.

За последние десятилетия человек стал более сознательным, он постоянно анализирует окружающий мир. В психологии есть даже разделение на факторы, которые человек может изменить, и факторы, которые ему не подвластны (принцип дихотомии контроля). Эти мысли были характерны еще для философов-стоиков, а сегодня продолжили свое развитие в рамках экзистенциальной психологии, в которой поднимаются вопросы достижения состояния счастья и нахождения смысла жизни. Обладая критическим мышлением, человек понимает, что политические явления от него не зависят и, соответственно, человек склонен быть аполитичным. Даже участие в выборах не приносит ощущения значимости собственного решения, т. к. в выборах участвует большое количество человек. Таким образом, аполитичными могут быть люди, придерживающиеся стоического подхода к жизни,

а принцип дихотомии контроля включает в себя понятие власти индивида и разделение ее на две части: активную и пассивную.

Вторая причина возникновения у человека аполитичности состоит в негативном отношении к настойчивости других людей по отношению к нему, желание свободы. Любой политический деятель стремится добиться расположения от населения, используя различные методы влияния. Соответственно, свободолюбивые люди меньше склонны интересоваться политикой, они не хотят быть скованными даже на уровне мышления.

Третьей причиной аполитичности может быть понимание того, что проблемы в экономике часто определяются действиями политиков. Следовательно, ухудшение экономической ситуации, влияющей на комфорт жизни людей, идет в прямой взаимосвязи с политическими событиями.

Одной из теорий, связанных с причинами аполитичности, является теория, которая говорит, что это качество человека связано не с безразличием, а со страхом. Хотя не до конца понятно, что именно бессознательно опасается человек в случае его негативного или нейтрального отношения к политике.

Практические исследования показывают, что сегодня снижается доля молодого поколения, которое участвует в политической деятельности. А ведь именно эта часть населения имеет очень большой потенциал в экономическом, демографическом и политическом смыслах. Надо сказать, что в науке выделяются пассивная и активная аполитичность. В первом случае человек никак не заявляет о своей позиции, не совершает каких-либо действий. Во втором случае он каким-либо образом доносит до окружающего мира свои взгляды в агрессивной или неагрессивной манере.

Для того чтобы изменить существующую ситуацию, необходимо использовать различные методы для работы с молодежью, которые бы определили высокий уровень политического воспитания. В педагогике выделяют две группы методов политического воспитания: прямые и косвенные. В первом случае информация дается непосредственно напрямую, а во втором случае имеются какие-то опосредованные способы.

Первым способом политического воспитания является убеждение. Несмотря на простоту такого метода, эффективность его невысокая. Он может сработать только в том случае, если наставник обладает опре-

деленным авторитетом для человека, его мнение значимо. В этом случае человек может принять новые взгляды и переосмыслить свои собственные [2, с. 224].

Вторым методом политического воспитания является принуждение, которое подкрепляется репрессивными санкциями. Такой метод считается неэффективным, его оптимальность также под вопросом. Возможно его единичное использование для влияния на людей, но такой метод не меняет мировоззрение человека.

Третьим методом политического воспитания является внушение, которое основано на некритическом принятии людьми канонов политической системы. Такой метод имеет больший вес по сравнению с предыдущими, но требует правильного использования, интеллекта и мудрости от наставника.

Еще одним методом политического воспитания является подражание, основанное на заражении яркими образцами нормативного поведения. К сожалению, этот метод применим только к подросткам или к внушаемым людям. В этом случае от наставника не требуется больших усилий: достаточно показать пример, а воспитанники его повторят.

Кроме методов политического воспитания можно выделить формы и средства, которые необходимы наставнику для эффективного процесса воспитания. На обсуждениях с молодежью наставники могут использовать различные газетные статьи на политические темы (как современные, так и исторические). Обсуждение может перерасти в дискуссию или диспут. Разница состоит в том, что в первом случае это может быть незапланированный разговор, а в случае с диспутом группа готовится заранее, собирает материал, участники разбираются в вопросе. Проведение групповых бесед всегда заинтересовывает молодежь, а правильное их ведение и организация может обеспечить мотивацию для всех участников [3, с. 118].

Отличной формой политического воспитания являются различные групповые путешествия, с целью разобраться в каком-либо политическом вопросе. В процессе обучения можно снимать ролики и выкладывать их в социальные сети, разговаривать с жителями, узнавать об их проблемах, отношении к политической ситуации.

В заключение хотелось бы сказать, что политическое воспитание часто называют гражданским, т. к. гражданская позиция человека определяет, насколько он включен в систему государственности, понимает

политические процессы, происходящие в обществе. Этот вид воспитания также сильно связан с патриотическим, т. к. опасность аполитичности состоит в возможности перехода ее в асоциальность. Наиболее важным это является для людей подросткового возраста, когда личность только формируется и необходимо отслеживать моменты, которые в дальнейшем могут негативно сказаться на развитии человека.

Список источников

1. Баранов А. В. Сравнительная политология. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2020. 172 с.
2. Воспитание человека в эпоху глобальных преобразований // Материалы II Международной научно-практической конференции. Челябинск : ЧИППКРО, 2020. 455 с.
3. Щуркова Н. Е. Система достойного воспитания. М. : АСТ, 2020. 252 с.

Научная статья

УДК 321.01+323.23

Особенности развития культуры гражданственности в России

Татьяна Валерьевна Черкашина

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

cherkashina.t.3@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению политической культуры россиян через призму концепции культуры гражданственности. Проанализированы установки и взгляды россиян, а также сделаны выводы о соотношении российской политической культуры и культуры гражданственности.

Ключевые слова: культура гражданственности, Россия, демократические ценности, авторитаризм.

Original article

Features of the Development of the Culture of Citizenship in Russia

Tatyana V. Cherkashin

Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

cherkashina.t.3@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the political culture of the Russians through the prism of the concept of the culture of citizenship. The attitudes and views of Russians are analyzed, and conclusions are drawn about the relationship between Russian political culture and the culture of citizenship.

Keywords: citizenship culture, Russia, democratic values, authoritarianism

Политическая культура вне зависимости от того, чем она характеризуется в том или ином государстве, несет в себе образцы политического поведения и модели действий, которые во многом определяют устойчивость и развитие общества, что делает политическую культуру важной частью политического процесса.

Одними из самых известных ученых, занимающихся изучением политической культуры, стали Г. Алмонд и С. Верба. Они представили результаты многолетних исследований, в ходе которых путем сравнения политических культур пяти стран был выявлен смешанный тип политической культуры — культура гражданственности, характеризующаяся сочетанием разных типов политической культуры в их наиболее гармоничном сочетании и способствующая стабильному развитию демократии [1, с. 20]. Данная модель предполагает информированного, заинтересованного и сознательного гражданина, который вместе с тем в меру активный в политическом процессе и достаточно лояльный к действующей политической элите.

Российская Федерация позиционирует себя как государство,двигающееся в сторону демократического развития, стремящееся расширить и укоренить гражданские либеральные ценности, а также сформировать соответствующую политическую культуру. В этой ситуации изучение российской политической культуры в рамках концепции культуры гражданственности можно считать вполне обоснованным решением. Если российская политическая культура имеет смешанный характер, как ее представляют многие исследователи, то возникает вопрос — насколько ее можно соотнести с концепцией Г. Алмонда и С. Вербы? А также может ли существующая смешанная политическая культура в России позитивно влиять на дальнейшее демократическое развитие нашей страны?

Культура гражданственности строится на трех основных балансах: балансе между активным политическим участием населения и его проявлением преданности; балансе между прагматическими и эмоциональными политическими ориентациями; балансе между политическим согласием и разногласиями. Именно через призму этих балансов мы и будем рассматривать современную политическую культуру России.

Начнем с рассмотрения первого баланса, основывающегося на степени политического участия граждан. Опросы общественного мнения показывают, что менее половины россиян (45 %) внимательно следят за политикой [2]. Согласно Г. Алмонду и С. Вербе граждане и не долж-

ны быть постоянно заинтересованы в политике. Тем не менее граждане должны быть потенциально активными, иметь резерв влияния и потенциал действия. Исследования этого аспекта в российском обществе констатируют неутешительные результаты. Чувство ответственности за происходящее в стране испытывают только 36 % респондентов. Кроме того, на способность хоть в какой-то степени повлиять на дела в стране указывают около 44 % опрошенных — это довольно низкий показатель [3].

Говоря о политическом участии, более подробно необходимо рассмотреть и выборы. Практика их проведения, которая подразумевает низкую значимость и важность предпочтений избирателей, привела на сегодняшний день к постепенному снижению у россиян готовности участвовать в управлении государством. Можно утверждать, что общество рассматривает их преимущественно как средство легитимного выражения отношения к власти и политикам, а не как способ участия в формировании состава политической элиты.

Важно рассмотреть также и протестный потенциал. Индекс общественного протестного потенциала, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), стабильно находится в пределах 30, из чего следует, что протестный потенциал у россиян довольно низкий [4]. Тем не менее из-за растущего недовольства возникают довольно сильные показательные локальные «взрывы».

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что на данный момент баланса между политической активностью и проявлением преданности со стороны граждан не существует. Мы отчетливо наблюдаем преобладание подданных ориентаций, заключающихся в низкой политической активности, отсутствии традиций и институтов гражданского контроля, вследствие чего у государства появляется возможность действовать самостоятельно и независимо. Тем не менее степень политической активности объясняется сложившейся структурой власти. Иными словами, низкая политическая активность — это «следствие достаточно отчетливого понимания того, как устроена российская политическая жизнь, на которую повлиять “простому человеку” крайне затруднительно» [5, с. 80].

Далее следует рассмотреть баланс между прагматическими и эмоциональными ориентациями. Особую эмоциональность и гордость вызывает победа в Великой Отечественной войне и статус «великой державы» [6]. Осознавая это, политическая власть умело этим пользуется,

создавая «культ прошлого» и провоцируя подъем патриотических настроений путем внешнеполитических событий. Так, анализируя рейтинг президента, можно увидеть, что его скачки совпадают с такими событиями, как: присоединение Крыма к России; празднование 70-летия победы в ВОВ; специальная военная операция на Украине и др.

Касаемо прагматических ориентаций, то в этом случае показательна следующая статистика: примерно половина граждан считают политическую обстановку в России напряженной, около 40 % характеризуют экономическое состояние в стране как плохое [7]. Между тем такие показатели не подталкивают россиян к каким-либо действиям, они не стремятся и не хотят что-либо менять. Во многом это связано с низкой политической компетентностью — отсутствием необходимых знаний и демократических навыков.

В итоге баланс между прагматическими и эмоциональными ориентациями также не соблюдается. Низкая политическая компетентность не позволяет гражданам отстаивать свои интересы и создает условия, когда власть может сохранять приверженность существующему режиму за счет эмоциональных ориентаций при помощи апеллирования к прошлому и «консолидации вокруг знамени».

Далее рассмотрим баланс между политическими разногласиями и политическим согласием. Безусловно, в России существует много партий с совершенно разными взглядами, но трудно сказать, что их поддержка достаточно сильна. Иными словами, в России формально существует политическая конкуренция, но она не приводит к желательным политическим разногласиям, необходимым для демократического развития.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что, если нет политических разногласий, значит, в обществе существует консенсус. Однако это не так. В понимании Г. Алмонда и С. Вербы политическое согласие опирается на политическое и социальное доверие, установку на солидарность, готовность к сотрудничеству. Анализ данных ориентаций в российском обществе показывает неутешительные результаты. Так, согласно исследованию, Россия по совокупному доверию к государству, СМИ, бизнесу и негосударственным организациям занимает последнее место среди 26 стран мира [8]. Более того, проблема доверия существует и на межличностном уровне — 67 % респондентов считают, что «с другими людьми нужно быть осторожными» [9, с. 55]. В связи с этим появляются и трудности в формировании гражданского общества.

В итоге третий баланс также не соблюдается. Недостаток идеологически разных политических групп приводит к нехватке политического плюрализма. Этот недостаток можно было бы компенсировать развитыми институтами гражданского общества, однако из-за политического и социального недоверия эти институты не развиты, что создает еще более сложную обстановку и трудности для демократического развития.

Таким образом, рассмотрев соотношение ключевых элементов культуры гражданственности в рамках российской политической культуры, можно сказать, что необходимые балансы еще не сформированы, а в каждом соотношении преобладают более пассивные установки. Тем не менее, при том, что в политической культуре проявляются и авторитарные, и подданнические, и этатистские ориентации, нельзя исключать из внимания изменения в отношении к демократическим ценностям. Так, согласно опросам, только 24 % россиян считают демократию неподходящим режимом для России. Конечно, по мнению социологов, демократия представляется очень размытым понятием в глазах россиян, однако при этом позитивным [10, с. 41]. Исследования также показывают, что половина российских граждан считает, что «для российской политической системы важнее сменяемость власти и появление новых политиков, т. к. стабильность и узкий круг политиков во власти могут препятствовать улучшению жизни обычных граждан» [11].

Вырос и страх произвола властей, его отмечают 58 % опрошенных [12]. Изменения наблюдаются и в опросах относительно значимости тех или иных демократических свобод, в пятерку лидеров вошли права на справедливый суд и на свободу слова, причем количество респондентов, отмечающих важность второго, увеличилось с 2017 г. почти на 30 % [13]. Исходя из этого, можно утверждать, что в российском обществе стойкость запроса на «сильную руку» связана с неудовлетворенностью властью. Тем не менее это не исключает, а во многом даже провоцирует, постепенное формирование запроса на ее сменяемость и снижение ее влияния в некоторых сферах общественной жизни.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы. Политическая культура России действительно имеет смешанный характер. Смена политических курсов и попытка демократизации страны в конце XIX в. обусловили смешение черт как демократической,

так и авторитарно-подданнической направленности. Однако культура гражданственности на сегодняшний день характеризуется слабой развитостью в политическом сознании населения. Это предопределяется тем, что россияне находятся на низком уровне по политической активности, пониманию того, что нужно осуществлять гражданский контроль, по ощущению готовности объединяться с другими в ситуациях политической напряженности, что связано с низким политическим и социальным доверием. Более того, уровень всех указанных критериев не удастся повысить из-за низкой политической компетентности, а также кризиса политической социализации.

Однако если мы примем во внимание российскую политическую историю, то наличие и воспроизводство таких тенденций не удивительно. Географическо-природные и исторические факторы во многом стали причиной формирования данных ориентаций, но их цикличная актуализация является следствием существующей структуры политической системы и ее функционирования. Провал демократизации в 1990-х гг. спровоцировал распространение авторитарных ориентаций, преобладание которых было закреплено в советский период. Эти ориентации позволили власти в начале 2000-х гг. действовать довольно жестко и независимо, впоследствии получив большие властные полномочия. Но для их сохранения и закрепления статуса-кво политической элите приходится постоянно трансформировать политическую систему, чтобы все сильнее в ней закреплялись подданнические и авторитарные черты. Безусловно, чем больше власть расширяет свои полномочия, тем сильнее меняются общественные запросы. Это явно прослеживается на примере увеличения значимости демократических прав и свобод, увеличения протестного потенциала и роста неудовлетворенности политической системой и экономическим развитием. Однако эти изменения слишком малы по сравнению с ресурсами политической верхушки, при помощи которых она активно препятствует расширению этих изменений. В результате говорить о формировании демократической политической культуры или демократического режима на данный момент в России сложно. Это произойдет только в том случае, если сама политическая элита не решит осуществить процесс демократизации, что, судя по нынешнему политическому курсу, маловероятно.

Список источников

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / пер. с англ. Е. Генделя. М. : Мысль, 2014. 500 с.
2. Политическое участие и отношения с государством в России // Левада-Центр. Пресс-выпуск от 16.03.2021. URL: <https://clck.ru/rv9x8/> (дата обращения: 17.03.2022).
3. Ответственность и влияние // Левада-Центр. Пресс-выпуск от 17.11.2021. URL: <https://clck.ru/rvArF> (дата обращения: 21.03.2022).
4. Протестный потенциал // ВЦИОМ. URL: <https://clck.ru/rvBDT> (дата обращения: 18.03.2022).
5. Петухов В. В. Демократия участия и политическая трансформация России. М. : Академия, 2007. 176 с.
6. Гордость и идентичность // Левада-Центр. Пресс-выпуск от 19.10.2020. URL: <https://clck.ru/rvBcu> (дата обращения: 23.03.2022).
7. Политика и экономика: оценки и перспективы // Левада-Центр. Пресс-выпуск от 11.01.2022. URL: <https://clck.ru/rvGJ3> (дата обращения: 21.03.2022).
8. 2020 Edelman Trust Barometer // Edelman. URL: <https://clck.ru/rvGUv> (дата обращения: 24.03.2022).
9. Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире // НИУ ВШЭ. № 2. URL: <https://clck.ru/rvGpW> (дата обращения: 10.03.2021).
10. Волков Д., Гончаров С. Сводный аналитический отчет. Демократия в России: установки населения // Левада-Центр. URL: <https://clck.ru/rvH2w> (дата обращения: 22.03.2022).
11. Сменяемость власти // Левада-Центр. Пресс-выпуск от 30.03.2020. URL: <https://clck.ru/rvHgL> (дата обращения: 19.03.2022).
12. Характер и структура массовой тревожности в России // Левада-Центр. Пресс-выпуск от 21.02.2021. URL: <https://clck.ru/X2kKM> (дата обращения: 19.02.2022).
13. Права и свободы // Левада-Центр. Пресс-выпуск от 22.11.2021. URL: <https://clck.ru/rvKZX> (дата обращения: 25.03.2022).

Научная статья

УДК 32.019.52

Потребность в вере и прямой связи с главой государства как особенности политической культуры России

**Дмитрий Юрьевич Чиркин¹
Евгений Владимирович Иванов²**

^{1,2} Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ 4ir_dim@mail.ru

² ivanov.evgen2000.evgenij@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена исследованию особенностей политической культуры России. Проанализирована современная технология прямой связи главы государства и населения на примере передачи «Прямая линия с президентом». Определены причины появления данного типа связи, положительные и отрицательные стороны передачи, изучено текущее положение дел в системе взаимодействия россиян и президента страны.

Ключевые слова: политическая культура, Россия, личность лидера, государство, президент, прямая связь

Original article

The Need for Faith and Direct Connection with the Head of State as Features of Russian Political Culture

**Dmitrij Yu. Chirkin¹
Evgenij V. Ivanov²**

^{1,2} Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

¹ 4ir_dim@mail.ru

² ivanov.evgen2000.evgenij@mail.ru

Abstract. The work is devoted to the study of the peculiarities of the political culture of Russia. The modern technology of direct communication between the head of state and the population in the form of the program “Direct Line with the President” is analyzed. The reasons for the appearance of this type of communication, the positive and negative aspects of the transfer are determined, the current state of affairs in the system of interaction between Russians and the president of the country is studied.

Keywords: political culture, Russia, leader’s personality, state, president, direct connection

Политическая культура — это исторический опыт и память социальных общностей и отдельных людей в сфере политики, их ориентации, навыки и впечатления, а также предпочтения как в области внутренних, так и международных отношений, влияющих на политическое поведение и деятельность [1, с. 128]. Определяя политическую культуру народа, следует учитывать, что такая большая социальная общность имеет весьма долгую память и смена парадигм политических ценностей, которые тоже входят в политическую культуру, может длиться столетия.

Тесную связь между историей государства и текущей политической культурой демонстрирует политическая культура России. Обычно в западных рейтингах демократии и прав человека международные эксперты относят Россию к нижним позициям списков, часто называя ее авторитарным государством с патерналистской политической культурой [2]. Возможно, в их словах есть доля истины на текущий момент, ибо для этого существовали определенные исторические предпосылки.

Полноценное российское государство сформировалось к концу XV в. До этого с XI по XIII вв. существовала Киевская Русь, но развитие данного государства было нестабильным из-за княжеских раздоров. В 1240 г. оно было остановлено в результате поглощения Золотой Ордой. Лишь после стояния на р. Угре Московское княжество смогло избавиться от формального внешнего управления. Длительный период «собираания земель русских», многочисленные войны, угроза распада

государства в Смутное время повлияли на формирование отечественной политической культуры. Так, триггером к ослаблению государства и внешней интервенции со стороны Речи Посполитой стали неопределенность в наследовании престола и утрата народом веры в «достойного царя». Смута закончилась в 1613 г. воцарением династии Романовых, правившей до 1917 г.

В течение трех веков Россия неоднократно вела войны, поддерживая свой авторитет на политической арене Европы. В 1917 г. монархический период сменился эпохой Советского государства, обретшего свою сущность на полях Гражданской войны. Отсутствие признания со стороны влиятельных западных стран до 1933 г. вынудило правительство СССР использовать жесткие меры для поддержания порядка в стране и предотвращения внешних посягательств. Великая Отечественная война и холодная война усилили вмешательство государства в частную жизнь, способствовали расширению власти КПСС как организатора защиты суверенитета СССР и самому его существованию. В 1991 г. распад СССР ознаменовал начало новой эры постсоветской России.

Очевидно, что большую часть своего развития государство было вынуждено защищаться от внешних угроз и агрессии. В результате произошла централизация политической власти в одних руках (великий князь, царь, император, генеральный секретарь) для повышения эффективности и оперативности управления. А. С. Ахиезер справедливо указывает, что Россия находится в такой ситуации, когда военное положение то усиливается, то ослабевает [3, с. 482–484]. По этой причине для русского народа вполне объяснима тяга к яркой фигуре государя-катехона, вседержателя земли Русской как символа государства.

Другой причиной склонности российского государства к патернализму и усилению государственного контроля является территория страны. На протяжении XV–XX вв. территория России расширялась и у правителей возникала потребность в хорошо налаженном контроле за отдаленными областями для предотвращения сепаратизма и стабильного сбора налогов. С учетом слабого развития средств связи стали использоваться следующие меры: централизация управления, назначение в регионы представителей государя, выстраивание жесткой системы законов, «напоминающих» региональным управляющим (воеводам, губернаторам, партийным секретарям) о наличии вышестоящей власти.

Наконец, почву для патерналистской политической культуры подготовила сама природа России — восточные славяне расселены в зоне рискованного земледелия, требующей максимального напряжения ресурсов всего сообщества для того, чтобы собрать один урожай в год, в отличие от двух урожаев в Западной Европе. Для организации сельскохозяйственных работ требовался жесткий характер управления, «поглощавший» мнение и права индивида.

В итоге в российской политической культуре сформировались установки на сильную централизованную власть с влиятельной фигурой правителя, превалирование государственных интересов над частными, а также договор между обществом и государством, при котором общество не участвует в политике, а государство обеспечивает обществу стабильное экономическое развитие [4, с. 77]. Г. А. Алмондом и С. Вербой такая политическая культура называется *подданныческо-партиципаторной*. Партиципаторная в данном случае образуется от английского слова *to participate* — участвовать [5, с. 107–108]. Такой эклектизм объясняется тем, что в истории России были периоды проявления активности демократической культуры: вече в Новгороде, реформы Александра II, создание первой российской Думы в 1905 г. и либеральные реформы 1990-х гг. Однако последний период характеризуется негативным влиянием рыночных реформ, приведших к обнищанию большей части населения и к ухудшению криминальной ситуации, что создало в сознании общества тесную связь между демократией и хаосом.

Следуя М. Веберу, в нашей стране преобладает харизматический тип легитимации власти, когда народ доверяет и поддерживает лидера, а не институт. При монархии великий князь, царь или император представляли посланниками Божиими на земле, церковью проповедовался принцип «всякая власть от Бога» [6, с. 121]. При советской власти вся мощь идеологии и пропаганды была направлена на сакрализацию генерального секретаря, что особенно ярко выразилось в сталинский период.

В XXI в. сохраняется ориентация населения на личность лидера. Учитывая хаос 1990-х гг. (инфляция, дефолт, разгул преступности), Президент В. В. Путин с его курсом на стабильность обрел высокий авторитет в глазах народа. Факт его службы в КГБ благоприятно отразился на его репутации среди избирателей, т. к. совпал с традиционным запросом россиян на безопасность и «крепкую руку» правителя. Согласно данным опросов, уровень доверия Президенту среди наро-

да остается стабильно высоким, чего нельзя сказать о доверии к таким институтам власти, как парламент и правительство [7; 8]. Институты парламентаризма не получили должного развития в нашей стране, т. к. периодически в чрезвычайных ситуациях власть концентрировалась в руках одного руководителя или органа власти. К тому же парламент длительное время интерпретировался как консультативный орган по отношению к правителю, будучи в большей степени соборным, нежели самостоятельным [9, с. 238–239].

Однако в любой политической системе для улучшения ее функционирования должны быть механизмы обратной связи. Учитывая низкий уровень доверия парламенту и правительству, народ предпочитает прямую связь с главой государства вместо опосредованной. К опосредованным формам обратной связи с государством можно отнести парламентские выборы, когда мнение народа до главы государства доносят избранные депутаты. На неэффективность данного способа политической коммуникации с Президентом указывает низкая явка на парламентских выборах всех уровней [10; 11]. Вследствие этого активизируется применение инструментов прямых контактов с Президентом. Люди хотят прямого диалога с руководителем государства, доводя до него надежды и просьбы. Этим обусловлены высокие рейтинги «Прямой линии с Президентом», где Президент без посредников отвечает на вопросы граждан [12]. Люди общаются именно с личностью Президента, а не с институтом президентства.

Данное мероприятие выполняет ряд важных функций: 1) опросную, показывающую настроения в стране; 2) демократизации режима; 3) формирования имиджа Президента как открытого и доступного лидера; 4) преобразовательную (разоблачение нечестных чиновников и политиков, поручение главам регионов разобраться с проблемой на местах); 5) информативную (например, отчеты о проблемах и успехах); 6) терапевтическую (снижение напряженности в обществе через описание достижений и решение ряда проблем во время или после эфира).

У мероприятия есть свои особенности: 1) монологизм — глава государства может акцентировать внимание на различных темах, не отвечая на неудобные вопросы, а также дезинформируя граждан. Также есть вариант обнаружения виноватых — зарубежные государства, местные чиновники, оппозиционеры и т. п., тем самым негатив ситуации отводится от выступающего; 2) мифологизация — Президент предстает в роли всесильного человека, способного решить любые вопросы.

Однако в случае серьезных проблем, требующих значительных усилий и времени, данный образ может «потускнеть», что приведет к серьезному недоверию населения [13, с. 121–123].

На «Прямых линиях» Президенту часто поступают вопросы, не относящиеся к компетенциям главы государства, среди них много таких, которые должны решать региональные или местные власти. В период пандемии коронавируса в регионах были протесты против введения QR-кодов, которые протекали в форме «народных сходов». На них протестующие записывали видеообращения не только к местным властям и губернатору, но и к Президенту, хотя решение о вводе QR-кодов относилось к компетенции именно губернаторов [14; 15]. Даже в столь кризисной ситуации у людей по большей части сохранялась вера в правителя и его помощь народу.

Итак, политическая культура России является по своей сути подданинско-партиципаторной с харизматическим типом легитимизации. Рейтинг Президента Путина после выборов 2004 г. почти не опускался ниже 60 %, потому что внутренняя и внешняя политика соответствуют политическим ценностям широких масс населения. В качестве механизма обратной связи в отечественной политической системе используется передача «Прямая линия с Президентом», во время которой граждане могут обратиться к главе государства для решения своих проблем. Передача является для людей выражением харизмы лидера и его близости к народу, демонстрацией заинтересованности президента в том, как живут его избиратели. Подобные мероприятия усиливают легитимность главы государства и будут сохраняться в будущем.

Список источников

1. Грачев М. Н., Ирхин Ю. В. Актуальные проблемы политической науки. М. : Экономическая демократия, 1996. 188 с.
2. EIU Democracy Index 2020 — World Democracy Report // Eiu.com. URL: <https://clck.ru/sAUV6> (дата обращения: 23.03.2022).
3. Ахизер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? 3-е изд., испр. и доп. М. : Новое издательство, 2013. 496 с.
4. Иванова О. В. Особенности демократии в России // Культура. Духовность. Общество. 2015. № 20. С. 74–79.
5. Ирхин Ю. В. Социология культуры. М. : Экзамен, 2006. 525 с.

6. Керимов А. А. Легитимность политической власти в современной России: основания и перспективы // Власть. 2015. № 3. С. 121–123.
7. Демократические институты в России: велик ли ресурс доверия избирателей? // ВЦИОМ. URL: <https://clck.ru/sAUm9> (дата обращения: 30.03.2022).
8. Деятельность государственных институтов // ВЦИОМ. URL: <https://clck.ru/sAVCK> (дата обращения: 29.03.2022).
9. Григорьева Е. Б. Авторитарный синдром как фактор российского политического режима // Вестник СамГУ. 2013. № 8.1 (109). С. 235–244.
10. Выборы-2016. Итоги // Интерфакс. URL: <https://clck.ru/sAVeh> (дата обращения: 27.03.2022).
11. Выборы в Госдуму. Главное // РБК. URL: <https://clck.ru/Xgits> (дата обращения: 29.03.2022).
12. Доля зрителей прямой линии с Путиным от общей телеаудитории составила 51,5 % // ТАСС. URL: <https://clck.ru/sAW75> (дата обращения: 28.03.2022).
13. Давыборец Е. Н., Оврах Н. К. «Прямые линии с Владимиром Путиным» как механизм демократии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 3. С. 117–125.
14. Жители Кировграда собрались у вечного огня. Приехала полиция // Tksmi.ru. URL: <https://clck.ru/sAWTi> (дата обращения: 30.03.2022).
15. На Камчатке антипрививочники вышли на митинг против введения QR-кодов // Камчатка-информ. URL: <https://clck.ru/sAWkj> (дата обращения: 29.03.2022).

Часть 5. Проблемы повышения качества и уровня культуры политической власти

Научная статья

УДК 327

Особенности политической культуры дипломатов в XIX в. (по материалам переписки Демидовых с влиятельными государственными деятелями)

Татьяна Владимировна Вербицкая

Государственный архив Свердловской области, Екатеринбург, Россия

aquitania-17@yandex.com

Аннотация. Работа посвящена исследованию специфики традиций, правил и практик, составляющих политическую культуру российской дипломатии в XIX в. Установлено, что закрытость данной группы политической элиты, а также превалирование официально не регламентированных практик обуславливают значимость изучения документов, освещающих определенные аспекты политической культуры указанных государственных служащих, составленных представителями власти, которые имели отношение к дипломатии. Определено, что изучение особенностей политической культуры дипломатов в XIX в. позволяет понять специфику современной культуры указанной элитной группы власти.

Ключевые слова: политические традиции, властная элита, неофициальные практики, титул, церемониал, дипломатическая служба

Original article

Peculiarities of Political Culture of Diplomats in the 19th Century (By the Materials of the Demidovs' Correspondence with Influential Public Officers)

Tatyana V. Verbitskaya

State Archive of the Sverdlovsk Region, Ekaterinburg, Russia

aquitania-17@yandex.com

Abstract. The work is devoted to the study of the specifics of the traditions, rules and practices that make up the political culture of Russian diplomacy in the 19th century. It has been established that the closeness of this group of the political elite, as well as the prevalence of officially unregulated practices, determines the importance of studying documents covering certain aspects of the political culture of these civil servants, compiled by government officials who were related to diplomacy. It is determined that the study of the features of the political culture of diplomats in the XIX century. Allows us to understand the specifics of the modern culture of this group of the ruling elite.

Keywords: political traditions, power elite, unofficial practices, title, ceremonial, diplomatic service

Российские дипломаты к XIX в. сформировали устойчивую относительно закрытую группу государственной элиты, политическая культура которой имеет глубокие корни. Для того чтобы укрепить свой статус на дипломатическом поприще, необходимо было неукоснительное соблюдение норм и практик политической культуры. Именно особенности политической культуры являются детерминирующими при характеристике дипломатической службы тех времен. Поскольку правила поведения дипломатов и традиции их продвижения по службе не были по большей части официально регламентированы, и доступ к этой группе политической элиты был едва ли возможен, анализ специфики политической культуры российской дипломатии XIX в. возможен посредством изучения переписки государственных деятелей, имевших представление о сфере внешних отношений благодаря своей службе. К числу таких государственных деятелей относится так называемая флорентийская ветвь Демидовых, представители которой состояли на службе в дипломатических миссиях России в Италии (и особенно во Флоренции и Тоскане), переписывались с А. М. Горчаковым, Г. П. Волконским, представителями зарубежной политической элиты. Так в чем же состоят особенности политической культуры дипломатии XIX в.?

Специфика политической культуры российской дипломатии XIX в. проявляется в таких аспектах, как правила поведения по отношению к другим представителям этой группы элиты и во внешних отношениях; церемониал присвоения и признания пожалованных титулов;

практика продвижения по карьерной лестнице на дипломатическом поприще.

В рамках первого аспекта, правил поведения дипломатов, можно выделить две составляющие: формальную и содержательную. Формальная заключается в необходимости точного указания статуса (его или ее превосходительство, величество, высочество — *Son Excellence*, *Eccellenza*, *Altesse*, *Altezza*, *Majesté*, *Maestà*, однако можно ограничиться двумя заглавными буквами, обозначающими статус — *S. E.*, *S. M.*), дворянских титулов (барон, маркиз, граф, князь (*prince*, *principio*)) и титулов, полученных по службе (господин статский советник, камергер, канцлер, кавалер ордена), использовании формул вежливости из деловой практики Франции. Знание языка и традиций той страны, где дипломат нес службу, к числу обязательных требований не относилось.

Содержательная составляющая заключается в том, чтобы выполнять возложенные обязанности, поручения и делать все, что возможно, в интересах государства, содействовать достойному представлению России на международной арене. Однако нельзя было вмешиваться в то, как другие исполняют возложенные задачи, даже если складывалось впечатление, что у других служащих получается выполнить ту или иную миссию не лучшим образом. Так, в одном из писем Г. П. Волконский журит А. Н. Демидова за то, что тот препятствовал по дипломатическим каналам публикации российских дипломатов во французской прессе, поскольку полагал, что у него получилось бы лучше, и уточняет: «Ты не должен стеснять господ Дюрана, Швейцера, Толстого и компанию в том, что они должны делать в прессе в соответствии с инструкциями, которые им отправляют; что любое действие с твоей стороны в этом контексте будет воспринято как противное намерениям нашего правительства; и наоборот, любое благожелательное действие с твоей стороны, нацеленное на то, чтобы облегчить этим господам и графу их усилия в прессе, будет воспринято здесь положительно и тебе будут очень признательны» [1, д. 229, л. 40 об.].

При этом представление и защита интересов российских дипломатов во внешних отношениях осуществлялись исключительно через канцлера, министра иностранных дел. Именно он представлял российскому императору любое назначение на дипломатический пост. Так, именно А. М. Горчаков представил меморандум в обоснование прав Анатолия и Павла Николаевичей Демидовых на наследство оставшегося после смерти И. Н. Романовича (воспитанника их отца

Н. Н. Демидова) имения Лимонии в Тоскане на аудиенции у Великого герцога Тосканского [2, д. 11, л. 71, 86]. Также именно А. М. Горчаков направил в июле 1855 г. письмо А. Н. Демидову от своего имени с поздравлениями с присвоением второму титулу действительного статского советника [3, д. 223, л. 6 об—7]. А. М. Горчаков также лично ходатайствовал перед российским императором о том, чтобы А. Н. Демидова назначили корреспондентом Департамента по проблемам Азии (*фр.* Département asiatique) МИД Российской империи.

В отношении присвоения титулов в сфере внешних отношений следует отметить, что в XIX в. все без исключения дипломаты были дворянами, фамилии которых вписаны в Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи [4]; по истечении нескольких лет службы (или ранее, за особые заслуги перед отечеством, такие как пожертвования на нужды войны, благотворительность) присваивался очередной титул — статский советник, действительный статский советник, камергер. Кроме того, российские дипломаты получали также почетные титулы и от иностранных государств, которые не всегда признавались в Российской империи. Так, А. Н. Демидов сначала в качестве графа, затем и князя был вписан в Золотую книгу дворянских родов Флоренции и Тосканы, за создание в имении Сан-Мартино музея Наполеона I получил титул кавалера легиона чести, что было признано в Российской империи и включено в его формулярный список [2, д. 11, л. 89—96]. Когда Е. П. Демидов в 1890 г. подал прошение императору России Александру III с просьбой признать заслуженный его отцом титул князя Сан-Донато в России, то получил отказ [5, д. 21, л. 6—7].

Следует отметить, что продвижение по дипломатической службе было очень медленным и затрудненным. Изначально можно было получить только должность секретаря посольства. Чтобы добиться поста выше секретаря, кроме выполнения поручений в интересах России (желательно было состоять на государственной службе в одном из российских ведомств), необходимо было заручиться поддержкой главы того подразделения МИД, в котором хотелось бы служить. Для этого нужно было содействовать успеху ведомства в одном из проектов (или его руководителя лично) [6, с. 181; 7, с. 210].

Таким образом, политическая культура российской дипломатии XIX в. отличается такими особенностями, как строгая регламентация всех сторон жизни и поведения дипломатов; внимание к почетным знакам, знакам отличия и процедуре их получения как элементам ста-

туса государственного деятеля и основания для продвижения по службе; неукоснительное следование иерархии в первую очередь дворянских титулов и во вторую званий, полученных в процессе службы; обилие правил, затрудняющих продвижение по карьерной лестнице (и поэтому чаще всего более высокий пост можно было получить только после смерти предшественника) и барьеров, препятствующих увеличению числа дипломатов; требование к знанию французского языка, независимо от места несения службы и традиций документооборота Франции.

К первой четверти XIX в. Демидовым удалось наладить связи с представителями влиятельных дворянских родов России и Европы, что позволило им привести свое поведение в соответствие с традициями политической культуры российской дипломатии, однако больших высот им добиться не удалось из-за барьеров, затрудняющих продвижение по службе. Однако их переписка позволяет изучать особенности политической культуры российской дипломатии, выявить которые сложно из-за закрытости этой группы элиты, и понять специфику политической культуры современной не менее закрытой российской дипломатии.

Список источников

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 102 «Демидовы, горнозаводская династия». Оп. 1. Д. 299. Л. 40 об.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1267 «Демидовы, государственные деятели и владельцы имений». 1724–1920 гг. Оп. 13. Д. 11. Л. 89–96.
3. ГАСО. Ф. 102. 1715–1919 гг. Оп. 1. Д. 223. Л. 6.
4. Демидов — Гербы дворянских родов Всероссийской империи // Общий гербовникъ дворянскихъ родовъ Всероссийскія имперіи. URL: <https://clck.ru/sEzTy> (дата обращения: 08.04.2022).
5. РГАДА. Оп. 13. Д. 21. Л. 6–7.
6. Ауров О. Дипломатия у Святых мест // Свободная мысль. 2014. № 3 (1645). С. 209–214.
7. «Среди русских дипломатов». Из воспоминаний русского корреспондента в Риме // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2016. № 6. С. 176–207.

Научная статья

УДК 316

Природа протестных настроений в современном российском обществе и пути их конструктивного преодоления (на примере пандемии COVID-19)

Елена Викторовна Бродовская¹

Анна Юрьевна Домбровская²

Александр Сергеевич Огнев³

Роман Васильевич Парма⁴

Мария Александровна Давыдова⁵

Владимир Андреевич Лукушин⁶

¹⁻⁶ Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

¹ brodovskaya@inbox.ru

² andoc@yandex.ru

³ psychology@rosnou.ru

⁴ pyrma@mail.ru

⁵ marchikdavydova@mail.ru

⁶ VALukushin@fa.ru

Аннотация. Представлены материалы исследований природы протестных настроений российских граждан по отношению к предпринимаемым государственными органами власти действиям по борьбе с пандемией. По итогам проведенного эмпирического анализа методом окулметрии выявлены сопряжения между протестной ориентацией и психосоциальными характеристиками участников эксперимента. У протестно ориентированных граждан выявлена повышенная фиксация на графических символах и текстовых сообщениях, которые играют роль триггеров танатофобии, преобладание экстернального локуса контроля, доминирование восприятия себя в качестве жертв обстоятельств.

Ключевые слова: протестные настроения россиян, противники вакцинации, преодоление протестной мобилизации массового сознания, окулметрия, айтрекинг, фокусированное интервью

Финансирование. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия).

Original article

The Nature of Protest Moods in Modern Russian Society and Ways to Overcome them Constructively (By the Example of the COVID-19 Pandemic)

Elena V. Brodovskaya¹
Anna Yu. Dombrovskaya²
Aleksandr S. Ognev³
Roman V. Parma⁴
Mariya A. Davydova⁵
Vladimir A. Lukushin⁶

^{1–6} Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ brodovskaya@inbox.ru

² andoc@yandex.ru

³ psychology@rosnou.ru

⁴ pyrma@mail.ru

⁵ marchikdavydova@mail.ru

⁶ VALukushin@fa.ru

Abstract. Materials of studies of the nature of the protest moods of Russian citizens in relation to the actions taken by state authorities to combat the pandemic are presented. According to the results of the empirical analysis, the oculometry method revealed the conjugations between the protest orientation and the psychosocial characteristics of the participants in the experiments. Protest-oriented citizens revealed an increased fixation on graphic symbols and text messages, which play the role of thanatophobia triggers, the predominance of an external locus of control, the dominance of perceiving oneself as victims of circumstances.

Keywords: protest moods of Russians, opponents of vaccination, overcoming the protest mobilization of mass consciousness, oculometry, eye-tracking, focused interview

Funding. The article was carried out based on the results of research which has been supported within the state assignment of Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Период пандемии COVID-19 оказал существенное воздействие на экономическую, социальную, политическую и повседневную жизнь общества. Меры, принимаемые государством по нераспространению коронавируса, послужили триггером протестной активности граждан по всему миру, в том числе и в России. Оппозиционная активность россиян была сопряжена с циркулирующей в информационном пространстве риторикой «несоответствия интересов власти и населения» в процессе борьбы с пандемией. Активность оппозиционных агентов в цифровой среде усиливала рост протестных установок российских пользователей социальных медиа.

Период 2020 — начала 2022 гг. связан с лавинообразным появлением научных публикаций, сфокусированных на анализе общественно-политических эффектов COVID-19: Дж. Блумлер, С. Коулман [1, с. 3–19], Ф. Бетке, Дж. Вольф [2, с. 363–374] и др. исследователи обосновывают роль пандемии как фактора тектонического сдвига в развитии гражданского общества и политических режимов современных государств.

С. Уотерлосс, Дж. Де Меуленере, М. Уолрейв, К. Поннет и др. показали сильную прямо пропорциональную корреляцию между потреблением гражданами политических новостей в Сети, подпиской на сообщества с гражданской повесткой и общественным активизмом (проявлением протестных установок) во время распространения коронавируса [3, с. 777–794].

С. Брукс проанализировал механику создания общественного резонанса вокруг пандемической дезинформации и приемы усиления пользовательской поддержки критики ограничительных мер в эпоху пандемии [4, с. 912–920].

И. А. Батанина, Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Р. В. Парма исследовали цифровые технологии социальной дезинтеграции российского общества в период развития ограничительных мер по нераспространению COVID-19 [5, с. 3–14].

Исследование реакций россиян на разные виды цифрового контента с помощью окулуметрических методов выявило множественные проявления непрагматической протестной активности испытуемых [6, с. 67–72]. Была подтверждена гипотеза о сценарной заданности подобных протестов более чем у половины протестующих. При этом неожиданным оказалось, что даже при обсуждении того, почему участники эксперимента противятся вакцинации, не менее трети упоминали, что все это — недоработки действующей власти. О том, что такая связь — следствие все того же протестного сценария, говорили неаргументированные заявления оппозиционного характера. Это позволило предположить, что упоминания о зарубежных протестах, вопросы о пользе или вредоносности вакцины — это своего рода способы «подогрева благодатной почвы» и одновременно триггеры для запуска протестных сценариев, стереотипной частью которых является целый протестный комплекс. По-видимому, составной частью такого протестного комплекса у значительного числа склонных к протестному поведению граждан является недовольство властью в целом, которое запускается полуавтоматически любыми ее действиями, связанными с изменением привычного для них жизненного уклада.

Исходя из этого, исследование нацелено на выявление психосоциальных механизмов формирования протестных установок у россиян на основе их отношения к ограничительным мерам по нераспространению коронавируса.

Методология исследования опирается на следующие подходы:

- сетевой подход, позволивший рассматривать процесс распространения антипрививочных установок с позиций особых механизмов интериоризации идей и мнений в микросоциальном окружении и влияния лидеров общественного мнения (сетевых агентов) на этот процесс (Ф. Н. Ховард, М. Р. Паркс) [7, с. 359–362];
- когнитивный подход, обеспечивший возможности атрибутирования и интерпретации рациональных и иррациональных психолингвистических приемов формирования оппозиционных установок у граждан (П. Данливи, Р. Дж. Далтон) [8, с. 282; 9, с. 330–344];
- социальный конструкционизм в дискурсивно-психологической версии, позволивший рассмотреть пространство межличностной коммуникации как среду конструирования дискурсного

действия, обусловленного институциональными, коммуникативными и риторическими контекстами (П. Бергер, Т. Лукман) [10, с. 67–72];

Ведущим методом сбора информации выступил айттрекинг с элементами фокусированного интервью. К вопросам о возможных причинах зафиксированной айттрекером психофизиологической реакции испытуемых были добавлены вопросы о том, как сами участники окулометрии связывают то, что происходит с ними и другими людьми. В этих экспериментах окулометрические измерения производились с помощью портативного айттрекера GP-3, позволяющего фиксировать абсолютное и удельное время пребывания взгляда в выделенной исследователем области визуального стимула. После тестового режима предъявления визуальных стимулов с каждым испытуемым (их общее число на момент подготовки данных материалов составило 205 человек в возрасте от 17 до 63 лет) проводилась послетестовая беседа в формате интервью [6, с. 73–82.].

Окулометрический анализ психологических установок по отношению к вакцинации с помощью айттрекеров и послетестовых фокусированных интервью показал следующее:

- у противников вакцинации, как правило, наблюдается повышенная фиксация на графических символах и текстовых сообщениях, которые играют роль триггеров танатофобии;
- в основной своей массе антиваксеры (они составили около четверти от общего числа респондентов) по сравнению с теми, кто спокойно и сознательно сделал прививку, изначально в большей степени склонны к различным формам протестного поведения (чаще всего пассивному — в форме недовольства принуждением к вакцинации, а также недовольства властью в целом), к болезненному реагированию на разного рода ограничения, например: «Вечно они что-нибудь придумывают»;
- у антиваксеров чаще преобладает экстернальный локус контроля, при котором ответственность за происходящее человек перекладывает на внешние обстоятельства («Довели страну», «Развалили всю систему здравоохранения, а теперь чего-то от нас хотят» и т. п.); в отличие от них сторонники вакцинации в большей степени ответственность за происходящее с ними возлагают на себя («Я должен был позаботиться о моих близких», «Мне нельзя терять работу» и т. п.);

- противники вакцинации стараются дистанцироваться от активного участия в работе социальных групп, занимающихся совместным поиском взаимовыгодных решений («Люди имеют право на протест. Но это не мое дело, чтобы вмешиваться в это» и т. д.);
- картинам мира, на основе которых антиваксеры и в принципе склонные к неаргументированному протесту респонденты строят прогнозы в отношении будущего, оценивают сложившуюся ситуацию, присущи нарочитый драматизм («И вообще все становится только хуже!»), более мрачные гипотетические варианты развития событий («Доведут страну до...»), повышенный пессимизм («Мы еще и не такое увидим!» и т. д.);
- подчиняясь внешнему давлению, после вакцинации ее противники склонны воспринимать себя в качестве жертв обстоятельств, тогда как сторонники вакцинации после прививки полагают, что их шансы на выживание существенно возрастут.

Полученные данные подтверждают выдвинутую ранее гипотезу о недовольстве граждан политикой власти в целом, которое запускается любыми ее действиями, связанными с изменением привычно жизненного уклада. Кроме того, анализ послетестовых бесед подтвердил высокий эвристический потенциал описанной нами ранее схемы активации протестных настроений по принципу «воронки вовлеченности» [11, с. 337]. Такая «воронка» предполагает в качестве первого этапа запуск своего рода «подогрева», который создает благодатную почву для будущих протестов, подходящее для них настроение (фокусировка внимания на изменениях порядка работы органов власти, на необходимости вакцинироваться, носить маски, на каких-либо демонстрациях протеста и т. д.). Затем его сменяет этап активации подходящих стереотипов («Власть всегда притесняет народ», «Они не справляются» и т. п.). Финалом работы «воронки вовлеченности» становится некая индуцированная создающими и распространяющими соответствующий контент манипуляторами оценка: «Их надо менять», «Протесты надо поддержать» и т. д.

С учетом полученных нами данных в качестве практических рекомендаций в плане противодействия описанному типу стимулирования протестного поведения наиболее перспективными представляются:

- блокировка цепочек деструктивных шаблонных стереотипных реакций путем активного вовлечения в поиск конструктивных решений обозначенных проблем (например, использование для

этого задаваемых в различной форме открытых вопросов: «Что, по вашему мнению, следует сделать для успешного решения этой проблемы?», «Какие ресурсы для преодоления этого и где следует искать?» и т. п.);

- культивирование зрелой гражданственности путем делегирования персональной вовлеченности в успешное преодоление обсуждаемых трудностей («Если бы представилась возможность, то что бы сделали Вы?», «Что нужно лично Вам для реализации Вашего плана позитивного выхода из этой ситуации?» и т. д.);
- популяризация уже достигнутого и использование положительных примеров как стимулов для включения в подобную конструктивную практику по механизму подражания («Как можно было бы использовать положительный опыт решения такой задачи...?», «Что наподобие этого смогли бы сделать Вы?», «Что конкретно для этого нужно?»).

В целом, представляется перспективной переориентация связанного с протестными настроениями энергетического импульса в созидательное русло путем: 1) содействия формулировке проблем на языке задач, которые можно и нужно решать; 2) замены оценок происходящего программами и планами его конструктивного преобразования; 3) поиска возможностей, которые появляются в любой (даже самой плохой) ситуации, и обсуждения того, как всем этим можно воспользоваться для обеспечения устойчивого развития, реализации целей социального развития, благополучия и процветания российского общества.

Список источников

1. Blumler J., Coleman S. After the Crisis, A “New Normal” for Democratic Citizenship? // *Javnost — The Public*. 2021. Vol. 28, No. 1. P. 3–19.
2. Bethke F., Wolff J. COVID-19 and shrinking civic spaces: patterns and consequences // *Z Friedens und Konfliktforsch.* 2020. Iss. 9. P. 363–374.
3. Tackling COVID-19 from below: civic participation among online neighbourhood network users during the COVID-19 pandemic / C. Waeterloos, J. De Meulenaere, M. Walrave [et al.] // *Online Information Review*. 2021. Vol. 45, Iss. 4. P. 777–794.

4. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence / S. K. Brooks, R. K. Webster, L. E. Smith [et al.] // *The Lancet*. 2020. Vol. 395. P. 912–920.
5. Батанина И. А., Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю. Социальные и политические эффекты пандемии COVID-19 в России: результаты исследования в рамках «Мирового Интернет-проекта — 2021» // *Известия Тульского государственного университета*. 2021. № 4. С. 3–14.
6. Окулометрические проявления сценарных факторов в стремлении к протестному поведению / Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Э. В. Лихачева [и др.] // *Человеческий капитал*. 2021. № 9 (153). С. 67–72.
7. Howard Ph. N., Parks M. R. Social Media and Political Change: Capacity, Constraint and Consequence // *Journal of Communication*. 2012. Iss. 62. P. 359–362.
8. Данливи П. Политическое поведение: институциональный и эмпирический подходы // *Политическая наука: новые направления*. М. : Вече, 1999. С. 281–295.
9. Далтон Р. Дж. Сравнительная политология: микроповеденческий аспект // *Политическая наука: новые направления*. М. : Вече, 1999. С. 330–344.
10. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
11. Ашманов И. С., Касперская Н. И. Цифровая гигиена. СПб. : Питер, 2022. С. 337.

Научная статья

УДК 32

Политическая культура в Европе в период COVID-19

Елизавета Евгениевна Крепышева

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

krepishevaa00@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности политической культуры в аспекте распространения новой коронавирусной инфекции, вызванной COVID-19, на примере некоторых европейских стран. Кроме того, в результате анализа мер, принятых различными странами европейского континента в условиях пандемии, делается вывод о влиянии политической культуры на эффективность борьбы с новой коронавирусной инфекцией, вызванной COVID-19.

Ключевые слова: политическая культура, пандемия, новая коронавирусная инфекция, COVID-19, европейские страны

Original article

Political Culture in Europe During COVID-19

Elizaveta E. Krepysheva

Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

krepishevaa00@mail.ru

Abstract. The article discusses the features of political culture in terms of the spread of a new coronavirus infection caused by COVID-19, using the example of some European countries. In addition, as a result of an analysis of the measures taken by various countries of the European continent during the pandemic, a conclusion is made about

the influence of political culture on the effectiveness of the fight against a new coronavirus infection caused by COVID-19.

Keywords: political culture, pandemic, new coronavirus infection, COVID-19, European countries

30 января 2020 г. Всемирная организация здравоохранения сообщила, что масштабы и скорость распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 достигли уровня чрезвычайной ситуации, а уже в марте 2020 г. в мире была объявлена пандемия.

В борьбе с новой угрозой каждая страна выбрала свой путь, который стал для нее максимально приемлемым с учетом различных социальных, экономических и политических факторов. Принятые меры, порой беспрецедентного характера, привели к пересмотру того, как может выглядеть обычная повседневная жизнь, включая аспект политической культуры.

В период COVID-19 многие европейские страны, как и все мировое сообщество, ощутили серьезную трансформацию политической культуры. Как и другие крупнейшие кризисы последних нескольких лет COVID-19 разделил Европу. Так, кризис евро 2010 г. расколол европейцев на север и юг, поделив континент на должников и кредиторов, а миграционный кризис, начавшийся в 2015 г., создал другую разделительную линию, на этот раз между востоком и западом. В самом начале пандемии казалось, что борьба с этим негативным явлением объединит европейцев, однако, фактически оказалось все по-другому.

Прежде всего, следует отметить, что ключевое содержание политической культуры определяется специалистами во всем мире относительно схожим образом. Так, к примеру, старейшая англоязычная британо-американская универсальная энциклопедия определяет политическую культуру как «набор разделяемых населением взглядов и нормативных суждений относительно его политической системы» [1, р. 145], а, по мнению некоторых американских ученых, политическая культура представляет собой «образец убеждений, взглядов и ценностей в конкретном обществе по отношению к политике и политической системе в целом» [2].

Действия органов государственной власти многих стран по преодолению кризиса общественного здравоохранения и экономики в период COVID-19 по понятным причинам изменили доверие населения к политической системе, а, как известно, эффективность преодоления

любого кризиса во многом зависит именно от существующего доверия между гражданами и государством.

Надо понимать, что, не доверяя руководителям своей страны, граждане с меньшей вероятностью будут следовать принимаемым мерам, призванным их защитить. В этом явлении проявляется интересная тенденция: страны, граждане которых до пандемии в целом доверяли своему государству, как правило, имеют более высокие показатели успеха в отношении борьбы с новой коронавирусной инфекцией, чем те страны, в которых ранее существовала напряженность между государством и его гражданами [3]. В таких случаях органы государственной власти испытывают существенные трудности в том, чтобы побудить граждан следовать вводимым антиковидным мерам.

Проведенный в 2020 г. Европейским советом по международным отношениям опрос граждан показал, что большинство людей, живущих в Северной и Западной Европе, COVID-19 не затронул: для многих из них новая коронавирусная инфекция был скорее ужасным зрелищем, чем жизненным опытом. В это же время в восточных и южных странах Европы подавляющая часть населения свидетельствует о том, что COVID-19 напрямую на них повлиял: они пострадали экономически, испытали болезнь на себе или на своих близких или даже понесли тяжелую утрату.

Одной из наиболее распространенных среди всех принимаемых мер в борьбе с COVID-19 стало ограничение свободы передвижения граждан. Восприятие населением именно данной меры во многом демонстрирует уровень политической культуры в той или иной стране. Согласно данным одного из недавних проведенных исследований, самая большая доля людей, которые чувствуют себя свободными в период пандемии, проживает в Венгрии (41 %) и Испании (38 %), тогда как наибольшая доля людей, которые таковыми себя не ощущают, приходится на Германию (49 %), что удивительно, поскольку тотальная изоляция там не вводилась, в отличие от многих других стран [4].

Одной из стран, где на протяжении уже многих десятилетий существует одна из самых доверительных динамик между гражданами и государством не только в Европе, но и во всем мире, является Швеция.

Следует подчеркнуть, что в Швеции сформирована особая политическая культура, основанная не на принуждении, а на общественном консенсусе. Граждане Швеции верят, что правительство всегда действует в их интересах, что приводит к «очень высокому уровню дове-

рия граждан Швеции к властям и правительству» [5]. Одной из важных отличительных черт политической культуры и шире — общей культуры — Швеции является поиск и достижение соглашения между сторонами, стремление избежать возможного конфликта.

Интересно отметить, что органы государственной власти Швеции, в том числе Агентство общественного здравоохранения, не могут сами принимать законы, однако, могут давать рекомендации правительству. В конституции Швеции закреплено, что государственные органы Швеции независимы от правительства. Такое правило преследует две основные цели: обеспечение того, чтобы решения принимались на основе знаний и опыта, а также исключение коррупции.

В борьбе с новой коронавирусной инфекцией Швеция ввела гораздо меньше ограничений, чем многие другие страны. Вместо введения жестких ограничительных мер правительство Швеции положило на своих граждан, поверив, что они проявят ответственность и будут следовать рекомендациям органов здравоохранения страны. Представитель Всемирной организации здравоохранения Д. Набарро назвал опыт Швеции в борьбе с коронавирусом «примером отличной стратегии правительства и моделью для всего мира в будущем» [6].

Таким образом, шведский опыт борьбы с пандемией свидетельствует об устойчивости политических традиций в стране и о стремлении шведского общества к консолидации.

В отличие от Швеции пример одного из самых трудных вариантов преодоления COVID-19 продемонстрировала Великобритания.

Прежде всего следует отметить, что Великобритания стала первой страной, где сформировалась политическая культура, в рамках которой начали эффективно функционировать политические институты и ценности либеральной демократии. Характерной особенностью британской политической культуры является легитимность социально-политической системы, обусловленная проводимой социальной политикой государства. Именно по этой причине граждане уважают закон, полагаются на конституционные пути защиты своих интересов, достаточно лояльно относятся к государственным политическим структурам и испытывают чувство гордости за отлаженный механизм их функционирования.

В разгар пандемии народ Соединенного Королевства поддержал свое правительство, однако, уровень доверия населения к властям был достаточно низким. Способствующими факторами явились неодно-

кратные случаи нарушения вводимых ограничений первыми лицами государства. Так, к примеру, член парламента Шотландии М. Ферье поехала в Лондон, а затем вернулась в Шотландию, имея симптомы COVID-19, а старший помощник премьер-министра Великобритании Д. Каммингс, также будучи зараженным COVID-19, отправился навестить своих родителей в Лондон, в котором был введен строгий карантин.

Трансформация политической культуры населения Великобритании стала причиной того, что Соединенное Королевство стало одной из наиболее пострадавших от новой коронавирусной инфекции европейских стран. Граждане попросту не желали следовать принимаемым ограничениям, магазины и общественный транспорт были переполнены, несмотря на введенный локдаун.

Подводя итог вышесказанному, следует сказать, что, безусловно, пандемия COVID-19 затронула все стороны жизни человека.

В условиях новой коронавирусной инфекции органам государственной власти приходится совершать взвешенные политические шаги, учитывающие различные сферы общественных отношений (здравоохранение, экономику, социальную сферу, образование и т. д.). При этом уровень политической культуры населения в стратегии борьбы с COVID-19 играет очень важную роль.

Высокое доверие граждан к государству является залогом эффективности принимаемых мер, поскольку, если люди уверены в том, что государство действует в их интересах, они будут соблюдать установленные ограничения, а любая политика, проводимая государством, имеющим низкий уровень доверия граждан, встретит сопротивление. Именно поэтому для каждой страны важно не только с точки зрения пандемии, но и в целом для развития государства иметь высокий уровень политической культуры.

Список источников

1. Encyclopedia Britannica // Britannica. URL: <https://clck.ru/sGpLb> (дата обращения: 20.03.2022).
2. McCormick J., Hague R., Harrop M. Comparative Government and Politics: An Introduction (Comparative Government and Politics, 12). Red Globe Press, 2019. 404 p.

3. Kemmett N. Political Culture in Greece, the United Kingdom, and Sweden during COVID-19 // Geneseo. URL: <https://clck.ru/sGpPf> (дата обращения: 20.03.2022).
4. Krastev I., Leonard M. Europe's Invisible Divides: How Covid-19 Is Polarising European Politics. URL: <https://clck.ru/sGpR4> (дата обращения: 20.03.2022).
5. Edwards C. Who's actually responsible for Sweden's coronavirus strategy? // The Local. URL: <https://clck.ru/sGpRm> (дата обращения: 20.03.2022).
6. В ВОЗ оценили стратегию Швеции в борьбе с коронавирусом // tass.ru. URL: <https://clck.ru/sGpTb> (дата обращения: 20.03.2022).

Научная статья

УДК 323.171.1

Влияние конституционной модернизации на политическую культуру современного российского общества

Артём Саакович Мартиросян

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

peterslavin@mail.ru

Аннотация. В публикации рассмотрены сущность и этапы процесса конституционной модернизации Российской Федерации. Проанализированы причины и изменения в политической системе России. Выявлены особенности трансформации и варианты развития политической культуры современного российского общества.

Ключевые слова: политическая культура, трансформация, вертикаль власти, общество, Президент РФ, ценности, российское общество

Original article

Impact of Constitutional Modernization on Political Culture of Modern Russian Society

Artyom S. Martirosyan

Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

peterslavin@mail.ru

Abstract. The publication examines the essence and stages of the process of constitutional modernization of the Russian Federation. The causes and changes in the po-

litical system of Russia are analyzed. The features of transformation and options for the development of the political culture of modern Russian society are revealed.

Keywords: political culture, transformation, vertical of power, society, President of the Russian Federation, values, Russian society

Трансформация политической культуры обусловлена процессом развития государства, его политических институтов и общества в целом. Вне зависимости от политического режима трансформация происходит непрерывно, т. к. любая культура имеет свойство развиваться. Ядро политической культуры включает ценностные ориентации, установки и т. д.

Основными причинами, которые влияют на развитие политической культуры, являются: необходимость адаптации политической системы, политического режима и социума к кризисной ситуации, стремление политической элиты и (или) общества к смене политической системы и (или) режима, постепенная модернизация политического режима (естественное развитие).

За последние 30 лет политическая культура России значительно изменилась. Это проявилось как на уровне институтов власти, так и на всех уровнях общества. Изменились культурно-ценностные ориентации — место идей социализма заняли идеи капитализма, произошла ограниченная демократизация общества. Тем не менее патерналистская модель поведения никуда не исчезла.

Рассмотрим подробнее общественно-политический контекст конституционной модернизации. Так, в 1990-е гг. демократизация выражалась в стремлении населения участвовать в выборах и в формировании органов государственного управления. К 2000-м гг. первая волна демократизации, захлестнувшая российское общество, отступила. Это объясняется несколькими факторами: тяжелая экономическая ситуация в стране, кризис государственной власти и экономике (1998 г.). Все это пробудило в гражданах запрос на «сильную руку» и стабильность. Новые общественные настроения позволили федеральной власти проводить политику рецентрализации.

С 2000 г. политическая элита РФ (в лице федеральной власти) взяла на себя роль основного политического актора в стране. Для преодоления последствий кризисных 1990-х гг. руководство инициировало политику, направленную на восстановление влияния федерального

центра и выстраивание в органах государственного управления жесткой вертикали власти. Основной фигурой, вокруг которой происходила рецентрализация, являлся Президент РФ [1].

В 2000–2011 гг. между обществом и государством сохранялся негласный «пакт»: государство обеспечивает стабильность и рост уровня жизни, а общество проявляет лояльность к действиям власти. Поддавшись патерналистским настроениям, оно позволило федеральным органам выстроить систему, в основе которой заложена идея вертикали власти. Резкие изменения в этих отношениях произошли в 2011–2012 гг. К этому времени запрос общества на сильную руку и стабильность исчез, потому что государство смогло удовлетворить его. Граждане все чаще стали обращать внимание на отсутствие сменяемости власти и ее коррумпированность [2].

В 2011–2013 гг. апогеем борьбы между властью и обществом стали события на Болотной площади в столице. Победителем в данной схватке вышла федеральная власть [3]. Можно выделить ряд причин такого финала: 1) в 1991–2011 гг. в России не были сформированы или были разгромлены институты гражданского общества, был повышен электоральный ценз прохождения в парламент, что исключило возможность стихийного появления «гражданской» партии [4]; 2) оппозиция не смогла предложить обществу позитивную повестку дня — как и в 1990-е гг. объединение общества произошло против «общего врага»; 3) ограниченность протестного движения, ведущей силой которого являлись жители европейской части России.

После событий 2011–2013 гг. в российском обществе наметилась тенденция атомизации. Все большее количество людей становилось аполитичным. В 2014 г. с вхождением Крыма в состав России ненадолго в обществе возобладали настроения национального подъема и единения. Однако уже к 2016 г. тенденция атомизации вновь начинает набирать обороты. Более того, общество начинает опасаться власти и постепенно «консервируется».

В 2018–2021 гг. социум пребывал в состоянии взбудораженности, которую инициировали два человека — А. Навальный (признан экстремистом и террористом на территории РФ — *прим. ред.*) и С. Фургал. Руководитель Фонда борьбы с коррупцией активно выступал за отстранение запятнавших себя чиновников от государственного управления. Во многом А. Навальный отражал настроения, проявившиеся в обществе еще в 2011 г. С. Фургал, хотя не призывал к митингам, стал

для граждан Хабаровска фигурой, можно сказать, «мученической». Снятие его с поста губернатора области было расценено гражданами как покушение на их право выбора. Продолжительное время в Хабаровске проходили митинги в поддержку Фургала, которые в результате не повлияли на его судьбу.

Таким образом, из-за отсутствия сильного лидера и (или) общественного объединения россияне не смогли самоорганизоваться и выстроить институты гражданского общества. Отечественный социум не монолитен, он расколот: часть общества придерживается демократических ценностей, другая — «исповедует» ценности, пропагандируемые властью, третья же — верна собственным ценностям.

Исходя из этого, политику рецентрализации можно рассматривать как веяние времени. Одним из ее инструментов была конституционная модернизация — процесс внесения поправок в конституцию или изменение (дополнение) отдельных статей. Этот процесс имел волнообразный характер. Первый этап был осуществлен в 2000–2008 гг., второй этап — в 2008–2014 гг., третий — в 2014–2020 гг. На первом и втором этапах происходило урезание полномочий регионов, выстраивание вертикали власти и увеличение полномочий Президента РФ за счет урезания полномочий правительства, парламента и судебной власти.

Основными причинами последней конституционной модернизации стали необходимость решения «проблемы 2024» и естественное развитие политических институтов в парадигме «вертикаль власти». Реформа 2020 г. затронула практически все уровни (федеральный, региональный, муниципальный) управления в РФ, институты президентства и парламентаризма, судебную власть, многие сферы общественной жизни.

На политико-правовом уровне был установлен примат конституционного права над международным правом, за РФ закреплен статус правопреемницы СССР. В социальной сфере за РФ был закреплен статус социального государства. В сферу культуры также были внесены изменения, наиболее полно они отражены в статьях 67.1–69. В них институт брака определяется как союз мужчины и женщины, устанавливается дань памяти защитникам Отечества, фиксируется статус государственно образующего народа и др. Все это указывает на то, что политические элиты осуществляют развитие не только органов государственного управления, но также стремятся закрепить основные культурные ценности, которые разделяет и поддерживает большинство граждан [5].

Важнейшим изменением в сфере государственного управления стало создание нового органа власти — Государственного совета. К его основным задачам отнесено рассмотрение вопросов развития внешней и внутренней политики, организации работы органов публичной власти [6].

Понятие «публичная власть» отсутствовало в законодательстве РФ до 2020 г. и впервые было использовано во внесенных поправках. Она сродни власти государственной, но является более широким понятием, включая органы федеральной, региональной, муниципальной власти, т. е. все уровни управления [4]. Важно отметить, что председателем Государственного совета является Президент РФ, данный орган выведен за рамки системы сдержек и противовесов.

Эти изменения свидетельствуют о том, что начавшееся в 2000-х гг. строительство системы, фундаментом которой является вертикаль власти, до сих пор продолжается. Благодаря поправкам в конституцию для нынешнего Президента РФ создана платформа, куда он впоследствии может уйти, сохранив при этом часть своей политической власти.

Итак, трансформация политической культуры в современном российском обществе происходит по двум направлениям. Первый путь прокладывает государственная власть, нацеленная на централизацию и выстраивание вертикали. По второму пути движется часть общества, стремящаяся создать демократические гражданско-правовые институты. Эти «дороги» в определенные периоды пересекаются друг с другом, иногда параллельны друг другу, что свидетельствует о динамичном состоянии политической культуры российского общества.

Список источников

1. Гельман В. Я. Возвращения Левиафана? (Политика рецентрализации в современной России) // Полис. Политические исследования. 2006. № 2. С. 90–109.
2. Гельман В. Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб. : БХВ-Петербург, 2013. 256 с.
3. Смирнова М. В. Болотная площадь, или ветер перемен (политико-социальный анализ феномена массовых протестов в России в начале второго десятилетия XXI в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. 2012. № 2. С. 19–28.

4. Воробьёва О. А. О понятии публичной власти // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 3 (7). С. 82–87.
5. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции от 01.07.2020 № 1-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://clck.ru/REvvg> (дата обращения: 20.03.2022).
6. О Государственном Совете Российской Федерации : федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ // Российская Газета. URL: <https://clck.ru/ecWcb> (дата обращения: 20.03.2022).

Научная статья

УДК 327.8

«Культура отмены» как инструмент политического давления

Эдуард Алексеевич Новосёлов

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

e.a.novosyolov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению феномена «культуры отмены» как инструмента политического давления. В ней перечислены основные кампании, присоединившиеся к политическому давлению на Россию. Проводится параллель между абсурдными действиями по переписыванию истории государством в романе-антиутопии «1984» и применением «культуры отмены» в отношении России.

Ключевые слова: культура отмены, политическое давление, международные отношения, мягкая сила, Россия

Original article

Culture of Cancellation as a Tool of Political Pressure

Eduard A. Novosyolov

Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

e.a.novosyolov@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of the “culture of change” as an instrument of political pressure. It lists the main campaigns that have joined the political pressure on Russia. A parallel is drawn between the absurd actions of the state in

the dystopian novel “1984” to rewrite history and the application of the “culture of cancellation” in relation to Russia.

Keywords: cancellation culture, political pressure, international relations, soft power, Russia

В июне 2020 г. различные издания облетела новость о «трансфобных» высказываниях автора «Гарри Поттера» Джоан Роулинг [1]. Это событие было неоднозначно воспринято «прогрессивной общественностью», которая поспешила «отменить» писательницу. ЛГБТ-организации, актеры, снимавшиеся в фильмах франшизы, и фанаты стали жестко критиковать Роулинг. Все дошло до того, что писательницу не пригласили сняться в документальном фильме «Гарри Поттер 20 лет спустя: Возвращение в Хогвартс» [2]. Ее имя также убрали из трейлеров третьей части «Фантастических тварей». Тем не менее попытка отделить Роулинг от ее творчества не удалась и полностью «отменить» ее не получилось. Однако этот пример является показательным.

Недавно появившаяся «культура отмены» стремительно набирает обороты в западных странах. Она становится инструментом борьбы с мнением, которое не совпадает с точкой зрения большинства. Осуждению могут подвергаться как публичные лица, так и компании. Чаще всего это приводит к тому, что под влиянием общественности все связи с осуждаемым разрываются. Начинается массовая травля и ликвидация его прошлых заслуг, он становится порицаемым изгоем, с которым никто не хочет иметь дело. Если раньше этот инструмент применялся к отдельным лицам или компаниям, то сегодня мы наблюдаем, как «отменяют» целую страну.

За последними событиями на Украине пристально следит весь мир. Западные страны с целью давления на Россию ввели экономические санкции. Однако, помимо этого, произошло то, что еще никогда не случалось. Различные компании, организации и сервисы массово стали прекращать свою работу на территории России. Свои действия они связывают со специальной операцией ВС РФ на Украине. Эти события создают прецедент, которого еще не было в мировой истории, — применение «культуры отмены» в отношении целой страны, получившей широкое распространение в разных сферах. Рассмотрим некоторые примеры ее проявления.

Во-первых, это сфера платежных систем. Apple Pay, Google Pay, Samsung Pay и др. ограничили работу своих сервисов на территории России [3]. PayPal заморозил вывод средств на российские карты [4]. Сервис переводов и обмена валюты Payseга также прекратил свою работу [5]. Во-вторых, это транспортно-логистическая сфера. CMA-CGM, MSC, Maersk, UPS прекратили перевозки контейнеров в (из) России [6]. В сфере технологий производители программного обеспечения, такие как Oracle и SAP, прекратили свою деятельность [7]. С российского рынка временно ушла компания Microsoft, прекратив работу своих сервисов [8]. Intel и AMD приостановили поставки и продажу своей продукции [9]. Компании Nokia, Siemens и Eriksson прекратили поставки в РФ телекоммуникационного оборудования [10].

Онлайн сервисы Steam, PlayStation Store, Nintendo eShop, GOG отказались от приема платежей в рублях [11]. Twitter, Instagram, Facebook (деятельность компании Meta Platforms Inc. по реализации соцсетей Instagram и Facebook запрещена на территории РФ — *прим. ред.*) запретили регистрацию аккаунтов из России [12]. Google, Onlyfans, Twitch, Patreon ввели запрет на монетизацию контента российских пользователей [13]. В сфере автомобилестроения компании BMW, Ford, Honda, Mazda, Volkswagen и многие другие прекратили поставки или остановили бизнес [14]. Так же поступили и некоторые авиастроительные компании — Airbus и Boeing [15]. Множество розничных магазинов либо приостановили работу, либо прекратили поставки: Lego, H&M, IKEA, HP, Dell и др. [16].

Политика «культуры отмены» распространилась и на сферы, традиционно считаемые «аполитичными». В спорте Россия также была «отменена». Российским спортсменам и клубам отказали в Международных федерациях: баскетбола, волейбола, хоккея [17]. FIFA и UEFA отстранили сборные от турниров [18]. NHL разорвала отношения с Россией [19]. Были перенесены из РФ соревнования по футболу, баскетболу, шахматам, лыжным видам спорта и российский этап Формулы-1 [20]. Не оказалась в стороне и Международная федерация кошек, которая запретила котам и кошкам из России участвовать в международных выставках [21]. Впервые в истории ограничения коснулись и киберспорта. Организация ESL исключила российские команды из турниров, но оставила им возможность выступать в других соревнованиях под нейтральным флагом [22]. Схожим образом поступили в EA Sports, удалив из состязаний отечественные команды [23].

Запретил участие российским командам и организатор турниров Blast [25].

В сфере культуры кинокомпании Paramount Pictures, Sony, Warner Bros., Disney, Universal Pictures отменили выходы своих фильмов в российский прокат [25]. Кинофестивали в Глазго, Стокгольме, Каннах и Европейская киноакадемия отказались сотрудничать с делегациями из России [26]. Netflix прекратил работу над российскими проектами, остановил вещание 20 каналов и приостановил свою работу [27]. России запретили участвовать в «Евровидении» [28]. Компании по разработке видеоигр, такие как EA, Microsoft, Activision Blizzard, Bethesda, Take-Two, Ubisoft, CD Project RED и Epic Games, запретили продажу своей продукции и отменили ближайшие релизы [29].

Процесс «отмены» дошел до такого абсурда, что в Миланском университете Бикокка решили отменить цикл лекций о Достоевском. Однако на это быстро отреагировали научные деятели, осудив политику университета. На волне скандала университет вернул эти курсы в программу обучения [30]. На момент написания статьи Россию в той или иной степени «отменили» около 400 компаний и организаций.

«Культура отмены», ранее направленная на осуждение отдельных лиц и компаний в западном обществе, перестала быть таковой. Теперь она превратилась в политический инструмент давления на другие страны. Если действия «отмены» по отношению к лицам и компаниям могут быть долгосрочными, то такие же действия по отношению к целой стране, являющейся важным экономическим, политическим и культурным игроком на международной арене, вряд ли могут сохраняться длительное время. Ввиду этого остается открытым вопрос о том, как скажется на мировом сообществе эта кратковременная «отмена» России.

Вся эта ситуация косвенно напоминает роман-антиутопию «1984». Тоталитарный мир, описанный Д. Оруэллом, зиждется на абсурдной идее постоянного переписывания истории и нивелировании отдельных событий. Читателю он кажется ужасным и нереальным. Однако политика «отмены», применяемая демократическими странами против России, как раз повторяет действия тоталитарной власти в романе. Только в данном случае из политической, экономической и культурной сферы вычеркивают целую страну.

Список источников

1. Джоан Роулинг обвиняют (опять) в трансфобии и расизме после ее высказывания в твиттере. За писательницу заступились феминистки // Esquire. URL: <https://clck.ru/sJstC> (дата обращения: 21.03.2022).
2. THR: Джоан Роулинг не пригласили в спецэпизод HBO Max о «Гарри Поттере» из-за обвинений в трансфобии // Афиша Daily. URL: <https://clck.ru/sJsuo> (дата обращения: 21.03.2022).
3. Apple Pay и Google Pay перестанут работать для карт подсанкционных банков // РБК. URL: <https://clck.ru/sJswg> (дата обращения: 21.03.2022).
4. Пользователи из России пожаловались на проблемы с PayPal — они не могут привязать к счету карты российских банков // vc.ru. URL: <https://clck.ru/sJsyj> (дата обращения: 21.03.2022).
5. Литовская компания Paysera останавливает переводы в Россию // LRT. URL: <https://clck.ru/sJszq> (дата обращения: 21.03.2022).
6. СМА CGM вслед за Maersk и MSC останавливает прием заказов на перевозку контейнеров в РФ // Интерфакс. URL: <https://clck.ru/e53dS> (дата обращения: 21.03.2022).
7. Производители ПО Oracle и SAP прекратили работу в России // SharesPro. URL: <https://clck.ru/sJt2q> (дата обращения: 21.03.2022).
8. Microsoft временно прекратит продавать товары и предоставлять услуги в России // DTF. URL: <https://clck.ru/sJt3V> (дата обращения: 21.03.2022).
9. Intel и AMD официально подтвердили прекращение поставок своей продукции в Россию и Белоруссию. Речь не только о процессорах // iXBT.com. URL: <https://clck.ru/sJt4S> (дата обращения: 21.03.2022).
10. 5G в России отменяется? Nokia, Siemens и Ericsson отказались поставлять телекоммуникационное оборудование // iGuides.ru. URL: <https://clck.ru/sJt5c> (дата обращения: 21.03.2022).
11. Игр для российских геймеров больше не будет. Покупки уже невозможно сделать в Steam, PlayStation Store и Nintendo // Фонтанка.Ру. URL: <https://clck.ru/sJt6P> (дата обращения: 21.03.2022).

12. Пользователи рунета не могут создать профиль в инстаграме. Они верят — соцсеть блокирует россиян // Medialeaks. URL: <https://clck.ru/sJt7P> (дата обращения: 21.03.2022).
13. Платформы Twitch, Patreon, OnlyFans и многие другие запретили вывод средств русским блогерам // Overclockers.ru. URL: <https://clck.ru/sJt86> (дата обращения: 21.03.2022).
14. BMW, Mercedes-Benz, Skoda, Porsche и множество других компаний запретили продажу автомобилей в России // АККет. URL: <https://clck.ru/sJt8i> (дата обращения: 21.03.2022).
15. РБК: в Минтрансе обсудили возможность национализации самолетов Boeing и Airbus // Газета.Ru. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/03/02/17371267.shtml> (дата обращения: 21.03.2022).
16. Кто отказался от клиентов из России: список магазинов и поставщиков услуг // vc.ru. URL: <https://clck.ru/sJtBH> (дата обращения: 21.03.2022).
17. Изоляция российского спорта: пловцы и теннисисты легко отделились // Спорт МК. URL: <https://clck.ru/sJtCD> (дата обращения: 21.03.2022).
18. «Решение носит дискриминационный характер»: ФИФА и УЕФА отстранили российские клубы и сборные от участия в турнирах // RT на русском. URL: <https://clck.ru/sJtCv> (дата обращения: 21.03.2022).
19. НХЛ разорвала связь с Россией // Сибнет. URL: <https://clck.ru/sJtDW> (дата обращения: 21.03.2022).
20. Какие спортивные соревнования перенесли из России // ТАСС. URL: <https://clck.ru/sJtED> (дата обращения: 21.03.2022).
21. Кошкам из РФ запретили участвовать в международных выставках // Газета.Ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/03/03/17372809.shtml> (дата обращения: 21.03.2022).
22. ESL отстранила киберспортивные команды из России от участия в турнирах // РИА Новости Спорт. URL: <https://clck.ru/sJtFg> (дата обращения: 21.03.2022).
23. EA Sports удалила все российские клубы и сборные из игр FIFA и NHL // РИА Новости Спорт. URL: <https://clck.ru/sJtGM> (дата обращения: 21.03.2022).
24. BLAST запретил российским командам участвовать в собственных турнирах по CS: GO // Escorenews.com. URL: <https://clck.ru/sJtHB> (дата обращения: 21.03.2022).

25. Universal и Paramount отменяют российские премьеры своих проектов // Киномания: Новости кино. URL: <https://clck.ru/sJtHp> (дата обращения: 21.03.2022).
26. 5 миллиардов рублей только за март и закрытия кинотеатров: российская индустрия кино оценила потери от мирового бойкота // DTF. URL: <https://clck.ru/sJtJY> (дата обращения: 21.03.2022).
27. Netflix приостановил работу в России // РБК. URL: <https://clck.ru/fr5Dq> (дата обращения: 21.03.2022).
28. Организаторы «Евровидения» запретили России участвовать в конкурсе // РБК. URL: <https://clck.ru/emxwU> (дата обращения: 21.03.2022).
29. Игровые компании, ушедшие с российского рынка или применившие санкции // ММО13. URL: <https://clck.ru/sJtLM> (дата обращения: 21.03.2022).
30. Университет Милана поторопился отменить публичные лекции о Достоевском // Год Литературы. URL: <https://clck.ru/sJtM8> (дата обращения: 21.03.2022).

Научная статья

УДК 329.8

Коммуникативный подход партии «Подемос» как рычаг изменения культуры политической власти Испании

Владимир Вячеславович Шинкарев

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

vshinkarev99@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается влияние партии «Подемос» на политическую культуру Испании. Раскрывается сущность коммуникативной стратегии партии, результаты использования ее методов для изменения политической власти в стране.

Ключевые слова: партия «Подемос», политическая культура, Испания, политическая власть

Original article

The Communicative Approach of the Podemos Party how the Lever of the Culture of Spain's Political Power

Vladimir V. Shinkarev

Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

vshinkarev99@gmail.com

Abstract. The publication examines the influence of the Podemos party on the political culture of Spain. The essence of the communicative strategy of the party, the results of using its methods to change the political power in the country are revealed.

Keywords: Podemos party, political culture, Spain, political power

В Испании, как и во многих странах Южной Европы, на протяжении многих десятилетий формировался особый тип политической культуры. В Испании 36 лет действовал фашистский режим генерала Ф. Франко, после демократического транзита власти в 1970-х гг. складывались традиции антифашизма. Это в свою очередь значительно увеличило спрос на партии левого толка. К 2011 г. под воздействием экономического кризиса 2008 г. и кризиса доверия к власти в гражданском обществе Испании был накоплен значительный потенциал социального протеста. 15 мая 2011 г. он вылился в масштабные протестные акции, которые получили название «Движение возмущенных» или «Движение 15 М» (El Movimiento de los Indignados, El Movimiento 15M) [1, р. 8]. Движение охватило около 60 городов, т.е. фактически всю страну. Согласно данным испанской телерадиокомпании RTVE количество людей, принимавших участие в протестах, варьировалось от 6 до 8,5 млн [2].

Предпосылками к столь широким выступлениям стали обострившиеся социально-экономические проблемы, в частности рост безработицы молодого населения. На момент начала массовых протестов уровень безработицы в Испании вырос с 8,23 % до 26,09 %, а среди молодежи этот уровень достиг отметки 55,48 % [3]. Масла в огонь добавляло то, что в сложившейся политической системе партия, которая приходила к власти, держала под контролем фактически всю административно-правовую систему. Партия назначала своих представителей в важнейшие государственные институты, которые по классическим демократическим догмам не должны подвергаться влиянию или давлению со стороны правящих элит. Например, такие назначения производились в Банке Испании, Конституционном суде, Генеральном совете судебной власти и Счетной палате [4, с. 87]. Таким образом, происходило сращивание партии с государственными структурами.

Более 40 лет в роли правящих партий выступали НП («Народная партия») и ИСРП («Испанская социалистическая рабочая партия»), они доминировали в политической системе Испании. Продолжительный

бипартизм и отсутствие альтернатив негативно сказывались на общественных настроениях граждан. Помимо неполноценного присутствия демократии в политическом секторе, имели место быть коррупционные скандалы и отсутствие социальной справедливости, что вызывало еще большее недовольство в обществе.

Происходящие процессы усиливали внимание миллионов людей к острым проблемам внутри страны. Именно важность скорейшего поиска решения проблем послужила фундаментом для образования партий, способных прочно закрепиться и бросить вызов традиционным партиям. Одной из таких стала партия «Подemos».

Она была образована в 2014 г. группой левых активистов, в числе которых было множество профессоров факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе [1, р. 9]. Лидером этой группы стал молодой и амбициозный П. Иглесиас. На тот момент у него была безупречная репутация. Поскольку он являлся доктором политических наук университета Комплутенсе, то в глазах своих сторонников он выглядел не просто компетентным человеком, а личностью, которая понимает, каким должен быть настоящий государственный лидер [5].

При этом далеко не все считали его идеальным вариантом лидера, способным обеспечить успешное будущее страны. В глазах определенной части общества его образ был демонизирован и вызывал отторжение, т. к. его политика посягала на устои, а его взгляды были несовместимы с демократическим развитием. Однако это не стало препятствием для Иглесиаса и его команды. Ими была разработана целая стратегия для того, чтобы проложить себе путь к руководящим позициям в государственной системе.

Весомой составляющей этой стратегии стал коммуникативный подход партии «Подemos». Важно отметить метафоры и послания, которые партия адресовала своему электорату. Так, метафора «штурмовать небеса» (*исп.* asaltar los cielos) часто использовалась в речах П. Иглесиаса, она стала одной из центральных в дискурсе партии: «Небо не достигается консенсусом, небо берется штурмом» (*исп.* El cielo no se toma por consenso, el cielo se toma por asalto) [6]. Лингвистический анализ его высказываний помогает понять, почему партия «Подemos» смогла воздействовать на общество: «Родина — это люди» (*исп.* La patria es la gente), «Я чувствую себя в превосходной форме не только для победы на выборах, но и для того, чтобы проработать следующие четыре года»

(исп. Me siento en plena forma. No sólo para ganar las elecciones, sino para trabajar los próximos cuatro años), «Те, кто наверху, называют переменны испытанием и хаосом. Те, кто внизу, называют это демократией» (исп. Al cambio, los de arriba lo llaman experimento y caos. Los de abajo, lo llaman democracia) [6]. Как раз выстраивание определенного дискурсивного концепта, который выражался в разделении на «тех, кто наверху» (исп. los de arriba) и «тех, кто внизу» (исп. los de abajo), являлось еще одним фактором успеха партии «Подemos».

Данный подход заключался в деидеологизации лидерами партии своего дискурса. Они заявляли: «Мы ни правые, ни левые», поскольку деление на «правых» и «левых» было бы неверной метафорой, отражавшей подлинный конфликт интересов «между теми, кто вверху, и теми, кто внизу» [7]. Именно такого рода разделение стало одним из ключевых элементов для формирования новой конфигурации политического пространства [8, р. 233]. Система «левые-правые» формировала пространство, невозможное для перемен. Все шло к тому, что вертикаль «верх-низ» должна была стать заменой традиционной горизонтали «право-лево». Руководство партии оценивало политику как позиционную войну, выстраивало разграничение противоборствующих сторон, их целей, убеждений и интерпретировала политическую реальность с помощью концепта ответственности и необходимости поиска альтернативы.

Не следует забывать и о самом названии (исп. Podemos — «Мы можем!»), — оно придавало очень сильные эмоциональные импульсы испанскому обществу, веру в свою силу, и, можно даже сказать, что само название призывало к действию. Также одним из ключевых элементов стратегии партии была эмпатия. Проблемы простых испанцев были понятны лидерам партии, они открыто демонстрировали, что искренне разделяют их, и эти проблемы включались в партийную стратегию и становились ее неотъемлемой частью [9, с. 60]. Таким образом происходило устранение дистанции между гражданами и партией, выстраивание диалога с гражданами страны, трактуемое как целенаправленное социальное действие, что было нетипично для таких партий, как НП и ИСРП.

Столь непривычный подход выстраивания отношений между представителями политической партии и общества принес свои плоды на парламентских выборах 2015 г. По их результатам партия «Подemos» стала третьей по степени влияния партией в Испании, завоевав

21 % голосов (5,2 млн) и получив 69 мест в нижней палате Генеральных кортесов [10]. Это было настоящим триумфом для партии, образовавшейся всего год назад. «Подемос» удалось сломить традиционную двухпартийную систему, просуществовавшую четыре десятилетия, перейти к многопартийности и кардинально поменять расстановку политических сил в стране.

На сегодняшний день действует коалиционное правительство, созданное из «Унидас Подемос» и ИСРП 13 января 2020 г. по соглашению, заключенному между этими партиями еще в 2019 г. [11]. Партии «Подемос» удалось добиться присутствия своих представителей в правительстве Испании. Так, А. Гонсалес Лайя была назначена на должность министра по иностранным делам, Евросоюзу и кооперации, которую ранее занимал действующий Верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политики безопасности — Ж. Боррель, министром обороны Испании стала М. М. Роблес Фернандес.

Итак, коммуникативная стратегия партии «Подемос» принесла свои плоды. Во-первых, партией был использован новаторский подход в общении со своими сторонниками с применением лингво-когнитивных и психологических приемов. Во-вторых, роль, которую партия сыграла для испанской партийной системы, весьма существенна. Благодаря своим нестандартным методам выстраивания отношений между избирателями и представителями партии «Подемос» удалось объединить вокруг себя внушительную часть граждан, тем самым потеснив две партии-гегемона. Это позволило осуществить переход от сорокалетнего бипартизма к многопартийности. Также партия смогла оказать влияние на создание нового коалиционного правительства, созданного в стране впервые за 80 лет, тем самым вызвать доверие не только со стороны общества, но и со стороны правящей элиты, что позволило представителям партии «Подемос» занять ключевые правительственные должности.

Список источников

1. Aguiar Pérez E. Podemos: de movimiento social hacia la institucionalización política // Universidad de La Laguna. 2015. 34 p. URL: <https://clck.ru/sJxtY> (fecha de la solicitud: 30.03.2022).

2. Más de seis millones de españoles han participado en el Movimiento 15M // RTVE. 2011. URL: <https://clck.ru/sJxu7> (fecha de la solicitud: 30.03.2022).
3. Данные Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). URL: <https://data.oecd.org/unemp/unemployment-rate.htm>; <https://data.oecd.org/unemp/youth-unemployment-rate.htm> (дата обращения: 31.03.2022).
4. Хенкин С. М. Перестройка партийной системы Испании // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 2. С. 85—110. URL: <https://clck.ru/sJxzj> (дата обращения: 31.03.2022).
5. Андрушевич П. Придут ли марксисты к власти в Испании // Republic.ru. 2015. URL: <https://republic.ru/posts/48867> (дата обращения 31.03.2022).
6. Carvajal A. 10 frases para conocer a Pablo Iglesias // El Mundo. 2015. URL: <https://clck.ru/sJy4P> (fecha de la solicitud: 31.03.2022).
7. Medina F. “Ni de derechas, ni de izquierdas”: una proclama de Pablo Iglesias que trae incómodos ecos // El Plural. 2014. URL: <https://clck.ru/sJy4y> (fecha de la solicitud: 31.03.2022).
8. Criado H. Crisis económica, clase social y voto a Podemos // UCM. 2015. P. 229—253. URL: <https://clck.ru/sJy6Z> (fecha de la solicitud: 23.05.2022).
9. Ларионова М. В., Сливчикова Ю. В. Современная Испания: новая политическая реальность — новый политический дискурс // Вестник Томского гос. ун-та. 2019. № 59. С. 53—66.
10. Resultados Electorales en Total España en 2015 // El Pais. 2015. URL: <https://clck.ru/sJy8S> (fecha de la solicitud: 31.03.2022).
11. Coalición progresista. Un nuevo acuerdo para España // El sitio oficial del PSOE. 2019. URL: <https://clck.ru/sJy9D> (fecha de la solicitud: 31.03.2022).

Научная статья

УДК 32.019.51

Социально-экономические факторы как детерминанты электорального выбора

Полина Дмитриевна Ямина

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

pyamina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния различных социально-экономических факторов на электоральное поведение. Рассмотрены три типа влияния экономических факторов — ретроспективное, перспективное и аффективное. Определены наиболее релевантные показатели индивидуальных экономических и социотропных факторов электорального выбора, присущих российскому избирателю. В числе наиболее релевантных факторов, не относящихся к экономическому голосованию, определены этнический и поселенческий.

Ключевые слова: перспективное голосование, ретроспективное голосование, социально-экономическая ситуация, электоральное поведение, экономический рост

Original article

Socio-Economic Factors how Determinants of Electoral Choice

Polina D. Yamina

Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

pyamina@mail.ru

Abstract. The publication is devoted to the analysis of the influence of various socio-economic factors on electoral behavior. Three types of influence of economic factors are considered — retrospective, prospective and affective. The most relevant indicators of individual economic and sociotropic factors of electoral choice inherent in the Russian voter are determined. Among the factors not related to economic voting, ethnic and settlement factors were identified as the most relevant.

Keywords: prospective voting, retrospective voting, socio-economic situation, electoral behavior, economic growth

В современных демократических правовых государствах экономические и социальные сдвиги не всегда превращаются в электоральные. Тем не менее экономический фактор влечет за собой изменение поддержки действующей власти. На этот счет существуют два противоположных мнения. Ряд ученых настаивают на том, что улучшения социально-экономического положения населения, ассоциируемые с достижениями действующей власти, оказывают значительное влияние на электоральный рейтинг. Другие специалисты утверждают, что социально-экономические факторы не всегда становятся решающими в объяснении электоральных предпочтений избирателей [1, с. 13–38].

Изучение социально-экономических оснований электорального поведения, как правило, демонстрирует исследователям противостояние между ретроспективным и перспективным голосованием. В решение данной проблемы важный вклад внес американский политолог М. Льюис-Бека [2, р. 130]. Ученый выделил три типа влияния экономических факторов на поведение избирателей — ретроспективное, перспективное и аффективное.

Ретроспективное голосование опирается на оценку избирателями прошлой деятельности правительства, следовательно, если оно в целом успешно справлялось со своими обязанностями, то разумно поддержать его на выборах. Как отмечает автор «Теории ретроспективного голосования» М. Фиорина, гражданам не нужно вникать в детали проводимой правительством внутренней и внешней политики; достаточно знать, каково было их благосостояние при этом правительстве, которое «несет ответственность за положение дел в обществе, прежде всего в экономике» [3, р. 5].

Перспективное голосование основывается на ожиданиях избирателей от будущего. Поэтому для переизбрания действующей власти необходимо поддерживать атмосферу позитивных ожиданий, подтверждая

их с помощью экономических программ, стратегий, прогнозов, гарантирующих повышение уровня жизни населения.

Аффективное голосование основано на внерациональных оценках как текущей социально-экономической ситуации, так и ее потенциального развития. В самом общем виде *аффект* определяется как «чувственное переживание» [4, р. 646–677], которое является базовой реакцией на стимул, предшествующей рассудочной реакции [5, р. 151–175]. Принято считать, что первичность эмоциональной реакции подтверждается и психиатрической практикой [6, р. 345], однако, нельзя исключать и обратного влияния рациональной сферы на эмоциональную [7, р. 379–394]. В соответствии с современными представлениями об аффекте исследователи определяют его как состояние, характеризующееся валентностью (позитивным или негативным вектором отношения), интенсивностью (силой) мотивации и уровнем возбуждения [8, р. 301–307].

Перспективное голосование не предполагает учета социально-экономической статистики, в то время как анализ ретроспективного голосования, напротив, на ней базируется. Однако здесь встает проблема подбора релевантных индикаторов. В этом вопросе приоритетными должны быть социальные показатели, оказывающие наибольшее влияние на самочувствие граждан (уровень доходов, бедность, состояние социальной сферы и т. п.). Целью данной публикации является определение социально-экономических факторов, которые в наибольшей степени влияют на предпочтения электората.

При учете ориентиров избирателей важно отделять индивидуальные экономические факторы, связанные с личным благосостоянием и самоощущением избирателя, от социотропных, ориентированных на макроэкономические изменения. Несмотря на то, что индивидуальные факторы на первый взгляд кажутся более приоритетными, изучение социотропных факторов также необходимо, поскольку нельзя исключать ориентацию части избирателей на общеэкономическую ситуацию в стране. Так, согласно исследованию американского ученого С. Липсета, при ухудшении состояния экономики или международной ситуации, а также в случае кризиса, активность электората возрастает [9, р. 195]. Социотропные факторы относят как к ретроспективному, так и к перспективному голосованию — во втором случае речь идет об ориентации избирателей на макроэкономические прогнозы.

Важным индикатором социотропного голосования является валовой региональный продукт на душу населения. Исследование Р. Ф. Туровского и Ю. О. Гайворонского выявило тенденцию негативной взаимосвязи макроэкономического развития и поддержки действующей власти [10, с. 42–61]. Такой результат объясняется тем, что экономический рост приводит не столько к количественным, сколько к качественным изменениям в политической жизни общества. В рамках концепции постматериализма американский ученый Р. Инглхарт утверждает, что накопление определенного уровня богатства оказывает значительное влияние на общественное сознание. Его исследование показало, что граждане в развитых западных странах, не испытывающие финансовых трудностей, начинают меньше интересоваться материальной стороной жизни, а больше моральными и ценностными ее аспектами. В результате происходит смена ценностей — от выживания к самовыражению, которое воплощается в свободе слова, политическом активизме, защите окружающей среды, отстаивании гендерного равенства и т. д. [11, с. 6–32]. В российской практике данная концепция нашла свое подтверждение в 2012 г., когда был достигнут пороговый уровень ВВП, вследствие чего благосостояние населения выросло и граждане стали проявлять политическую активность, выраженную в проведении нескольких массовых оппозиционных митингов.

Что касается индивидуальных экономических факторов, то в данном случае значимыми показателями являются:

- размер пенсий, т. к. пенсионеры являются наиболее электорально чувствительными к улучшению материального благополучия;
- социальные расходы, т. е. расходы консолидированного регионального бюджета на образование, здравоохранение, ЖКХ и социальную политику на душу населения, т. к. они отражают зависимость избирателей от государства;
- бедность, т. е. доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, т. к. она отражает материальное положение электората;
- доля работников государственных органов и органов местного самоуправления, т. к. их благосостояние зависит от деятельности действующей власти.

В числе факторов, не относящихся к экономическому голосованию, наиболее релевантными являются этнический и поселенческий. Согласно исследованиям, межрегиональные результаты голосования

за «Единую Россию» во многом объясняются плотностью этнических социальных сетей. Исследователи утверждают, что влияние доли нерусского населения на голосование за «партию власти» значительно повышается, если нерусские группы хотя бы частично географически отделены от русских в пределах одного региона [12, с. 53–62].

Что касается поселенческого фактора, то тут важную роль играет доля городского населения, т. к. город всегда отличался от села своими реформаторскими настроениями. Обычно, чем крупнее город, тем слабее в нем влияние левых партий и прочнее позиции правых и центристских сил. Интеллигенция, лица с высшим образованием и развитый бизнес создают базу голосования за либералов. Некоторые исследователи считают величину и статус населенного пункта ключевым фактором, определяющим итоги выборов. По их мнению, где бы ни располагался областной центр, чтобы спрогнозировать, как распределятся в нем голоса, достаточно знать численность его жителей [13, с. 263].

Таким образом, политическая культура современного российского общества подвержена значительному влиянию и воздействию текущей социально-экономической ситуации. Однако несмотря на то, что личные материальные проблемы наиболее актуальны для большинства граждан, российский избиратель голосует не «кошельком», а ориентируется на экономический рост и снижение уровня бедности в среднесрочной перспективе.

Список источников

1. Гришин Н. В. Динамика электоральных предпочтений населения Юга России: сравнительное исследование. М. : Социально-политическая мысль, 2008. 181 с.
2. Lewis-Beck M. S. Economics and elections: the major western democracies. Ann Arbor : University of Michigan Press, 1988. 183 p.
3. Fiorina M. Retrospective Voting in American National Elections. New Haven : Yale University Press, 1981.
4. Hogg M. A., Abrams D., Martin G. N. Social Cognition and Attitudes // Psychology. Harlow : Pearson Education Limited, 2010. P. 646–677.
5. Zajonc R. B. Feeling and thinking: Preferences need no inferences // American Psychologist. 1980. Vol. 35, No. 2. P. 151–175.

6. Clark D. A., Beck A. T., Alford B. A. Cognitive Theory and Therapy of Depression. New York : Wiley and Sons, 1999. 475 p.
7. Brewin C. R. Cognitive change processes in psychotherapy // Psychological Review. 1989. Vol. 96, No. 3. P. 379–394.
8. Harmon-Jones E., Gable P. A., Price T. F. Does Negative Affect Always Narrow and Positive Affect Always Broaden the Mind? Considering the Influence of Motivational Intensity on Cognitive Scope // Current Directions in Psychological Science. 2013. Vol. 22, No. 4. P. 301–307.
9. Lipset S. Political man: The Social Bases of Politics. New York : Johns Hopkins University Press, 1981. 586 p.
10. Туровский Р. Ф., Гайворонский Ю. О. Влияние экономики на электоральное поведение в России: работает ли «Контракт» власти и общества? // Полития. 2017. № 3 (86). С. 42–61.
11. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–32.
12. Панов П. В. Пространственная локализация этнических групп как фактор голосования на выборах в национальных республиках Российской Федерации // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2019. № 2. С. 53–62.
13. Собянин А. А., Суховольский В. Г. Демократия, ограниченная фальсификациями: выборы и референдумы в России в 1991–1993 гг. М. : Проектная группа по правам человека, 1995. 263 с.

Часть 6. Политические акторы и горожане в тревожном обществе: формы и возможности солидарности

Научная статья

УДК 323.2

Сущность феномена солидарности и его роль в отношениях власти и общества в современной России

Алина Васильовна Мубаракшина

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

mubarakshina98@list.ru

Аннотация. Солидарность является одним из ключевых феноменов процесса социальной интеграции. Ни один исследователь солидарности, начиная с классиков и до современных теоретиков, не отрицал ее важнейшей функции — воспроизводства общества, но, помимо этого, в процессе изучения данного феномена ученые заостряли внимание на том, как властное сообщество влияет на процесс солидаризации общества. В связи с этим в статье рассматриваются вопросы возникновения и сохранения солидарности в отношениях между властью и обществом, целенаправленное конструирование солидарности со стороны власти, условия достижения обществом непротиворечивой солидарности.

Ключевые слова: солидарность, общественно-властные отношения, социально-консолидационные процессы, насилие, символический комплекс, идеология, концепт «российского солидаризма»

Original article

The Essence of the Phenomenon of Solidarity and Its Role in Relations of Authority and Society in Modern Russia

Alina V. Mubarakshina

Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

mubarakshina98@list.ru

Abstract. Solidarity is one of the key phenomena in the process of social integration. Not a single researcher of solidarity, from the classics to modern theorists, denied its most important function of the reproduction of society, but in addition, in the process of studying this phenomenon, scientists focused on how the powerful community influences the process of solidarity of society. In this regard, the article considers the issues of the emergence and preservation of solidarity in relations between the authorities and society, the purposeful construction of solidarity on the part of the authorities, the conditions for achieving consistent solidarity by society.

Keywords: solidarity, social and power relations, social consolidation processes, violence, symbolic complex, ideology, the concept of “Russian solidarism”

Солидарность является предметом исследования многих направлений различных наук об обществе, таких как социология, политология, философия, социальная психология, социальная биология. Несмотря на это, существующие концепции солидарности отличаются своей противоречивостью, а большинство имеющихся современных прикладных исследований в области социальной солидарности узкопрофилированы, и их анализ часто направлен лишь на частные аспекты (например, доверие, социальное неравенство, гражданский активизм) или только на факторы (разделение труда, коллективные представления и др.) такого сложного и неочевидного феномена как солидарность. Многие исследователи считают понятие солидарности недостаточно проработанным, например П. Рейнолдс пишет: «Тем не менее это понятие часто подразумевалось или включалось в дебаты вокруг идентичности, социального разделения и осуществления власти в наведении порядка в современном обществе и поэтому оказалось недостаточно теоретизированным само по себе» [1, с. 2]. Исходя из этого высказывания, можно сделать вывод, что недостаточную теоретическую проработку феномена солидарности исследователи связывают, во-первых, с тем, что в различных сегментах общественных отношений солидарность может восприниматься как данность. Во-вторых, главным образом с тем, что в научных кругах солидарности придается критическое значение, т. к. ее считают явлением, открытым для политической ангажированности, т. е. такой отмечаемый всеми исследова-

телями феномена аспект, как целенаправленное конструирование, при котором главным субъектом данного процесса выступает, как правило, государство, поставил под сомнение возможность объективного изучения этого феномена. Несмотря на то, что некоторые исследователи считают, что в таком случае социальное явление теряет свою аналитическую чистоту, на наш взгляд, рассмотрение солидарности вполне целесообразно проводить в тесной связи с плоскостью исследования властных отношений, доминирования и подчинения, легитимности и лояльности, т. к. феномен солидарности является неотъемлемой частью всех общественных отношений, в частности и неотчуждаемой частью системы отношений между обществом и властью.

Ни одним автором, начиная с классического периода, не ставилась под сомнение огромная важность феномена солидарности, заключенная в его основной функции — выживание и воспроизводство сообщества. Однако, на наш взгляд, стоит отметить, что помимо глобальной функции существуют и более узкие и конкретные направленности функционирования данного феномена. «Солидарность является как характеристикой любого общества, сообщества или ассоциации, так и качеством отношений на социальном, общинном и межличностном уровнях. Социальные идентичности и интересы выражаются через солидарность в ходе политической борьбы; для социальных институтов солидарность является необходимым свойством и условием их деятельности; сообщества нуждаются в солидарности как факторе, обеспечивающем их способность иметь общие моральные и политические обязательства и проводить линии между своими и чужими; наконец, сами социальные отношения измеряются и понимаются часто через уровень солидарности, которую они порождают» [1, с. 3].

Таким образом, все вышесказанное приводит нас к пониманию сущности феномена солидарности. Этот феномен используется для характеристики самых разнообразных видов отношений (политической приверженности, социальной идентификации, культурной принадлежности, межличностных отношений). При этом он подобен воздуху, т. к. чаще всего не является предметом постоянной рефлексии у членов общества, но является неотъемлемым условием существования всех социально-консолидационных процессов, в ходе которых формируются различные сообщества, структуры, институты. Уже проведенный нами анализ концепций солидарности позволяет судить о феномене солидарности как о естественном по своему происхожде-

нию, но искусственном по своему существованию (в том смысле, что он постоянно подвергается сознательным формирующим воздействиям со стороны общества и власти). Солидарность является неотъемлемой частью развития собственно общества и человеческих отношений, с другой стороны, при этом является результатом осознанных действий членов социума, в особенности наиболее рефлексивной его части — власти или государства, — т.е. той социальной группы, для которой социальная интеграция должна быть предметом постоянной профессиональной заботы.

Как становится ясно из анализа концепций солидарности, существуют две основные составляющие данного феномена: насилие и символический комплекс. Об этом в своих трудах так или иначе писали все исследователи, начиная с классиков до современных теоретиков. Подтверждение этому можно найти и в трудах А. Конта, Э. Дюркгейма и представителей критического направления, например, П. Бурдьё, представителей интеракционистского подхода (Г. Блумер), приверженцев феноменологической социологии (А. Шютц), которые полагали, что социальная солидарность является априорным социально предопределенным феноменом, основывающимся на общности понимания, совокупности абстрактных понятий, категорий повседневности, разделяемых большинством общества. Однако прослеживается тенденция гипертрофирования исследователями только одного из основных аспектов солидарности, а именно конструирования солидарности со стороны правящей группы, поскольку именно она обладает правом «легитимного насилия» и является главным гарантом поддержания общесоциального нормативно-ценностного комплекса (символов). Данный вектор рассмотрения не учитывает естественный характер солидарности (о котором мы упоминали выше и о котором развернуто пишет в своих трудах А. Бергсон). Исходя из этого, на наш взгляд, необходимо рассматривать два источника (или вектора) солидарности в рамках общественно-властных отношений: вертикальный (со стороны правящей группы, стремящейся сохранить социальный порядок) и горизонтальный (со стороны социальных сообществ первичного уровня, в которых происходит социальная жизнь индивидов).

Горизонтальный вектор (микросоциальная солидарность) составляют реальные сообщества, в которых осуществляется социализация индивида и интериоризация основных социальных норм, ценностей и практик, а именно, например, территориальная группа (люди, про-

живающие в конкретном регионе, муниципалитете, районе, квартале), организационно-профессиональная группа (первичные профессиональные группы) и семья. Именно эти группы вступают в социальное взаимодействие с однопорядковыми социальными сущностями — семьи взаимодействуют с другими семьями, жители одного поселения с жителями другого поселения, одни организации и предприятия — с другими, создавая межорганизационные связи, профсоюзы и т. д. Таким образом, здесь поток консолидации совершает круговорот внутри сообществ и между сообществами, из которых формируется общество в целом.

Вертикальный вектор (макросоциальная солидарность) представлен главным образом властью. По мнению О. А. Кармадонова и М. К. Зверева, власть выступает как одна из групп общества, своего рода сообщество, но которое заметно дистанцировано от других, составляющих единое целое. «Власть — это группа, эмансипированная от общества. Этот вид эмансипации предполагает изменение соотношений кар и поощрения, прав и обязанностей в сторону увеличения поощрения и прав для эмансипированной группы», — т. е. здесь консолидационный поток устремляется от власти к обществу и обратно [2, с. 128].

Мы можем говорить о существовании непротиворечивой консистентной солидарности в обществе только в ситуации, когда существуют оба вектора солидарности, дополняющие друг друга: микро-социальная солидарность, воплощенная в практиках повседневного взаимодействия в первичных социальных группах, и макросоциальная солидарность, реализуемая через целенаправленные усилия власти по интериоризации определенного символического комплекса, что предполагает известную степень насилия, будь оно прямого или «символического» характера.

Последнее высказывание о «насилии символического характера» принадлежит П. Бурдьё. Исследователь считал, что правящий класс, имея «символическую власть», автоматически обладает абсолютным правом на создание определенного комплекса символических структур, которые являются коммуникативными и когнитивными средствами, способными эффективно воздействовать на социальную реальность в нужном направлении. В качестве эффективного символического комплекса, создаваемого властью, у П. Бурдьё выступает идеология. Мы согласны с последним положением, как и многие дру-

гие исследователи, считающие идеологию одним из основных инструментов достижения солидарности в обществе. Однако мы считаем, что нельзя полностью согласиться с критическим отношением П. Бурдьё к идеологии, которой он отводит исключительно репрессивную роль. На наш взгляд, идеология способна выполнять более социально значимую функцию, приводя в гармонию диссонанс групповых ценностей, целей и интересов, способствуя интеграции общества и его воспроизводству на основе единого мировоззренческого комплекса.

Такую идеологию можно назвать *солидаризм* — «это солидарность, возведенная на уровень идеи, которая усиленно пытается *овладеть массами*» [3, с. 125]. Концепт идеологии «российского солидаризма», которая могла бы, по мнению автора, стать отдельной идеологией наравне с либерализмом и марксизмом, уже был разработан представителем иерархического персонализма русской религиозной философии С. А. Левицким. Однако данная идеология по задумке автора была основана на христианской любви к ближнему. В нашем представлении на современном этапе для России также необходимо создание идеологии солидаризма, но в другом ключе.

Мы согласны с мнением тех исследователей, которые считают, что «неидеологичных» обществ не бывает. Также мы поддерживаем происходящий в отечественном сознании процесс смены аналитических парадигм — от исследования идеологии в качестве прежде всего политического феномена (коммунизм, монархизм, анархизм, либерализм, фашизм и т. д.) к изучению ее, так сказать, бытийных, повседневных черт. Если отвлечься от политического доктринерства, идеология (в частности в российских реалиях) должна в первую очередь объяснять народу его прошлое, описывать настоящее и намечать будущее. В подобном векторе выразил суть идеологии А. Грамши, отождествивший идеологию с мировоззрением и обозначивший важность присутствия идеологии во всех видах деятельности в обществе [4, с. 321]. Присутствие идеологии равно существованию рефлексивного взгляда социума на окружающий мир, отсутствие рефлексии несвойственно нормально функционирующему обществу (вот почему «неидеологичных» обществ не существует).

Идеология именно в подобной трактовке нужна России. Необходимость «деятельностного» компонента для новой идеологии России подмечает и В. Т. Дронов: «Для современного понимания идеологии требуется не только эпистемический, но и деятельностный подход с точки

зрения эффективности социальных практик...» [5, с. 146]. *Солидаризм* для России должен включать не столько тезисы узкой идеологической направленности, в смысле политического характера, сколько определение желательных качеств социальной системы, которые должна обеспечить идеология — «справедливая, высокоразвитая, духовная» и др. Уже сейчас в работах отечественных исследователей по проблематике возможной идеологии для России существуют подходы, в которых акцент делается даже не на системных признаках, а на желательных характеристиках, которыми должны отличаться общественные отношения в российском социуме, таких как «любовь, гордость, братство, дружба людей» или такой расширенный ряд, как «свобода, ответственность, сострадание, честность, терпимость, достоинство, достаток, доверие, солидарность, доброта, надежность» [6, с. 148; 8, с. 128].

Мы отчасти согласны и с утверждением К. П. Попова о том, что «Если национальная идея не сложилась сама собой, то пытаться “впрыснуть” ее в общество, как прививку от гриппа, бессмысленно. Она должна вызреть в народе сама» [7, с. 122]. Однако, на наш взгляд, это значит, что, во-первых, идеология должна быть органична народу и разделяться его большинством, во-вторых, идеология (как писал А. Грамши) должна быть явлена в различных видах деятельности, проявляться в повседневности.

Таким образом, для создания и поддержания консистентной солидарности на высоком уровне в российском обществе необходимо выработать нормативно-ценностный комплекс, включающий в себя смыслы прошлого, настоящего и будущего, присваивающего оценки, расставляющего акценты, рассказывающего человеку о мире и о нем самом в этом мире, который бы разделялся релевантным большинством российского социума и поддерживался со стороны власти. Этот символический комплекс должен выражаться в идеологии *солидаризма* — это идеология нормальных социальных отношений, во главу угла ставящая не политико-экономическую доктрину, а социальную норму и социальное здоровье. Такая идеология конструктивных отношений, замещающая политические идеологии, главный акцент делает на содержание общественных взаимодействий во всех ключевых сферах жизнедеятельности социума. Прагматичность такой идеологии заключается в том, что ее символическая система приветствует все, работающее на расширенное социальное воспроизводство российского общества, и, соответственно, отвергает все, что препятствует данной

задаче. Разумеется, любое общество должно стремиться к поддержанию нормативного порядка и конструктивных общественных связей, но в современной России, на наш взгляд, данное стремление приобретает доктринальный характер.

Список источников

1. Cultural Difference and Social Solidarity: Critical Cases. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2012. 165 p. URL: <https://clck.ru/sKURN> (дата обращения: 09.03.2022).
2. Кармадонов О. А. Консолидация российского общества: потоки и преграды : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. 223 с.
3. Ковригина Г. Д. Социальная солидарность как метаинститут : дис. ... д-ра филос. наук. Чита, 2020. 304 с.
4. Грамши А. Тюремные тетради: в 3 ч. / А. Грамши. М. : Политическая литература, 1991. Ч. 1. 564 с. // Электронная библиотека Гражданское общество. URL: <https://clck.ru/sKdnM> (дата обращения: 13.03.2022).
5. Дронов В. Т. О новой российской идеологии: за и против // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 137. С. 144—151. URL: <https://clck.ru/sKdo9> (дата обращения: 18.03.2022).
6. Арутюнян К. С. Трансформация общественного сознания в условиях социального кризиса : дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2013. 163 с.
7. Попов К. П. В поисках национальной идеи // Человек. 2010. № 3. С. 20—31. URL: <https://clck.ru/sKdqH> (дата обращения: 22.03.2022).

Научная статья

УДК 316.6

Рост тревожности в период пандемии и пути ее преодоления

Надежда Ивановна Сивкова¹
Анастасия Николаевна Новгородцева²

^{1,2} Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ letica@mail.ru

² novgorodtseva_anastasia@yahoo.com

Аннотация. В статье рассматривается социальное самочувствие жителей России в период пандемии, в частности Екатеринбурга. В ноябре 2021 г. было проведено исследование на кафедре политических наук УГИ УрФУ, которое подтвердило гипотезу о росте тревожности среди горожан из-за COVID-19. Выявлено, что мужчины в большей степени сохраняли спокойствие, чем женщины. Также выявлено, что наиболее негативные чувства присущи в большей степени молодежи, чем старшему возрасту. Пути преодоления тревожности также различаются в зависимости от возраста респондентов.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, социальное самочувствие, тревожность, солидарность

Original article

Growth of Anxiety During the Pandemic and Ways to Overcome It

Nadezhda I. Sivkova¹
Anastasiya N. Novgorodtseva²

^{1,2} Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

¹ letica@mail.ru

² novgorodtseva_anastasia@yahoo.com

Abstract. The article deals with the social well-being during the pandemic of the inhabitants of Russia, and in particular Ekaterinburg. In November 2021, a study was conducted at the Department of Political Sciences of the UGI Ur-FU, which confirmed the hypothesis of an increase in anxiety among citizens due to COVID-19. It was found that men were able to keep calm than women. It was also revealed that the most negative feelings are inherent to a greater extent in young people than in older age. Ways to overcome anxiety also differ depending on the age of the respondents.

Keywords: pandemic, COVID-19, social well-being, anxiety, solidarity

Пандемия COVID-19 и вводимые ограничения существенно изменили привычную жизнь людей. Изменения коснулись как повседневной жизни, так и профессиональной: ограничения в быту, появление новых гигиенических правил, невозможность привычного отдыха, изменение трудового графика и ограничение социальных контактов — все это повлияло на социально-психологическое самочувствие людей. «Противоречивость и несоответствие осознания россиянами сложной обстановки, связанной с COVID-19, спровоцировали параллельно идущую эпидемию страха, тревоги и депрессии» [1].

Многочисленные исследования свидетельствуют об ухудшении общего социально-психологического состояния и росте тревожности среди различных категорий населения. Обратимся к результатам одного из масштабных проектов — специальный проект коронаФОМ, в рамках которого осуществлялся мониторинг тональности высказываний в социальных сетях, который позволяет зафиксировать общую тенденцию на негативные суждения россиян. Мониторинг осуществлялся с 12 октября 2020 г. по 11 октября 2021 г. при помощи системы «Медиадиалогия». Если обратиться к данным мониторинга, то можно зафиксировать в отношении отдельных аспектов проявления пандемии максимально негативные значения. Рассмотрим, например, аспект мер борьбы с пандемией. В проекте исследовались 5 мер: маски, самоизоляция, общение, социальная дистанция и многолюдные места. Так, 9 декабря 2020 г. были зафиксированы самые негативные сообщения

относительно мер борьбы с пандемией в области общения; 15 сентября 2021 г. — относительно самоизоляции; 14 июля 2021 г. — относительно масок [2]. Группа исследователей также доказала рост тревожности во время самоизоляции [3].

Социальное самочувствие может быть разным, оно может быть спокойным — это то базовое состояние, в котором человеку комфортно осуществлять свою жизнедеятельность во всех сферах (от бытовой до досуговой). Если сложившаяся новая ситуация не нарушает привычный образ жизни, а также не представляет опасности, то в этом случае человек не реагирует на ситуацию. Социальное самочувствие может быть тревожным в связи с неопределенностью будущего и нарушением привычного образа жизни, когда человеку приходится приспосабливаться. Тревога может перерасти в стресс, который нарушает личностные механизмы саморегуляции, влияет на психофизическое здоровье. Социальное самочувствие может проявляться в чувстве страха, который оценивает ситуацию как угрожающую, или когда человек не может приспособиться к меняющейся ситуации. Страх может перерасти в злость и привести к агрессивным формам поведения, которые обладают очень высоким энергетическим уровнем негативных эмоций, также всегда существует объект, на который или против которого направлена агрессия. Если на начальном этапе своего зарождения негативные по содержанию эмоции имеют позитивную роль, мобилизуя психические и физические силы человека, то их длительное сохранение приводит к стрессу и усталости, начиная постепенно истощать человека, снижать его адаптивные возможности.

Эмоции и чувства, которые люди переживают в повседневной жизни, показывают лучше всех других социальных показателей степень адаптированности к происходящим изменениям. Они создают ту энергию, которая требуется для совершения каких-либо новых для человека действий. Поэтому, измеряя эмоционально-чувственные состояния разных групп населения, можно достаточно обоснованно прогнозировать состояние социальных групп в ближайшем будущем.

В рамках данной статьи будут проанализированы результаты исследования, которое проводилось на базе кафедры политических наук департамента политологии и социологии УГИ УрФУ. Объектом ис-

следования выступили жители города Екатеринбурга, предметом исследования — социальное самочувствие горожан в период пандемии. В исследовании использовалась квотная выборка, квоты рассчитывались с учетом половозрастной структуры жителей Свердловской области со стремлением к равности возрастных групп. Методом онлайн-интервью было опрошено 460 человек. Всего опрошено по гендерной принадлежности: мужчин — 38 %, женщин — 62 %. По возрасту: 18–35 лет — 32,8 %, 36–54 лет — 33,2 %, старше 55 лет — 34 %.

Исследование было проведено в ноябре 2021 г., это практически год жизни в условиях пандемии, и по нему видно, насколько адаптировались респонденты к этим условиям и как характеризуют свое чувственно-эмоциональное состояние.

Обратимся к результатам исследования. Во-первых, рассмотрим субъективную оценку респондентами своего социально-психологического самочувствия. Только 22 % отметили такую характеристику, как спокойное. Это те респонденты, кому удалось адаптироваться в сложившейся ситуации, т. е. около 78 % опрошенных не смогли справиться с той нагрузкой.

Большинство опрошенных отметили накопившуюся усталость от вводимых ограничений (41,5 %). Это говорит о том, что данная группа людей не смогла внутренне принять вводимые ограничения и в течение всего периода рассматривала их как вынужденные, а не как необходимые меры для противостояния пандемии. Усталость также свидетельствует о том, что у респондентов сниженная скорость реакций и физическая энергия, необходимая для поддержания нормального уровня активности и работоспособности. Причем не было выявлено значимых различий между мужчинами и женщинами, усталость накопилась среди тех и других.

В целом, стоит отметить, что мужчинам удастся сохранить более спокойное состояние, чем женщинам (разница значений — 4,4 %). Женщины в большей степени испытывают тревогу (разница значений — 17,9 %), чем мужчины (табл.). Это также отмечается и у других исследователей, например, по мнению Е. И. Первичко: «У женщин значимо больше выражен стресс, тревожность, рефлексивный компонент тревожности, восприятие угрозы от COVID-19. Мужчины более спокойны, полагают, что ситуация под контролем, и считают, что им все про эту болезнь понятно» [4].

Таблица

Оценка респондентами психического состояния
в условиях пандемии (в % по столбцу)

Психические состояния	Среди всех опрошенных	Среди мужчин	Среди женщин
Ощущаю усталость от вводимых ограничений	41,5	38,2	43,6
Возросла тревожность	37,5	26,5	44,4
Сохраняется спокойствие	21,9	26,5	19,1
Переживаю стресс	17,9	16,0	19,1
Возникло чувство страха	17,6	14,3	19,6
Периодически проявляется агрессивность	11,6	11,3	11,7
Улучшается настроение	4,0	5,9	2,9
Не изменилось	18,0	23,5	14,6
Другое	1,1	1,3	1,0

Примечание. Сумма ответов превышает 100 %, т. к. респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

Интересны обнаруженные возрастные различия. Труднее всего адаптируется молодежь, т. к. ей сложнее справляться с введенными временными ограничениями. Практически половина опрошенных молодых людей устали от введенных ограничений, а каждый пятый переживает стресс или находится в агрессивном состоянии. К сходным выводам приходят и авторы других исследований, чьи «результаты показывают, что стресс, тревожность и восприятие угрозы свойственны в первую очередь более молодым респондентам. По шкале спокойствия значимых различий не наблюдается, хотя в старшей возрастной группе этот показатель выше» [4].

В нашем исследовании видно, что с увеличением возраста опрошенных происходит увеличение доли тех, у кого в период пандемии возросла тревожность, а также возникло чувство страха. Именно в группе пожилых COVID-19 протекал наиболее тяжело: «Несмотря на то, что все возрастные группы подвержены риску заражения COVID-19, пожилые люди подвергаются значительно большему риску смерти и тяжелого заболевания после инфицирования» [5].

Завершая обзор данных, подчеркнем, что статистический анализ показал, что большая часть опрошенных испытывают разные по со-

держанию негативные чувства: тревожность, страх, стресс, агрессивность. На возрастающую тревожность указали 37,5 % опрошенных. К сожалению, общие рекомендации для преодоления тревожности выделить сложно, но укажем на некоторые значимые высказывания респондентов. Ниже приведены две цитаты: одна с позиции старшего поколения, вторая с позиции молодежи.

Женщина, 62 года, среднее полное образование:

Первое это, конечно, не паниковать! Стараться не читать в социальных сетях и не поддаваться панике и провокации. Мне это дается легче, потому что у меня есть жизненный опыт. Мне жалко молодежь, морально неустойчивых людей, которые поддаются всей этой ерунде, и, естественно, это скажется на их поведении и психическом состоянии.

Мужчина, 20 лет, среднее полное образование:

Я считаю, что людям надо быть добрее, более сплоченными, и они должны лояльней относиться ко многим вещам.

В завершении данной темы хотелось бы подчеркнуть, что пандемия не находится в вакууме и в текущих условиях у населения России в целом и Екатеринбурга в частности есть новые поводы для роста тревожности, что не позволяет зафиксировать процесс преодоления тревожности от пандемии.

Список источников

1. Цветкова Г. А. Пандемия и поведение россиян: социологический срез // Вестник РГГУ. 2020. № 4. С. 72–81.
2. Индекс Тональности обсуждения мер в соцмедиа // Проект коронаФОМ. URL: <https://clck.ru/sKgcM> (дата обращения: 15.03.2022).
3. Тревожность: феноменология, эпидемиология и факторы риска на фоне пандемии, вызванной новым коронавирусом SARS-CoV-2 (COVID-19) / А. Г. Меркин, С. С. Акинфиева, А. В. Мартюшев-Поклад [и др.] // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2021. № 1. URL: <https://clck.ru/sKgf7> (дата обращения: 12.04.2022).

4. Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года / Е. И. Первичко, О. В. Митина, О. Б. Степанова [и др.] // Клиническая и специальная психология. 2020. Т. 9. № 2. С. 119–146.
5. Аналитическая записка: Влияние COVID-19 на пожилых людей. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/2021/01/old_persons_russian.pdf (дата обращения: 12.04.2022).

Научная статья

УДК 371

Воспитательная работа в школе как фактор укрепления общественной солидарности

Ева Витальевна Симонова¹
Александра Вадимовна Трошкова²

^{1,2} Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ eva.simonova.2000@bk.ru

² av.troshkova15@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается воспитательная работа в школе как механизм формирования общественной солидарности, которая связана с ориентацией на общие разделяемые ценности. На основе проведенного социологического исследования среди учителей школ выявлено, что современных школьников объединяют общие ценности, такие как коммуникация в цифровой реальности, формирующая ориентацию на личные интересы и безразличие к опыту прошлых поколений. Подчеркивается деструктивная направленность активности школьников, что актуализирует усиление внимания к воспитательной работе как фактору укрепления общественной солидарности.

Ключевые слова: воспитание, солидарность, ценности, школа, учителя

Original article

Educational Work in School as a Factor of Strengthening Public Solidarity

Eva V. Simonova¹
Aleksandra V. Troshkova²

^{1,2} Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

¹ eva.simonova.2000@bk.ru

² av.troshkova15@mail.ru

Abstract. The article deals with educational work at school as a mechanism for the formation of social solidarity, which is associated with an orientation towards common shared values. Based on a sociological study conducted among school teachers, it was revealed that modern schoolchildren are united by common values, such as communication in digital reality, which forms an orientation towards personal interests and indifference to the experience of past generations. The destructive orientation of the activity of schoolchildren is emphasized, which actualizes the increased attention to educational work as a factor in strengthening social solidarity.

Keywords: education, solidarity, values, school, teacher

В современном мире, определяемом глобализационными процессами, острее ощущается необходимость мирового сообщества в воспитании гуманного, нравственно чистого и духовно богатого человека. В настоящее время проблемы воспитания, формирования ценностных ориентаций и духовно-нравственной культуры личности являются одними из наиболее сложных и актуальных в современном российском образовании. Многие известные общественные деятели и педагоги не раз обращались к целям воспитания. Используя разные слова, все они говорили об одном — задачи воспитания намного сложнее по сравнению с задачами обучения, цель и конечный результат воспитания зависят прежде всего от ценностей, которые были выбраны ориентирами в воспитании.

В социологии выделяется несколько подходов при изучении понятия воспитания. Однако для того, чтобы раскрыть особенности воспитания в школе на современном этапе, считаем необходимым обратиться к работам Уральской социологической школы, представленной трудами профессора А. В. Меренкова и его выпускников [1; 2; 3].

Согласно теории духовно-нравственного развития личности А. В. Меренкова, *воспитание* — специально созданная система развития и саморазвития личности, при которой происходит формирование ценностных ориентаций, «опирающихся на действующие в культуре социума нормы, правила. Их принятие обеспечивает включение личности в совместную с другими общностями совместную деятельность» [4].

«Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» гласит, что воспитание подрастающего поколения — «стратегический национальный приоритет, требующий консолидации усилий различных институтов гражданского общества и ведомств на федеральном, региональном и муниципальном уровнях» [5]. Актуальность данного тезиса обусловлена необходимостью преодоления последствий гуманитарного кризиса, который проявляется в существенном снижении воспитательного потенциала общества в России, росте негативных явлений и ценностной дезориентации в молодежной среде.

Значимость и важность повышения эффективности и качества воспитательной работы с обучающимися обусловлена необходимостью реализации указов Президента РФ, федеральных законов РФ (Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»; федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»), ряда постановлений Правительства РФ и иных нормативно-правовых актов РФ [6].

Необходимо отметить, что положения проекта «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» взаимосвязаны с «Национальной стратегией действий в интересах детей на 2018–2027 гг.» и «Основами государственной молодежной политики до 2025 года» [7].

Исходя из «Концепции модернизации российского образования», воспитание, в качестве приоритетного направления, которое призвано более полно учитывать интересы, склонности и способности обучающихся, должно стать органичной составляющей педагогической деятельности, интегрированной в общий процесс обучения и развития ребенка [8, с. 6]. Государство возлагает на систему образования ответственность по поддержке обучающихся, осознанию важности максимального раскрытия их возможностей, жизнесберегающего использования интеллекта и способностей, не нарушая при этом психического здоровья ребенка [9, с. 39].

Формирование ценностных ориентаций учащихся в современных российских школах — психологический и нравственный фактор самоопределения и самореализации личности ребенка, в котором особое внимание сосредоточено на ценностных ориентациях, выступающих в качестве основы их психолого-эмоционального взаимодействия [10].

В современных условиях учителям приходится задумываться об обострившихся проблемах гражданско-правового, морально-этического и нравственно-эстетического воспитания молодого поколения, о привитии им навыков здорового образа жизни.

Одним из средств формирования ценностных ориентаций является воспитательная работа, которая включает в себя представления о ценностях и осознание их обучающимися, принятие и реализацию ценностных ориентаций в деятельности и поведении, закрепление ценностных ориентаций в социуме и перевод их в статус качества личности [8; 11].

Воспитательная работа — это специально организованная целенаправленная деятельность по формированию и развитию сознания и самосознания ребенка, нравственной позиции и ее закреплению в поведении. Следовательно, под главной целью воспитательной работы в школе подразумевается создание условий для активной жизнедеятельности, гражданского самоопределения и самореализации, максимального удовлетворения потребностей в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии школьников.

Осмысление проблем воспитания в школе в современной России основано на теоретико-методологическом понимании солидарности с обществом как социального явления, под которым понимается поиск общих моральных ценностей. При таком понимании солидарность в современной школе становится не только приоритетом воспитания, но и ценностной составляющей, определяющей основой содержания образования.

В настоящее время в обществе существует мнение о том, что образовательная сфера в регионах России испытывает определенные трудности. Например, образовательные учреждения находятся в ситуации, когда они должны конкурировать друг с другом за преференции со стороны региональной власти. Для того чтобы изменить ситуацию, необходимо создать и разработать совместные исследовательские и образовательные программы, которые позволят школам в регионах «обмениваться преимуществами», помогать компенсировать недостатки, стремясь к тому, чтобы каждое образовательное учреждение в регионе имело хорошие показатели по воспитательной работе. Главной целью реализации таких программ становятся интегрированная межрегиональная академическая среда и адаптированная к потребностям региона научно-образовательная система.

В свою очередь солидарность, проявляясь в качестве приоритетов воспитательной работы в школе, способствует решению главной задачи любого регионального и межрегионального образовательного проекта — стимулировать внутри- и межрегиональные взаимодействия, организуемые вокруг социально значимой, интересной для широких слоев населения и эффективной активности воспитательного характера.

С целью изучения готовности современных российских школьников солидаризироваться с другими людьми обратимся к промежуточным результатам исследования, проведенного в ноябре 2021 г. в образовательных учреждениях Свердловской области. Объектом исследования были выбраны учителя, метод сбора информации — анкетирование методом онлайн-опроса с использованием сервиса Google Forms. В ходе промежуточного этапа исследования было опрошено 263 человека. Из них 54 учителя представляют школы Екатеринбурга, 209 — школы Свердловской области. Исследование проводилось на базе кафедры политических наук департамента политологии и социологии УГИ УрФУ под руководством Н. И. Сивковой.

Как уже было отмечено, солидарность предполагает единение с другими людьми, ориентацию на ценности других людей. Человек формируется только в процессе взаимодействия с обществом, учитывая индивидуальные или же групповые ценности. По этой причине важно выяснить, какими же видят учителя современных школьников с точки зрения их материальных и духовных ценностей.

Исследование показало, что, по мнению педагогов, нынешние дети хорошо владеют гаджетами и средствами коммуникации, на это указали около 67 % опрошенных учителей, причем две трети уверены в том, что именно гаджеты представляют наибольший интерес для подрастающего поколения. Проблема в том, что учителя замечают негативные тенденции среди школьников, такие как ориентация на личный интерес, неумение учитывать интересы других людей (38 %), нежелание прикладывать усилия для улучшения материального положения.

Цифровая реальность затмевает все, не происходит формирования интересов взаимодействия с другими людьми. Учителей очень беспокоит то, что практически 50 % детей ориентированы на реализацию личных интересов — растет поколение, которое не готово солидаризироваться с другими людьми. Происходит деградация общества —

много тех, кто нацелен на личное обогащение, кому безразличны другие люди и опыт прошлых поколений, уменьшается доля тех, кто проявляет уважение. Дети становятся технически зависимыми, нацеленными на реализацию узколичностных интересов.

Исходя из полученных значений, было интересно выяснить и понять, как сформировать морально ценностное единство у учащихся, с какими трудностями сталкиваются учителя.

Предварительные результаты исследования показали, что, по мнению педагогов, зависимость от технических средств подменяет реальную деятельность виртуальной жизнью, школьники буквально живут в интернете, у значительной части появляется игровая зависимость (53,7%). Зависимость от интернета ведет к клиповому мышлению, дети получают легкое возбуждение, им становится лень учиться, преодолевать трудности (64%), не формируется сила воли (трудности формирования желания успешно учиться — 56,3%; трудности формирования самостоятельности — 39,6%).

Проблема солидарности — сложная междисциплинарная проблема, которая в научных исследованиях чаще всего рассматривается как мобилизующая сила, объединяющая людей на основе общих ценностей и интересов, т. е. подчеркивается мобилизующий потенциал солидарности, реализуемый через социальные институты государства. В то же время солидарность имеет и ценностную морально-нравственную составляющую. По мнению Е. А. Попова: «Солидарность рассматривается в положительном ключе как один из эффективных способов самоорганизации общности или коллектива для реализации конкретных целей, но нужно иметь в виду, что возможности достижения таких целей могут идти вразрез с общеизвестными нормами морали и нравственности (к примеру, если индивид поставлен в сложную ситуацию нравственного выбора). В этой связи значимость моральной солидарности многократно возрастает, и она начинает определять способность индивидов взаимодействовать друг с другом в морально-нравственном поле» [11, с. 28]. В приведенном высказывании подчеркивается как морально-нравственная составляющая солидарности, так и ее формирование вокруг тех ценностей и форм поведения, которые могут носить скорее деструктивный характер, что и подтвердило проведенное исследование.

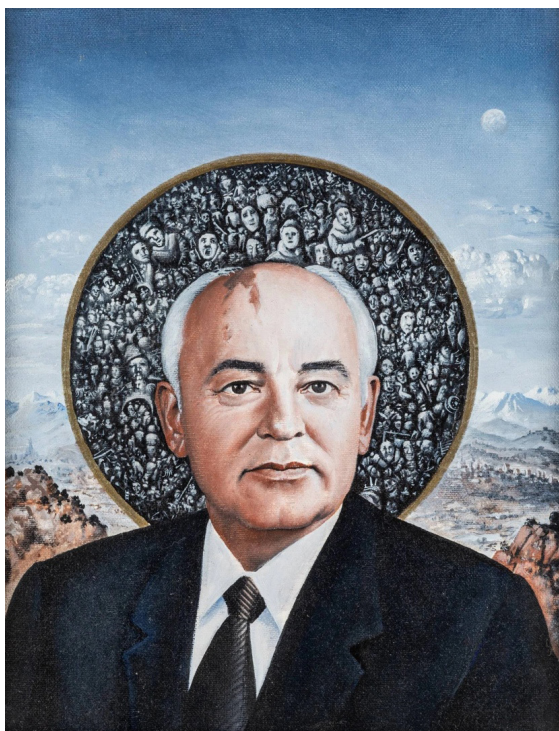
Список источников

1. Заводова Ю. В. Ориентации старшеклассников на саморазвитие в учебной и внеучебной деятельности: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2010. 18 с.
2. Меренков А. В. Нравственное воспитание: от прошлого к будущему // Известия Уральского федерального университета. 2012. № 1 (98). С. 91–101.
3. Меренков А. В. Сущность качественных изменений воспитательной деятельности в динамично меняющемся мире // Известия Уральского государственного университета. 2011. № 4 (95). С. 68–74.
4. Социология воспитания : учеб. пособие / Л. Л. Рыбцова, А. В. Меренков, Т. И. Гречухина [и др.]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. 174 с.
5. Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р // Собрание законодательства РФ. 2015. № 23. Ст. 3357. URL: <https://clck.ru/sMCfo> (дата обращения: 01.04.2022).
6. Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ : принят Государственной думой 21 декабря 2012 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598. URL: <https://clck.ru/sMCdw> (дата обращения: 01.04.2022).
7. Об итогах деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации в 2014 году и задачах на 2015 год : протокол заседания коллегии Министерства образования и науки РФ от 3 апреля 2015 г. № ПК-1вн // Бюллетень нормативных правовых актов. 2015. № 18.
8. Новикова Г. П. Ориентация на гуманистические традиции и ценности как идеология инновационных образовательных процессов // Педагогическое образование и наука: МАНПО. 2005. № 5. С. 15–20.
9. Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей. М. : Академия, 2002. 320 с.

10. Personality Ecological Culture: Universal of Ethical Principles of Human-Environment Interaction / G. P. Novikova, E. A. Kaptelinina, D. A. Pashentsev [et al.] // Foundation Environmental Protection & Research-FEPR. 2018. № 28 (107). P. 63–71. URL: <https://clck.ru/sMDBs> (date of access: 01.04.2022).
11. Попов Е. А. Солидарность как явление современной культуры // Философия и культура. 2021. № 11. С. 26–32. URL: <https://clck.ru/sKkYq> (дата обращения: 01.04.2022).

Memoria

Алексей Сундуков (род. 1952). *Горбачёв*. 1991. 35,5×27,5 см. Частная коллекция
URL: <https://clck.ru/wpmxm> (дата обращения: 01.09.2022)

Редакторская заметка

УДК 321+323.22/.28+327.54/.56/.57

Памяти Михаила Горбачёва (1931–2022)

Константин Александрович Поташев

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

kossstatin@ya.ru

Editorial note

In Memory of Mikhail Gorbachyov (1931–2022)

Konstantin A. Potashev

Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

kossstatin@ya.ru

Пока осуществлялась редакционно-издательская подготовка этого сборника, в мире произошло множество событий, интересных для рассмотрения в контексте заглавной темы издания. К сожалению, некоторые из них носят печальный характер. Так, вечером 30 августа 2022 г. в Москве на 92-м году жизни после продолжительной болезни скончался Михаил Сергеевич Горбачёв.

Последний лидер Советского Союза до сих пор вызывает неоднозначную реакцию в российском (а также постсоветском) обществе. Одни обвиняют Горбачёва в политической и человеческой слабости (например, ставят в упрек якобы существовавшую зависимость от Раисы Максимовны, жены политика), выводе войск из Афганистана и, конечно, «распаде» Организации Варшавского договора и СССР [1, с. 112; 2, с. 303–305, 311–313]. Другие же отмечают миротворческую роль Михаила Сергеевича в окончании холодной войны, подписании

соглашений о сокращении различного рода вооружения, а также характеризуют период его правления как начало формирования российской демократии [3, с. 121–124; 2, с. 309–311]. Одно можно сказать наверняка — Горбачёв в свое время оказал значительное влияние на изменение культуры и природы политической власти не только в Советском Союзе, но и во всем мире.

Мы не будем подробно рассматривать биографию и карьеру единственного президента СССР, тем более что его личности посвящено множество статей и книг, в т. ч. автобиографических, а также различных телепрограмм (среди которых, пожалуй, наиболее известной является документальный фильм Леонида Парфёнова «Он пришел дать нам волю», 2011 г.). Политический же портрет Горбачёва, на наш взгляд, прекрасно составлен Н. Н. Разуваевой, которая описала путь Михаила Сергеевича со становления весной 1985 г. генеральным секретарем Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС), иными словами, лидером СССР, а также попыталась объективно оценить его деятельность на высших постах страны [4]. Отметим кратко лишь наиболее значимые моменты в биографии политика.

Родился Горбачёв 2 марта 1931 г. в Ставрополье, в селе с, быть может, пророческим названием — Привольное. Закончив в 1950 г. школу, был зачислен на юридический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (МГУ). К слову, в вузе он и познакомился с Р. М. Титаренко, на которой женился в 1953 г. Сразу после окончания МГУ М. С. Горбачёв вернулся на родину, где и началась его активная партийная деятельность — в 1970 г. он возглавил край, что способствовало его личному знакомству с высшими чинами КПСС, отдыхавшими в Ставропольском крае. В конце 1978 г. избран секретарем ЦК КПСС, а еще через два года стал членом Политбюро ЦК КПСС, высшего руководящего органа партии [5].

Становление Михаилом Горбачёвым генсеком ЦК КПСС наконец прервало так называемую гонку на лафетах — череду смертей высших партфункционеров: А. Н. Косыгина (1980), М. А. Суслова, Л. И. Брежнева (1982), Ю. В. Андропова, Д. Ф. Устинова (1984), К. У. Черненко (1985). Действительно, на тот момент 54-летний Горбачёв был самым молодым среди всей советской верхушки, которой было за 60–70 лет [6, с. 95].

Почти с самого начала своего правления М. С. Горбачёв говорил о необходимости изменения советской действительности. Хотя в пер-

вые месяцы использовались технократические и административные методы Андропова, уже через год с трибун стали произноситься, а затем и печататься в газетах такие слова, как ускорение, гласность, перестройка. Новый генсек постепенно начал проводить комплекс реформ, затрагивающих все сферы СССР. В обществе также стали заметны изменения: политика гласности привела к открытому обсуждению сталинского периода с его репрессиями, из ссылки стали возвращаться диссиденты (наиболее знаменитый случай — звонок Горбачёва академику Андрею Сахарову, после которого последнему вернули все награды и позволили вернуться в Москву), наконец были опубликованы запрещенные в свое время произведения Евгения Замятина, Николая Гумилёва, Василия Гроссмана и других писателей, а Виктор Цой пронзительно требовал перемен [7, с. 288–289].

Курс на демократизацию затрагивал и внутреннее устройство страны — в 1989 г. появился новый высший орган госвласти в лице Съезда народных депутатов СССР, за работой которого следили у экранов телевизора. А через год народные избранники выбрали М. С. Горбачёва в качестве первого президента Советского Союза.

Во внешней политике Горбачёв пытался наладить взаимоотношения как со странами Запада, так и с Китаем, что, в конце концов, принесло свои плоды: премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер отмечала, что с лидером СССР можно работать, президент США Рональд Рейган больше не использовал критические характеристики по отношению к Советскому Союзу, а в советско-китайском направлении наконец наступило потепление.

В то же время СССР времен перестройки отличается трагическими событиями, такими как авария на Чернобыльской атомной электростанции (Украинская ССР, 1986), Спитакское землетрясение (Армянская ССР, 1988), геополитическими (например, невмешательство в процесс объединения Германии) и экономическими провалами (например, антиалкогольная кампания, которая уменьшила доходы страны, но увеличила продолжительность жизни населения).

После событий августовского путча и подписания Беловежских соглашений о создании Содружества независимых государств в 1991 г. СССР формально прекратил свое существование — Михаил Горбачёв не стал каким-либо военизированным образом противостоять союзным республикам в стремлении к независимости и 25 декабря в телевизионном обращении сложил с себя полномочия президен-

та СССР. После этого последний лидер Советского Союза посвятил себя общественной деятельности, которой занимался до самой смерти.

В мире по-разному отреагировали на кончину М. С. Горбачёва, что еще раз эксплицирует противоречивость его фигуры. Однако, как мы отмечали выше, роль Михаила Сергеевича, вера в собственные (пущай, и романтические) идеалы заложили демократические начала в развитие Новой России.

Список источников

1. Яковлев С. Люди злы на Горбачева // Родина. 2005. № 6. С. 112. URL: <https://clck.ru/yAJhQ> (дата обращения: 01.09.2022).
2. Хлопаева М. Е., Хлопаева Н. А. Михаил Горбачев в отечественных СМИ: pro et contra // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. Т. 23, № 1. С. 298–316. URL: <https://clck.ru/yAMXt> (дата обращения: 01.09.2022).
3. Награждение М. С. Горбачева. Человек, который дал нам свободу // Международные процессы. 2011. Т. 9, № 1 (25). С. 121–124. URL: <https://clck.ru/yAPQ2> (дата обращения: 01.09.2022).
4. Разуваева Н. Н. М. С. Горбачев: штрихи к политическому портрету // Вестник ВЭГУ. 2010. № 4 (48). С. 40–50. URL: <https://clck.ru/yAQeg> (дата обращения: 01.09.2022).
5. Биография // Горбачёв-Фонд. URL: <https://clck.ru/yAUg3> (дата обращения: 01.09.2022).
6. Секиринский Д. С. М. С. Горбачев, перестройка и американское общество: 1985–1991 годы // Российская история. 2010. № 5. С. 95–109. URL: <https://clck.ru/yAW6V> (дата обращения: 01.09.2022).
7. Пученков А. С., Рябова Л. К. Михаил Сергеевич Горбачев: страницы из истории перестройки // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. Т. 23, № 1. С. 287–297. URL: <https://clck.ru/yAXJN> (дата обращения: 01.09.2022).

Научное издание

Культура и природа политической власти: теория и практика

Ответственные за выпуск А. Д. Гурарий, А. А. Керимов
Редакторы З. Р. Картавцева, К. А. Поташев, Н. Ф. Тофан
Иллюстрации на шмуцтитулах Е. Тоцкой
Верстка Е. В. Ровнушкиной

*Электронное сетевое издание
размещено в архиве
УрФУ <http://elar.urfu.ru>*

Подписано к публикации 07.09.2022. Формат 70×100 1/16.
Уч.-изд. л. 15,3. Объем данных 5,4 Мб.

Издательство Уральского университета
Редакционно-издательский отдел ИПЦ УрФУ
620049, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 5
Тел.: 8 (343) 375-48-25, 375-46-85, 374-19-41
E-mail: rio@urfu.ru
<http://print.urfu.ru>

